

Индекс П8643

6
2019

РОССИЯ XXI 2019 6

РОССИЯ XXI

6.2019 ноябрь-декабрь

Геоглобалистика

Виктор Мальков

«Кислотный тест» для дипломатии США.
Президент В.Вильсон и его консулы ищут решение
«русской дилеммы» _____ **6**

Страницы истории

Елена Жбанкова

Русский балет в поиске славянской идентичности _____ **42**

Европейские параллели

Евгения Лупанова

Переносные солнечные часы европейского
производства в коллекциях МАЭ РАН
(Кунсткамеры) _____ **64**

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

Юбилейная статья (1929 г.) как скрытая автобиография Сталина _____ **94**

Пути духовных исканий

Андрей Каравашкин

Три покаяния:
культурно-исторические типы
допетровской Руси _____ **108**

Актуальный архив

Нина Хайлова

У истоков либерального центризма
в России начала XX в. _____ **138**

Кирилл Шапошников

«Пламенные революционеры»
Александр Цытович и Анна Тарелкина.
Путь от Иркутска до Марселя _____ **166**

Contents in English look at the page 192

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

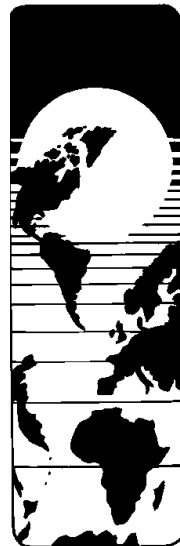
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Дипломатия – это искусство заставить
другого идти вашим путем.

Дэвид Фрост

Искусство внешней политики –
направить неизбежное в нужное русло.

Генри Киссинджер

Виктор Мальков

**«Кислотный тест»
для дипломатии США**

**Президент В. Вильсон
и его консулы ищут
решение
«русской дилеммы»**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
94(73+470)

Автор исходит из того, что с первых дней большевистской революции в России администрация Вудро Вильсона различными путями, прикрываясь внешней доброжелательностью, стремилась занять ведущую роль среди тех, кто предлагал России «помощь и содействие». Дипломатические службы США развертывали интенсивные разведывательно-диверсионные операции, распространяли свое влияние и агентуру в самых горячих точках страны. Эти действия сочетались с вооруженной интервенцией США в Советскую Россию, были поддержаны контрреволюцией на местах, развивались с учетом присутствия японского военного контингента в Сибири и на Дальнем Востоке, а также чехословацких частей из числа бывших военнопленных. В результате к 1919 г. США были близки к тому, чтобы установить нечто похожее на оккупационный режим в ряде мест, свободных от «красных» и их сторонников.

The author proceeds from the fact that from the first days of the Bolshevik revolution in Russia, the Woodrow Wilson administration, in various ways, under the guise of ostentatious goodwill, sought to take a leading role among those who offered Russia "help and assistance". The US diplomatic services launched intensive reconnaissance and sabotage operations, spreading their influence and agents in the hottest spots of the country. These actions were combined with US armed intervention in Soviet Russia, were supported by local counterrevolution, and developed taking into account the presence of the Japanese military contingent in Siberia and the Far East, as well as Czechoslovak units from among former prisoners of war. As a result, by 1919 the United States was close to establishing something similar to the occupation regime in a number of places free of the "Reds" and their supporters.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки и Гражданская война в Советской России; Вудро Вильсон; американская дипломатия и ситуация в регионах России в 1918 г.; антибольшевизм.

Key words: the United States and the Civil War in Soviet Russia; Woodrow Wilson; American diplomacy and the situation in the regions of Russia in 1918; Anti-Bolshevism.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

Шестой пункт знаменитой программы мира В.Вильсона, озвученной им 8 января 1918 г. перед объединенной сессией Конгресса США, затрагивал ключевой для западных «сестер» России вопрос. Президент называл его в своей речи «кислотным тестом» для всех них [33, р.537]. Речь шла об отношении к революции 1917 г. и понимании рожденных ею проблем. Наряду с другими немногими местными наблюдателями их суть с предельной ясностью выразил забытый сегодня современник событий с «американского берега» Раймонд Клэппер. Вашингтонский журналист и колумнист, вхожий в Белый дом, он принадлежал к плеяде ярких изобличителей нуворишей – «разгребателей грязи». Весьма скептически относившийся к официальной пропаганде и ее «корифеям», Клэппер предпочитал смелые откровения первичных свидетелей, оказавшихся в пучине российских событий и чувствовавших их внутренний нерв. Его восприятие интеллектуального раскола русского общества хорошо передавало письмо жене 8 декабря 1918 г., в лаконичной форме зафиксировавшее множество оттенков национальной трагедии огромной страны, увиденной разными людьми с разными взглядами и с разных сторон. И среди них такие, как Вудро Вильсон, Эдвард Хауз, Роберт Лансинг, Джордж Кеннан-старший, Эдгар Сиссон, Джордж Крил, а также Раймонд Робинс, Линкольн Стеффенс, Джон Рид, Самуэл Харпер и др. Типичным для Клэппера было сопоставление вильсоновских благих намерений («дать России шанс») с их воплощением в совместной с союзниками интервенции в Россию и «убийстве русских» (из письма жене).

**США. Белый дом.
У порога «Большого Страх»**

Нарисованная Раймондом Робинсом картина «русской весны» казалась Клэпперу наиболее правдивой, убедительной и, главное, неметафизической, продиктованной нешаблонным, нестандартным мышлением применительно, если воспользоваться словами З.Гиппиус, «к опоздавшей на века России» [5, с.123], но сделавшей неожиданный рывок, чтобы наверстать упущенное. «Мнение Робинса о происходящем в России, – продолжал он в письме, – как убедился я после короткой встречи с ним, прошедшей летом, заключалось в том, что Советы представляли натуральную туземную

форму местного самоуправления, которая возникла в России среди крестьян. Она была формой устройства, которую они знали хорошо, доверяли ей и могли заставить действовать без промедления. По этой причине Робинс советовал нашему правительству поддержать Советы и помочь им поставить Россию на верный путь. Однако Лансинг (государственный секретарь США. – *В.М.*), будучи в большей мере провинциальным юристом, чем государственным деятелем (к этому стоит добавить еще и газеты, печатающие всевозможные домыслы о преступлениях Советов), сформировал к этому времени такой отвратительный образ русской революции в Америке, что президент Вильсон был вынужден снять свой лозунг «дадим Советам шанс» и нехотя послал в Россию небольшой военный контингент» [10, с.133–148; 21, р.117, 118]. Клэппер, впрочем, может быть и не знал, что Вудро Вильсон еще до вступления США в войну весной 1917 г. учредил Комитет общественной информации во главе с либеральным журналистом и почитателем президента Джорджем Крилом и распорядился немедленно в сотрудничестве с Временным правительством в Петрограде развернуть широкую пропагандистскую кампанию по дискредитации радикализма в России в его нетрадиционных формах, пугающих как либералов, так и социал-демократов на Западе [38, р.167–170].

Вильсон придавал этой операции исключительное значение, предвосхищая тем самым важнейшую задачу многочисленных представительств и, прежде всего, консульств Америки, поселившихся во всех «горячих точках» России. Они заблаговременно готовили почву для идеологической обработки сознания россиян в духе «англо-американской мечты», надеясь установить напрямую общение с различными возникшими стихийно российскими общественными движениями и партиями, подпольными и легальными.

Общественное мнение США, только-только коснувшись простого осуждения русского самодержавия, антисемитизма, атмосферы полицейского надзора, косности и непрактичности «русского уклада», еще не успело распознать в беспорядочном поначалу народном бунте ростки рационального, разглядеть новое государственное образование, которое хоть как-то могло проявить знаки взаимопонимания, а может быть, и соответствовать тому, чтобы стать партнером по договоренности с державами Согласия и обеспечить сохранение роли

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

России в антигерманской коалиции вплоть до участия в мировой конференции.

Правительство США оказалось перед дилеммой: поддержать ли на финальной, непредсказуемой стадии мировой войны централизованную власть в России, добиваясь любой ценой продолжения ею участия в войне с Германией, либо, приняв риск покровительства Белому движению, сделать ставку на более или менее однородные, но соперничающие друг с другом краевые объединения, трактующие вильсоновский тезис о самоопределении наций в духе признания их территориального отсоединения от России¹. Раймонд Робинс, так же как и другие активисты «прогрессивной эры» оказавшийся в период революционной смуты в России, уверовал в особый тип трансформации российского государственного устройства, которое постепенно разворачивалось в сторону того, что Герберт Уэллс назвал «всемирной коллективистской системой» [15, с.75]. Робинс внутренне (и вовсе не ради показной левизны) был убежден, что, во-первых, большевистская революция была кардинальнейшим моментом в судьбах человечества [10, с.133–148] и, во-вторых, что большевики нашли формулу прогресса и народовластия в лице Советов – органов местного самоуправления, нацеленных на созидание, эксперимент и гражданское воспитание масс. Соединенные Штаты не должны были им в этом мешать, признав *de facto* правительство большевиков и наладив с ним деловые отношения. Робинс сходил с вашингтонской администрацией только в одном – в желании удержать Россию в войне путем восстановления Восточного фронта. Таким ему виделось закрепление дружеских уз России с демократическим Западом, ее скорая реинкарнация и возвращение в антикайзеровскую коалицию.

В.Вильсон сам считал «эту великую войну за свободу и справедливость» [40, р.71–90] неким очистительным явлением, прежде всего, для германского и русского народов, не позволившим им не только одурманить себя ложью, ненавистью и чувством безнадежности, но и дающим надежду на избавление от подозрительности и недоверия в ходе усвоения принципов либеральной демократии. Возвращением

¹ Интересные соображения на эту тему высказаны С.В.Листиковым в его статье [9]. Существенную и самостоятельную роль в признании статуса и самостоятельности стихийно возникающих национальных образований играли американские консулы. А.И.Деникин резко осудил эту практику в своих воспоминаниях (см.: [6, с.175]).

двух потерявших ориентиры народов к здравому смыслу были отмечены многие рассуждения Вильсона.

Но в пафосной риторике Вильсона Великая война имела еще свой особый скрытый смысл, оборачиваясь едва ли не благодеянием, источником снятия всех классовых и экономических антагонизмов и создания совершенно новой миросистемы, преобразующей межгосударственные отношения и утверждающей краеугольные принципы демократии и свободы. Что могло быть благороднее этого генератора общей воли, говорил он в ряде своих выступлений в конце 1917 – начале 1918 гг.: «Высший момент истории наступил. Глаза людей открылись, и они стали видеть» [33, р.199]. Этими словами Вильсон закончил свое ежегодное послание Конгрессу 4 декабря 1917 г.

Вместе с тем революционный выход из войны Вильсон отвергал категорически. Его «ренессансная дипломатия», сделавшая акцент на добровольность, субъектность права новых государственных этнообразований, возникших в ходе войны, предполагала изложение этих предлагаемых мировому сообществу обстоятельств почти полностью.

Вполне понятно, что «14 пунктов» речи Вильсона 8 января 1918 г., наспех сформулированных президентом, вызвали к себе далеко не однозначное отношение. В России критики было предостаточно, в том числе со стороны кадетской партии П.Н.Милюкова, считавшей, что Запад забыл о «коренной» России, отдав предпочтение краевым объединениям. Кадеты называли это увлечение «величайшей болезнью» Вильсона². Правые и монархисты, поддерживая идею «единоличной диктаторской власти» то ли Деникина, то ли Колчака, волею неволей ставили себя в зависимость от дипломатии и военной помощи великих держав и с подозрением относились к Вильсону, который, по их мнению, «заигрывал» с большевиками³. Волею судеб последние оказались поначалу ближе всех к автору высоких слов о мире и человечности, «признанного бескорыстного апостола мира и братства народов». Но они крайне сдержанно относились к попыткам втянуть Россию в коалиционные действия на стороне стран Согласия. Для большевиков Великая война не могла иметь продолжения.

² См.: [14, с.500].

³ Об этом см.: [4, с.259].

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

Россия не может воевать и не хочет этого делать, рвалось из глоток великого схода ее трудового народа. Именно к нему апеллировали большевики. Именно их история сделала творцами событий, облачив их в те одежды, которые оказались подходящими. Россия должна продолжать воевать – таким было преобладающее мнение в западных столицах и в Вашингтоне в том числе. Для стран Согласия осталась невидимой глубина тех процессов, которые потрясут вскоре Россию, а затем и весь мир. С исторической достоверностью Б.Л.Пастернак высказался о ней позднее в романе «Доктор Живаго», в котором он «договорил все до конца»: «Замечаются очень резкие перемены в последнее время. Недавно были святы долг перед родиной, военная доблесть, высокие общественные чувства. Но война проиграна. Это главное бедствие и от этого все остальное, все развенчано, ничего не свято» [12, с.126]⁴.

Отголоски этого морального, военного и хозяйственного обвала доходили до США, но чаще всего в преломлениях «Большой прессы». Именно этим объяснялось решение Вашингтона обеспечить свое присутствие в виде консульских учреждений во всех крупных городах России от Владивостока до Москвы и Петрограда. Очевиднее всего расчет строился на скором исчерпании радикальных настроений и вовлечении США в планы «переустройства» России⁵.

Корпус «освободителей», как называла З.Гиппиус многочисленные засланные США и Антантой в Россию «исследовательские» комиссии и группы, имел широкие полномочия и выход на первых лиц соответствующих государств. Такой была и «комиссия Рута» с ее набором влиятельных лиц из США (Ч.Крейн, Дж.Мотт, С.Харпер и др.) – всепроникающих железнодорожных экспертов, установивших свой технический контроль за крупными узлами на Транссибе, и военных экспертов, изучавших инфраструктуру российских тылов и

⁴ Почитаемая в Америке «бабушка русской революции» Е.Брешко-Брешковская подтверждала, что солдатская масса России была убеждена, что мир с Германией был абсолютно необходим [1, с.281].

⁵ Более всего Вильсона беспокоила перспектива оказаться свидетелем успеха Японии, видевшей под своим контролем российский Дальний Восток и всю Сибирь. Вплоть до капитуляции Германии Вильсон благоволил к Японии, отдавая свое решение об участии в межсоюзнической акции, на чем настаивали посол Фрэнсис и другие американские деятели в России, уговаривая президента не церемониться с «пособниками» Германии и носителями злобного деспотизма [41, р.146].

Сибирь как возможный плацдарм для совместной американо-японской экспедиции с целью спасения Восточного фронта. Дипломатические учреждения США, рассредоточенные по всей стране, призваны были помимо всего прочего обслуживать этот пестрый состав «друзей русской свободы», координировать его деятельность, предоставить ему относительную безопасность в условиях ужасающего политического хаоса и нестабильности в стране, решившейся на приступ будущего.

Автор статьи не мыслит о создании всеохватывающей картины деятельности американских дипломатических представительств в России от начала революции до ее кульминации. Эта задача просто недостижима для малых форм исторического исследования. Остаются недоступны многие источники. Важные процессы вообще не оставили после себя заметного следа или были неверно истолкованы из-за предвзятости наблюдателей, несовершенства хранения документации или ее гибели.

Те материалы по теме исследования, которые были доступны автору, наталкивали на вопрос, с чего дипломатии западных демократий (в том числе и США) волей-неволей следовало начать распутывать клубок страстей, в условиях которых даже выдвинутый временем герой театральных жестов А.Ф.Керенский мог свободно говорить о принесении в жертву революции совершенно непричастных к ней людей и славить победу в войне, которую в России уже никто не хотел. На помощь дипломатии союзников пришел интеллектуал Вудро Вильсон, очень искусно предложив свою интерпретацию участия в войне.

«Сделать мир безопасным для демократии» – девиз, предложенный Вильсоном, – воодушевил лидеров Антанты и всех будущих творцов Версаля. Но он же чрезвычайно осложнил поведение «практикующих» в России американских дипломатов, – рядовых исполнителей многоходовок Белого дома и государственного департамента. Обнаружить последовательность и согласованность в решениях и действиях президента и его государственного секретаря Лансинга часто просто не удавалось. К этому, пожалуй, следует добавить, что американские консулы по традиции административно имели относительную самостоятельность, позволявшую им чувствовать себя иногда вровень с послом благодаря знанию языка, хорошо усвоенным

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

местным обычаям и молчаливому признанию их особо уполномоченными действовать именем федеральных властей в случаях, требующих немедленного реагирования.

Расхождения в тактике и стратегии федеральных чиновников и дипломатических низов сопутствовали расколу в сибирском обществе. Профессор Антербергер пишет: «...Американские представители в Сибири (речь идет о многочисленных откомандированных дипломатах, железнодорожных специалистах, снабженцах и военных. – *В.М.*), действуя вне контакта с вышестоящим начальством, строили свою линию поведения, порой не согласовывая ее с Вашингтоном». Чаще всего американские консулы расходились по вопросу о том, как вести себя в отношении военных успехов и поражений чехов в Сибири и в обращении с новыми сибирскими правительствами, возникшими исключительно благодаря чехам. На примере консула Джона Рея из Томска Антербергер показывает, сколь откровенно американские дипломаты добивались признания Сибирского временного правительства. Оказывается, делалось это ради того, чтобы новые правительства сняли с японской интервенции клеймо агрессора, тем самым позволив американцам обеспечить свой собственный контроль над владением Транссиба и его дочерних предприятий [41, p.255].

Белый дом ревниво следил за экспансией японцев в Сибири и Маньчжурии, заискивая перед воинством микадо. Напротив, американские эмиссары на местах могли легко войти в контакт и стать на сторону тех же японцев, если последние «зачищали» площадь за площадью от партизан. Консулы могли проявить самостоятельность в отношении то тут, то там возникавших правительств, чья политическая ориентация могла и не устраивать Вашингтон. Неразбериха господствовала в отношении самоорганизовавшегося и вооруженного Чехословацкого легиона, вступившего в острый конфликт («не на жизнь, а на смерть», как пишет профессор Антербергер) с большевистской властью и японцами одновременно.

Именно здесь, на Дальнем Востоке и Юго-Востоке Азии, возник чувствительный для американской общественности вопрос смещающегося центра американской дипломатии от изоляционизма к экспансионизму, решавшей в Сибири свои задачи отчасти руками сильного партнера, который преследовал свои захватнические цели. Американские консулы, напротив, более чем терпимо относились к присут-

вию японцев на Дальнем Востоке, рассчитывая, что русские левые правительства предпочтут в конце концов американское присутствие. Япония же, желая заручиться поддержкой США на будущей мирной конференции, вынуждена была сдерживать свои амбиции. Это позволяло американской дипломатии в лице консулов, доверенных лиц из инженерных команд, разведывательных служб, представителей молодежных и религиозных движений реализовывать ту методику, которую позже историк и теоретик «реальной политики» Джордж Кеннан выразит следующими словами: «Нам надо исходить из того, что передовая линия обороны Америки должна находиться на расстоянии нескольких тысяч километров от ее берегов» [8, с.200].

Вудро Вильсон (отчасти неожиданно для самого себя) был первым, кто создал и внедрил многоцелевую систему с различными правительственными полномочиями «временных» представительств, выполнявших на огромном пространстве России дипломатические, «инспекторские», военно-стратегические, разведывательные, пропагандистские задания. Делали они это с различной степенью удачливости, но одинаково усердно. Вильсона не устраивала, например, манера некоторых из них по-своему решать проблемы, возникающие в особых обстоятельствах русского Севера, Юга России, Кавказа, Поволжья и Сибири. Не устраивала еще и потому, что конкретные решения предлагались часто людьми, подобранными госсекретарем Робертом Лансингом, видевшим главную цель Америки в предотвращении полного захвата власти в России большевиками с последующим выходом ее из войны. Вильсоновские «заигрывания» с новой властью в Москве он решительно отвергал. Его формулой было «не признавать и не участвовать». Не признавать любые новые образования на территории России и не содействовать японской интервенции.

Лансинг никоим образом не был замечен ни в знании тонкостей истории русского радикализма, ни в сочувствии к его оппонентам. На запрос президента Вильсона от 1 января 1918 г. о возможности неофициальных контактов с большевиками он отвечал пространными рассуждениями без четкого определения, кому они были адресованы: президенту или же вождям новой России, с их глобальными амбициями, неуважением к частной собственности и проповедью воинст-

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

вующего атеизма⁶. Однако численность дипломатического десанта, направленного вашингтонской администрацией в Россию, совершенно не соответствовала призыву Лансинга отказаться от «любых контактов с захватившими власть в Петрограде» большевиками, лишив их полностью легитимности и доступа к средствам информации и, наконец, ощущения авторитетной силы, возникающей *de facto* из непризнания правительства России. По Лансингу, бедствия народов России возникли из-за «социальной и хозяйственной дезорганизации» как следствие «радикальных перемен в политических институтах» страны. Лансинг не побоялся выступить оппонентом Вильсона, более прагматично и с запасом альтернативных решений оценившего ситуацию в России и рождение большевистской власти [36, p.393–395].

Формула Лансинга была целиком пронизана антибольшевистским контентом. Какие бы нюансы ни возникали в процессе кровавых конфликтов на территории России, большевизм и Советы, как крайние и самые опасные проявления нового «абсолютизма», должны были быть истреблены до конца, уступив место «просвещенным лидерам». Гибридный характер будущей русской государственности: наличие автономных, малых этнических объединений, входивших в состав целостного государства – бывшей Российской империи, – и превращение их в инструмент идеологической санации гражданских институтов, по внутреннему убеждению Лансинга, – наилучшим образом соответствовал реальной ситуации и одновременно духу рождавшегося нового мироздания. Однако из всех возникших на территории России временно «отсоединившихся независимых формирований» безоговорочного непризнания заслуживал, по Лансингу, только большевистский режим [17, p.4, 58, 258–261; 33, p.555, 559, 562–564].

Обострение внутренних трений в кабинете Вудро Вильсона после Февральской революции 1917 г. в России совпало с превращением многочисленных американских дипломатических консульств из вспомогательных учреждений при посольстве США в самостоятельные центры американского влияния и разведывательно-агентурной деятельности. Карьерные дипломаты США в России стремились выйти из-под опеки плохо знавшего страну и к тому же запутавшегося в амурных интрижках посла Дэвида Фрэнсиса и навязать ему жесткую

⁶ См. письмо Р.Лансинга В.Вильсону от 2 января 1918 г. [33, p.427–430].

линию проведения открытой поддержки антибольшевистских сил, к которой В.Вильсон стремился не прибегать.

**«Союз меча и орала».
Рукопожатие мистера
Саммерса**

Мадден Саммерс, генеральный консул США в Москве, женатый на дочери русского помещика, семье которого грозила потеря всего достоинства, считал посла чем-то вроде

манекена, неспособного ни реально влиять на ситуацию в Петрограде и в Москве, ни содействовать созданию в Вашингтоне атмосферы, в которой правительственные чиновники отличали бы Керенского и Милюкова от Ленина и Троцкого. Не имевший прямой связи с Вашингтоном, Саммерс не мог знать, что непоследовательность посла Фрэнсиса объяснялась преимущественно отмалчиванием президента. В личном дневнике военно-морского министра Джозефа Дэниэлса от 30 ноября 1917 г. в записи в связи с обсуждением «русской ситуации» в Белом доме зафиксировано объяснение президентом Вильсоном его отклонения предложений о признании «правительства Троцкого». Причина: положение в России слишком «хаотично», чтобы что-то предпринимать. И только [33, р.176]. В конце концов этот стиль выжидания сложился в формулировку «дать русским собственной кровью завоевать себе спасение» [23, р.70, 71].

Уловив неприятие государственным секретарем Лансингом склонности президента поддерживать контакты с большевиками, Саммерс проявил инициативу в налаживании тесных связей с их оппонентами, рискованным образом ведя с ними деловые переговоры вплоть до тайных договорных соглашений. Боясь упустить время, Саммерс взял на себя ответственность в создании подпольной сети добровольных помощников, способной обеспечить США перевес в случае возникновения чрезвычайной ситуации в той или иной горячей точке. Самые ранние попытки Саммерса наладить такой законспирированный канал связи с военной оппозицией большевизму датируются концом 1917 г., когда США только-только вступили в войну и ввели свой негласный план вытеснения немцев «с самого большого русского рынка» [17, р.110–111].

Получив в конце 1917 г. запрос государственного департамента о резерве волонтеров, «сочувствующих» странам Согласия в их буду-

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

ших операциях, Саммерс предпринял рискованные шаги по рекрутированию дополнительных сотрудников американских консульств либо в качестве служащих «на довольствии», либо просто сборщиков информации. Часть из них становилась «порученцами» Саммерса, участниками разного рода конспиративных акций на пространстве России. В статье о судьбе одного из отчаянных искателей острых ощущений историк Дэвид Фоглесонг на базе малоизученного архивного материала со многими важными подробностями показал механизм создания интернационального антибольшевистского подполья с участием «новобранцев» Саммерса. Фоглесонгу удалось обнаружить ведущие нити в клубке связей, возникших в ходе гражданской войны в России, показать проникновение американцев в структуры пестрой антикрасной «реконкисты» в самых отдаленных окраинах страны [17, р.92–114; 18, р.154–195].

Саммерс стремился «прибрать к рукам» южный анклав Белого движения. Получив благословение Лансинга, Саммерс уже в декабре 1917 г. направляет своего самого способного помощника в Москве консула Девитта Клинтона Пула с «ознакомительной» миссией на юг России. Там, в районе Ростова-на-Дону и Новочеркасска, происходило формирование Добровольческой армии во главе с генералами М.В.Алексеевым и А.И.Деникиным. Пул, вторично посетивший Ростов в феврале 1918 г. и попытавшийся (впрочем, без особого успеха) наладить контакты между высокими чинами старой армии, почувствовал себя скорее дознавателем, чем посредником в улаживании ссор между вчерашними соратниками по оружию вокруг выработки общей политической платформы с центральной идеей продолжить войну с Германией. Генералы, перешедшие в антимонархический лагерь, неохотно мирились с социал-демократами вроде Б.В.Савинкова с его заговорщическими замашками и кадетами-западниками вроде П.Н.Милюкова и П.Б.Струве.

Дипломат и разведчик Пул за всеми этими склоками открыл для себя более серьезную причину неспособности сгруппировавшихся на юге России борцов против большевистской тирании сплоченно выступить за спасение России против смуты и ее очага в Москве. Много позднее в своих воспоминаниях Пул с аналитической достоверностью отмечал: «Мы еще не совсем ясно осознавали степень поражения русского народа и не понимали, что в тот момент в России ни у одной

власти не было надежды на выживание в случае продолжения сопротивления Центральным державам. Русские были попросту унижены, это было неопровержимым фактом, но мы, естественно, не теряли надежды»⁷.

Банкротство самодержавия с удовлетворением было воспринято в Вашингтоне как абсолютно естественное и неизбежное. Однако появление большевистских анклавов, претендующих на все богатства России, было подобием тяжелого сна со скверным пробуждением. Хуже всего, что все пошло не так, как представлялось. Вильсонизм лишь опосредованно и без всякой гарантии на успех был в состоянии повлиять на международную политику большевиков.

Дебаты о главном

Американская дипломатия испытывала нечто подобное сильному замешательству, если не растерянность. Во всем сказывался раскол в ведущей группе политиков во главе

с президентом и его ближайшим окружением. Вильсон колебался, участвуя в нескончаемых дебатах в Овальном кабинете и вчитываясь в записки экспертов по «русским делам». Самый близкий его помощник, полковник Эдвард Хауз, предпочел бы видеть Россию раздробленной с тем, чтобы закрыть дорогу военной диктатуре или возвращению монархизма. Даже между «единомышленниками» по статусу, президентом Вильсоном и госсекретарем Лансингом, несмотря на демонстрацию ими до поры до времени сдержанности в отношении выбора России, сохранялось острое несогласие. Оба как будто бы сохраняли приверженность идее целостности России ради соблюдения имиджа Америки, но делали это по-разному. Интеллектуал Вильсон поначалу склонен был проявлять снисходительность к большевикам и даже «неофициально признать» их, демонстрировавших расположение к его (Вильсона) принципу самоопределения наций и федерализму в духе американской модели.

Напротив, Лансинг изначально решительно осуждал идеологическую угрозу, исходящую от революционных фанатиков-марксистов, но полагал, что любой сепаратизм почти гарантировал возвращение

⁷ Цит. по: [7, с.188].

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

пангерманизма в Европе, что могла бы предотвратить лишь единая Россия. Большевистскому «варварству» и всемирной анархии он предлагал противопоставить одноуровневую политику, т.е., не снимая маску озабоченности хаосом в России, проводить одновременно законспирированную от внутренней оппозиции в США политику помощи антибольшевистским силам, возникшим повсеместно в Центральной России, чтобы препятствовать расколу страны [17, р.97–99]. Лансинг, ссылаясь на исторический опыт своей страны, предлагал сосредоточиться на ликвидации большевизма. Вильсон допускал контакты с «пестрыми» левыми, включая большевиков. Но еще в декабре 1917 г. и январе 1918 г. вопрос о финансировании генеральской оппозиции на юге России был решен в Вашингтоне раз и навсегда [34, р.417–428].

К упомянутому нами мнению Раймонда Робинса и его номинального шефа по учреждениям Красного Креста в России Вильяма Томсона не прислушались. Их настойчивые призывы были отклонены. У многочисленной армии консулов были развязаны руки. Десятки их законспирированных помощников на местах приступили к гигантской информационной операции с целью избавления новой России от «германского влияния», финансированию подпольных антибольшевистских ячеек, поддержке (боеспособных) политических альтернативных сепаратистских движений на обширных территориях с разрушенным управлением и еще не сделавших свой выбор. Поволжье, Кавказ, Урал, Сибирь и Дальний Восток, Средняя Азия считались в этом смысле перспективными и особо восприимчивыми для внедрения идей «новой свободы» Вильсона.

На просторах огромной страны, вне досягаемости ока и уха вашингтонских властей консулы обретали самостоятельность, которая позволяла им порой говорить о своей поддержке «народного самоуправления», впрочем, не забывая отрешиваться от «брест-литовских пораженцев», заседавших в Петрограде и Москве. Поза «друзей» русского народа, сочувствующих революции, давала им немало выгод, позволяя иметь свободу рук по сравнению с англичанами, французами и японцами и открывая возможность выполнять посредническую «гуманитарную» миссию между непопулярными союзниками по Антанте и пестрыми просоциалистическими силами на местах, в самых отдаленных уголках России. Терминологические проблемы вскоре

оказались в центре дебатов в Вашингтоне. Ради сохранения расположения русских людей предлагалось не говорить об интервенции, заменив ее эвфемизмом «активная помощь России» [17, p.158, 159].

Освоив удобную роль «над схваткой», рассеянные по России консулы США следовали вильсоновской стратегии пропагандистско-разведывательного наступления на революционных радикалов в России, пытаясь представить большевиков платными агентами германского правительства и заодно наладить с ними совместные усилия по нахождению «альтернативного» выхода из военной катастрофы. Западные союзники заняли более жесткую позицию, давая понять, что они не могут обсуждать с нелегитимным режимом условия примирения, признавать его *de facto* и оставить попытки насильственного устранения неугодных им «узурпаторов» власти. Под давлением союзников были прекращены в декабре 1917 г. контакты военного атташе США в Петрограде генерала Уильяма Джадсона с Л.Д.Троцким по поводу перемирия на Восточном фронте. Лансинг лично потребовал от военного министра Н.Бейкера отозвать Уильяма В.Джадсона на родину. Особую заслугу в судьбе Джадсона сыграла дезинформация консула в Тифлисе Феликса Смита, уверявшего Вашингтон, что большевики находятся в двух шагах от краха, и советовавшего сделать ставку на генерала А.Н.Каледина. Трюк Феликса Смита с падением власти большевиков удался. На короткое время Лансинг и его помощники в Госдепартаменте поверили в счастливый исход единого Белого движения на юге России.

Не отличавшийся дальновзоркостью тифлисский консул проглядел главное: по всем признакам Вильсон выбрал генеральную тактику внедрения и укоренения в структуре российского общества, в его базовых основаниях без насилия или угрозы насилием. Гражданская война, интервенция и вызванный ими хаос давали США повод для относительно бескровного вмешательства в русские дела с использованием гуманитарной и экономической помощи. Прямолинейные действия Англии, Франции и Японии, унижающие русского человека (интеллигента, офицера, солдата) и бесцеремонно показывавшие, что Великой России уже нет, что ей не позволено внушать к себе страх и уважение, контрастировали с осторожной, выжидательной политикой США.

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

У Вильсона вполне могло сложиться впечатление, что США легко могут добиться расположения победившей в Петрограде и Москве партии большевиков и пойти на переговоры с ее представителями. В специально подготовленном ведущим специалистом Госдепартамента по России Бэзилем Майлсом меморандуме предусмотрены были меры гуманитарной и культурной помощи России, которые должны были засвидетельствовать, что правительство США не только не стремится изолировать Россию, но и готово содействовать вовлечению ее аккредитованных уполномоченных в распределение помощи Красного Креста и даже отозвать посла Фрэнсиса. Вильсон познакомился с меморандумом Майлса, но в его речи 8 января 1918 г. и беседе с помощником Э.Хаузом о проблемах мировой политики 9 января 1918 г. не было ничего существенного, что напоминало бы о меморандуме Майлса. Лансинг лишь бегло упомянул о нем, посол Фрэнсис остался на своем посту в Петрограде. Генеральный консул в Петрограде Роджер Тредвелл действовал строго по правилам. Он хранил молчание, пересылая в адрес государственного секретаря в разгар событий секретные донесения Эдгара Сиссона (кодовое имя – Соннонберг) [34, р.543–545, 562–564], наделавшие столько шума. Преследование двух «зайцев» в России продолжалось.

Вильсон в Сибири вел себя по-иному. С самого начала он дал понять, что сибирские «автономисты» вольны поступать, как им вздумается. Сибирь представлялась ему не такой территорией, как Центральная Россия, где существовали центры (как белые, так и красные) активного сопротивления сепаратизму, будь то украинский национализм или политическая автономия на Дону и в Грузии, создавшей собственное правительство – Закавказский комиссариат. Напротив, где-то в апреле–мае 1918 г. президент США проявил особый интерес, чтобы «узнать все о существующих малейших признаках самоуправляемых властных структур, как кажется, возникших в Сибири. Этот факт меня радует...» – писал он Лансингу 18 апреля 1918 г.⁸ Совершенно очевидно, что царившая на территории Сибири атаманщина не вызывала особых тревог у Вильсона, целиком полагавшегося на советы консулов.

⁸ См.: [16; 20; 36, р.92–93, 357].

Внимание Вильсона приковал к себе опыт так называемой Сибирской региональной думы, избранной еще в конце 1917 г. и собравшейся в Томске. Либералы и «умеренные» социалисты выступили в качестве партии сибирской независимости, чем вызвали к себе крайне враждебное отношение местных большевиков. Напротив, очень дружелюбно к ним отнесся американский консул во Владивостоке Джон К. Колдвелл и командующий американским флотом на Тихом океане адмирал Остин М. Найт. Последний, действовавший, по-видимому, в тесном контакте с полковником Хаузом, был прямо-таки воодушевлен просоюзническим и антигерманским духом возникших «автономных» правительств в Сибири, кто бы ни входил в их состав.

**Сценой действия становится
Сибирь и Дальний Восток**

В условиях отсутствия хорошо налаженной фельдъегерской связи американские консулы, рассредоточенные по городам Центральной и Южной России, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, вынуждены были чаще всего действовать на свой страх и риск. Обстановка колебаний в «русском вопросе», господствовавших в политических кругах Вашингтона, нежелание высших военных чинов, включая военного министра Н. Бейкера, ввязываться в русский кризис основательно и на долгий срок, вынуждала консулов прибегать либо к «дружественным» политическим формированиям, либо к ситуационной игре по принципу «всем поровну». Где-то это могли быть эсеры и даже большевики, а где-то монархисты вроде генерала Хорвата. Рисунок роли, которую выбрал для себя занявший пост генерального консула в Москве после внезапной смерти Саммерса вездесущий Девитт Клинтон Пул, соответствовал именно такому принципу. Бурное течение сменяющих друг друга событий новейшей российской истории и знаки внимания со стороны большевистских властей заставили даже его задуматься над тем, кто заслуживает поддержки и имеет больше оснований установить свой контроль в России – белые или красные. Все симпатии были на стороне первых, но сохранялась надежда и на трансформацию их оппонентов.

На огромном евразийском пространстве России шли две войны: гражданская и война за лидерство узкоэгоистических группировок, поддержанных великими державами. Европейские гиганты плюс

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

Япония рассчитывали «дожать» Россию извне и изнутри. Вильсон придерживался иного плана. Используя «мягкую силу» и дар убеждения, он полагал, что только так удастся утвердить влияние США на континенте, который всегда был и остался центром притяжения мировых сил. Считалось, что Вильсону принадлежала ведущая роль в критике традиционного изоляционизма с последующим вступлением США в 1917 г. в мировую войну⁹.

Соответственно, первые лица американских консульств подбирались из сторонников «новой дипломатии». Многие американские консульства, расквартированные в Центральной части России и в Сибири, представляли собой некое подобие исследовательских центров. Кеннан в своих воспоминаниях убедительно свидетельствует, что, работая в режиме научной аналитики, они превосходили по результатам «усилия секретной разведывательной службы» [8, с.36, 37]. С этими центрами тесно сотрудничали представители Ассоциации христианской молодежи (ИМКА), взявшие на себя «шефство» над контингентами бывших военнопленных чехословаков, как и многочисленные благотворительные организации и торговые фирмы на Севере и в Сибири, также ставшие лучшим подспорьем для интервентов. Проводимые консульствами организационно-логистические мероприятия, мониторинг политической ситуации на подконтрольной им территории, общение с людьми, улицы дали американским консулам в целом устраивавший их общий результат: изменение отношения к США со стороны населения России. Во многих местах вчера еще враждебно настроенного населения симпатии к Америке постепенно росли. Это первое. И второе, самое важное. Присутствие дипломатов США во многих главных городах России без формального признания новыми властями давало консулам своеобразный международный статус и признание. Это не обязательно было связано с представительными и церемониальными функциями, но в принципе соответствовало тому, как Вудро Вильсон обозначал свое отношение к возникновению на развалинах русской монархии зачатков новых властей: красных, белых или зеленых [22, р.117, 118; 33, р.41, 47, 90–92]. Он отклонил жесткую риторику Лансинга, заявив, что «мы вели и

⁹ Джордж Ф.Кеннан в личном дневнике (запись 28 апреля 1924 г.) констатировал, что именно интерпретация Вильсоном Великой войны, ее причин и целей позволила американцам поддержать решение президента о вступлении в войну [39, р.8].

ведем с ними диалог независимо от того, признаем ли мы их формально, или нет, сочувствуем ли мы им, или нет». Понимать слишком буквально словесную толерантность Вильсона, конечно, не следовало, но желание выглядеть беспристрастным по отношению к вождям новой России угадывалось в ней безошибочно.

Консул Пул наделен был достаточной сообразительностью, чтобы угадать стремление Вильсона не дать себя увлечь призрачными надеждами уговорить большевиков вернуть Россию из хаоса в цивилизованное русло. Присоединившись к антикайзеровской коалиции союзников, сам Вильсон оставался изменчивым до предела. Он был последователен в одном – в отказе быть втянутым в авантюру широкомасштабной военной операции в союзе с Японией против «уровнителей», т.е. коммунистов или анархистов: московских большевиков и их соратников на просторах Дальнего Востока и Сибири. Но весьма корректные и совсем необходимые публичные замечания наркома иностранных дел большевистской России Г.Чичерина в сентябре 1918 г. вызвали у «чуткого» Пула взрыв негодования. Что позволил себе Чичерин? На заседании всероссийского ЦИКа нарком заявил: «Наше (речь идет о советском правительстве. – *В.М.*) отношение к американцам полностью иное» (выше Чичерин говорил об Антанте. – *В.М.*). В отношении антироссийских действий Англии и Франции, продолжал Чичерин, советское правительство вынуждено было применять «контрмеры», т.е. оказывать военное сопротивление. Этот пассаж вызвал у Пула взрыв показного протеста, выраженного в гневном письме американского консула наркому Чичерину 4 сентября 1918 г.¹⁰ Пул знал, что делает. Не желая оказаться в списке «неудобных» Вильсону, консул отослал открытым текстом информацию госсекретарю Р.Лансингу. Ему важно было убедить непосредственное начальство, что он не относится к числу многих скрытых сторонников дружбы и признания Советов, вроде генералов Джадсона или Робинса, что могло бы подорвать репутацию США в глазах союзников. Зная, как легко шеф британской разведки в Вашингтоне (1914–1918), сэр Уильям Уайсман, получает доступ к секретной документации Государственного департамента, Пул дополнительно к материалам о своих контак-

¹⁰ Вообще говоря, представителям США в России, включая лиц, сотрудничавших с американским Красным Крестом, официально запрещалось общение с большевистским правительством [20; 21; 24].

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

тах с советским руководством снабдил их крайне нелицеподобными комментариями в отношении «красного террора» ВЧК против сотен и тысяч невинных людей. Более того, чтобы показать, что США и союзники едины в их трактовке большевизма и отношении к его лидерам, Пул предложил отказать последним в предоставлении им политического убежища на Западе. Впрочем, самой эффективной мерой он призвал считать «стремительное военное наступление с севера» на Москву [24].

Его, Пула, поведение и мотивация предельно ясны и не запятнаны контактами с «комиссарами». Пул был тверд и откровенен в признании особого характера своего общения с советскими лидерами. Оно было вынужденно и непродолжительно. 3 сентября 1918 г. он дает следующее объяснение Р.Лансингу: «Говоря откровенно и вне инструкций, я совершенно не сомневаюсь, что американский народ в конце концов выступит против тиранического и незаконного правительства Центральной России, так же как он мужественно сейчас противостоит правительству Германии» [24]. Это был ответ на чичеринские «приманки». После такого заявления Лансинг мог не искать предлоги, чтобы отклонить дружественные предложения кремлевской власти. Еще важнее то, что Пул поделился с Лансингом своим сценарием сразу же после того, как в Вашингтоне утихли дискуссии об интервенции в России и президент согласился летом 1918 г. направить военные контингенты США на Север России и Дальний Восток. По тому, как президент определил задачи этих двух «экспедиций», создавалось впечатление, что Вильсон сохраняет нейтралитет в «русском вопросе», что позволило будущим историкам настаивать на том, что он пытался «малой кровью» разрешить конфликт, составлявший в переходный период от войны к миру квинтэссенцию мировой политики.

Впрочем, предлогов, чтобы отклонить дружественные предложения кремлевской власти, не нужно было искать.

Сибирский раунд иностранного вторжения в гражданскую войну в России совпал со многими важными изменениями в повседневной деятельности американской дипломатии и вступлением на территорию России воинских подразделений под звездно-полосатым флагом. Важное обстоятельство заключалось в том, что окончание Великой войны и подготовка мирной конференции вынудили Вильсона пере-

нести главное внимание на решение совместно с союзниками возникших неоднозначных вопросов послевоенного мироустройства. Попутно заметим, что отстраненность Вильсона от прямого военного участия США в конфликте между белыми и красными в России объяснялась тем, что он перенес центр тяжести своей политики с поддержки антибольшевистских сил на укрепление Чехословацкого легиона, насчитывавшего более 70 тыс. солдат (вчерашних военнопленных). Наряду с дипломатическим содействием (в разных формах), речь шла о снабжении легионеров оружием, продовольствием и амуницией.

Особую роль в поддержании боеспособности чехов и их пропагандистской обработке играли вице-консул США в Сибири Хэдди, генеральный консул в Москве Пул, генеральный консул Харрис в Челябинске. В один голос они убеждали чехословацких командиров, что от них зависит единство действий США и Японии в «спасении России». К числу ожидаемых последствий этих изменений можно отнести отъезд из России 7 ноября 1918 г. посла США в России Дэвида Фрэнсиса. Ему на смену никто не приехал, а 17 сентября 1919 г. посольство США было закрыто надолго. Непопулярная фигура Фрэнсиса, его самоустранение от дел привели к отчуждению посла и посольства, переехавшего в Вологду, от дипломатических чиновников, рассыпанных по обширной территории Севера, Поволжья, Урала и Сибири. Воспользовавшись этим, они взяли на себя посредническую миссию в тех случаях, когда участие Фрэнсиса могло только навредить имиджу страны-миротворца, готовой прийти на помощь семьям и близким как белых, так и красных, если им грозили плен и истязания.

Благодаря сохраняющейся широкой инженерной и продовольственной службе, дипломаты консульских центров США на территории России стремились поддерживать контакт с советскими властями, пытаясь влиять на них. Характерным примером может служить эпизод, связанный с институтом заложничества, процветавшим в годы гражданской войны. В этой истории был замешан Дэвид Пул, генеральный консул в Москве, занявший должность ведущего дипломата после утратившего доверие посла Фрэнсиса.

Новому первому лицу в сообществе американских дипломатов важно было знать, что он известен как человек здравого смысла, ко-

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

торый не чурается общения с советским правительством по гуманитарным вопросам.

Письмо мистеру Свердлову Пул 9 сентября 1918 г. поручает своему помощнику, вице-консулу в Москве Фрэнку Ли, изложить в письме Лансингу, какими первобытными методами ведется война красных против белых и как самоотверженно американские дипломаты, находясь в гуще братоубийственной войны, принимают все меры, чтобы встать на защиту человека, его прав.

В тот же день 9 сентября Ли сообщил Роберту Лансингу: «Сэр! В отсутствие Пула и следуя его инструкциям, имею честь информировать государственный департамент, что 26 августа 1918 г. его (Пула. – В.М.) посетили майор Уордвелл из Американского Красного креста и м-р В.М.Свердлов, брат председателя Центрального исполнительного комитета Советской республики (так в тексте письма консула Ли Роберту Лансингу. – В.М.). М-р Свердлов сказал, что получено сообщение о взятии в заложники какого-то числа женщин и детей некими боевыми отрядами, захватившими власть в Уфе. Он признал, что эта мера была без сомнения предпринята в отместку за захват и глумление над такими же заложниками со стороны Красной армии после того, как она оставила Уфу, но в любом случае эта практика должна быть пресечена из гуманных соображений. Естественно, согласившись со Свердловым и в то же время видя возможность в чем-то посодействовать смягчению жестокостей, которым подвергаются граждане союзных стран на большевистской территории, м-р Пул направил м-ру Свердлову письмо с просьбой принять любые меры с тем, чтобы отослать по радиотелеграфу следующее послание Джорджу Вильямсу – американскому вице-консулу в Самаре»¹¹.

¹¹ Самара в 1918 г. была в эпицентре гражданской войны. С июня того же года у власти в Самаре и Верхнем Поволжье находился эсеровский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), опиравшийся на части Чехословацкого корпуса. В декабре 1918 г. он уступил бразды правления так называемой Уфимской директории, настроенной еще более непримиримо к большевикам. Впрочем, мы оставляем в стороне проблему областничества, чей расцвет приходится на 1917–1918 гг. Это особая тема, хотя для американских дипломатов она создавала удобные условия для проведения в жизнь многих «проектов» [13, с.201–214].

Мы здесь должны прерваться, чтобы сделать пояснение к этому дипломатическому эпизоду, в котором планировалось участие, по крайней мере, трех сторон и в котором США должны были сыграть роль кукловода, не раскрывая, впрочем, своей заинтересованности и контактов. Чичеринское высказывание всполошило американцев, а им хотелось сохранить видимость беспристрастного участника развивающейся по непредсказуемому сценарию драмы с заложниками. Чтобы не дать никому заподозрить себя в сочувствии большевикам, дипломаты в Москве шли на организацию маскарада с подстановками и ложными декларациями. В чем заключалось содержание «письма Свердлова» в адрес Уфимской директории, чей лютый нрав по отношению к проявлениям сочувствия к Советской власти мог дать себя знать в любой момент?

Сочиненное за подписью «м-ра Свердлова» письмо влияющему на положение в Поволжье американскому вице-консулу гласило: «От лица Народного Комитета (так именовалось, по мнению американских дипломатов, большевистское правительство в Москве. – *В.М.*) я обращаю Ваше внимание на дела (далее следует перечень фамилий. – *В.М.*), все из которых были захвачены заложниками в Уфе. Вам следует немедленно выяснить все, что имеет к этому прямое отношение, и, если подтвердится главное обвинение, действовать решительно, с тем чтобы обеспечить немедленное освобождение поименованных заложников. Захват заложников, кто бы они ни были, является варварством. Распространение таких мер на женщин и детей не должно быть терпимо и при любых условиях должно пресекаться всеми имеющимися средствами. Освобождение не должно проводиться в порядке ответной меры. Его следует представлять как благородный жест и как пример того, что ему цивилизованный противник не может не последовать». За этим текстом «проекта» письма «м-ра Свердлова» вице-консулу в Самаре Джорджу Вильямсу следовала подпись вице-консула в Москве Фрэнка Ли с неизменной концовкой: «Имею честь, сэръ, оставаться Вашим покорным слугою»¹².

Унаследовавший пост генерального консула в Москве Девитт Клинтон Пул в сущности превратился в координатора военно-дипломатических планов США в России. Ему было легче, нежели

¹² Интересно, что это послание Фрэнсиса Ли Роберту Лансингу было рассекречено только в 1960 г.

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

послу Фрэнсису, застрявшему в Вологде и задумавшему покинуть страну, поддерживать связи не только с неофициальными представителями США, но и с консулами от Самары до Владивостока, с возникшими Сибирской думой, Временным правительством автономной Сибири (ВПАС), а также антибольшевистскими оппозиционными течениями и группировками [7, с.140; 13, с.201–214]. Пул не останавливался на анализе участвовавших в конфронтации с красными сил, но выдвигал планы формирования общего для Юга, Севера и Дальнего Востока правительства на базе ВПАС. Ему казалось, что успех такого объединения «демократических» сил обеспечен, а вместе с ним и успех карьеры самого Пула.

Однако информация, полученная из «первоисточников» являла собой иную картину, более всего напоминавшую ураган на пике его слепого хозяйничанья, влекущего за собой хаос, разрушения и страдания. Областничество в Сибири особенно было склонно к решению всех затруднений насилуем, репрессиями, расправами над инакомыслием. Высокий чин из ИМКИ (Американской христианской молодежи) Эрнест Кэмпбелл, игравший заметную роль в событиях, в донесении 29 июля 1918 г. Р.Лансингу сообщал о ситуации в Иркутске после отступления большевиков под напором чехословаков и казаков, на этот раз оказавшихся в одной связке: «С уходом большевиков народ Сибири приходит вновь в себя. По всей Сибирской железнодорожной магистрали массовые казни применяются к командирам Красной гвардии и комиссарам. Пленные австрийцы и немцы, захваченные чехами с оружием в руках, немедленно расстреливаются, в то время как арестованные красногвардейцы русской национальности передаются казакам и белогвардейцам для принятия к ним тех мер, которые они заслужили. Большинство арестованных комиссаров немедленно отправляется на виселицу. Это касается всех, кого задержали в крупных городах. Еще следует сказать о том, что председатели местных советов в деревнях наказываются розгами – от двадцати пяти ударов до пятидесяти. Наказание выполняется соответственно экипированным опытным специалистом по истязаниям этого рода, который отвечал за показательные экзекуции при старом режиме. Обычно требуется от двух до трех месяцев, чтобы несчастная жертва порки могла бы восстановиться после этой процедуры... К сожалению, такие массовые показательные экзекуции надолго выводят из равновесия тех, кто ими

руководил и был повинен в психологическом срыве, сильнейшем в истории России» [25].

В.П.Булдаков в своей известной работе писал: «...Ужасы и красного и белого террора меркнут на фоне ожесточения крестьянской массы... В гражданской войне приходится различать властный террор и психопатологию массового стихийного садизма, жертв последнего было больше» [2, с.237]. Следовало бы только добавить, что эти «процедуры» часто проходили в присутствии иностранных наблюдателей, вольных или невольных. После описания натуралистических сцен в городах и деревнях вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, где хозяйничали местные каратели и интервенты (чехи, американцы, японцы), автор приведенного выше донесения в Госдепартамент Э.Кэмпбелл углубляется в область нахождения ответов на загадки русской смуты, излагая Р.Лансингу свои выводы из анализа текущей и прогнозируемой военной обстановки в Сибири с учетом состояния незащищенности, нетерпимости и анархии, которые возобладали повсеместно в Восточном Зауралье.

Американская дипломатия и чехословацкие части

Кэмпбелл был грамотным политиком и думающим наблюдателем. За клубком политических страстей и национальных конфликтов в России он увидел самое важное – кризис

русской государственности. Наблюдения Кэмпбелла в чем-то оказались схожими с тем, что говорил и писал Р.Робинс, поверивший в неизбежность большевистской диктатуры, военного коммунизма плюс народовластия в сочетании с вождизмом. Свои рассуждения Кэмпбелл построил в двух плоскостях. Первая касалась присутствия иностранных сил (и прежде всего чехов и американцев) в Сибири, вторая – что станет с таким привычным понятием, как Россия. Он начинает с нахождения чехословацкого легиона с его почти 80 тыс. штыков на территории Восточного Зауралья, его присутствия во всех эпизодах гражданской войны и превращения в базовый элемент всех политик союзников по ликвидации большевизма и антигерманского Восточного фронта [25]. Следует задуматься над следующим пассажем Кэмпбелла из его послания Роберту Лансингу от 29 июля 1918 г., примечательным во многих отношениях:

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

«...Если мы посмотрим на практические результаты, которых достигли чехословацкие части в плане контроля над Сибирской железнодорожной магистралью, которая могла бы соединить Ливерпуль и Сан-Франциско, то обнаружим, что союзники благодаря ей много бы выиграли в своей тотальной войне, которую мы ведем против Германии. Стоит сказать о некоторых вопросах, о которых всем надлежит знать...

Первое. Абсолютно необходимо, чтобы чехословацкие части оставались в России, а не отсылались во Францию, что предполагалось с самого начала. Никто не знает лучше состояние умов, привычек и обычаев русских, чем чехи. Они все говорят по-русски, и, если все их соединения останутся нетронутыми, они составят костяк союзной интервенции и смогут стать опорой антигерманского фронта в России. Мыслящие люди здесь в России хорошо сознают необходимость продолжения войны против Центральных держав, и, как только будет установлена линия связи с Владивостоком, союзные войска должны поторопиться с помощью чехам.

Второе. По моему мнению, военная диктатура должна быть установлена в Сибири и по всей России, пока идет война. Во время существования военной диктатуры русский народ получит возможность обрести политическое лицо, страна постепенно осознает, что партия кадетов (конституционных демократов), имеющая таких лидеров, как Милюков, Гучков, князь Львов, генерал Алексеев, генерал Хорват, адмирал Колчак и Родзянко, сделает выбор в пользу благополучной консервативной республики... В настоящее время чехи и казаки контролируют сибирскую магистраль от Пензы до озера Байкал. Оренбург также в руках казаков. То же можно сказать и в отношении Симбирска на Волге, Екатеринбурга на Урале. Полковник Гайда, командир чехословаков в Иркутске, проводит энергичную кампанию в Иркутске против остатков Красной Гвардии и венгерских военнопленных. Он рассчитывает нанести им решающее поражение, открывающее дорогу на Владивосток...». Кэмпбелл не сомневался, что изложенный им сценарий выполним, что иного не дано. Но оказался прав только отчасти.

Действительно «синопсис» Кэмпбелла был приурочен ко времени военных успехов Чехословацкого легиона, раскинувшегося вдоль Сибирской железнодорожной магистрали и рассчитывавшего победоносно с боями против большевистских анклавов достичь Владивостока и войти в контакт с японцами и американцами. Американские кон-

сулы в Самаре, Омске, Иркутске, Владивостоке, каждый по-своему, приветствовали такой поворот событий и, предвидя скорую капитуляцию большевиков, выступили одновременно за продолжение нахождения чехословаков в России, а также совместные действия США и союзников в их нарастающей поддержке чехословаков, казалось, укрепившихся в твердом намерении выполнять роль парового катка, утюжающего большевистские очаги в Сибири и на Дальнем Востоке. Казавшийся таким близким триумф белочехов вдохновляюще подействовал на посла США Фрэнсиса, который, ссылаясь на своего коллегу французского посла Нуленса и решение Высшего военного совета союзников позволить чехословакам остаться в России, радостно сообщил Лансингу 15 июля 1918 г., что «вооруженные чехи» реально контролируют восточную часть России, вызывая последовательное разложение большевизма [41, p.209, 210].

Генеральный консул в Москве Д.Пул, зная об этой переписке и полагая в июне 1918 г., что немцы вопреки всем радужным надеждам Фрэнсиса смогут одержать победу на Западном фронте, а с помощью вчерашних, оказавшихся в тылу у большевиков, военнопленных захватить Москву, взял на себя инициативу добиться безоговорочного признания Чехословацкого легиона ударной силой интервенции, а союзников и США готовыми плечом к плечу с ним положить конец красной смуте. Так родился целый кластер дипломатических документов, наделяющих чехословаков от имени Высшего совета союзников и Вашингтона особой миссией «освободителя» России от революционной скверны. Пул много позднее признал, что, распространяя документы от имени союзников, он совершил подлог, но при этом добавлял, что он совершил деяние «*ultra vires*», т.е. вне чьей бы то ни было компетенции [41, p.209, 210]. Как бы то ни было, телеграмма, разосланная Пулом американским консулам в Самаре, Иркутск, Омск, другие города, подтверждала *совместное* решение союзников и США утвердить чехословаков в намерении оставаться в Сибири в ожидании их подключения к единой военной акции с целью разгрома большевиков.

Навязав свою выдуманную трактовку событий, выдававшую желаемое за действительное [25], и приписав ее происхождение французам, Пул инспирировал сложную цепочку событий. Самым важным было изменение руководством Чехословацкого легиона (генерал Ру-

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

дольф Гайда) планов ухода из России через Владивосток и ориентировка на присоединение к крестовому походу Антанты против большевизма и германского нашествия. Не менее важным последствием было активное вмешательство чехословаков во внутренние дела территорий, находившихся под контролем антибольшевистских режимов. Естественно, на плечи чехословаков должна была лечь и ответственность за все преступления различных «вождей» и атаманов, хозяйничавших в этих местах, за сожжение поселений, разграбленные дома, зверства, казненных людей и т.д. Не следует удивляться, что вскоре государственный департамент назвал всю эту историю «мистической» и даже попросил посла в Париже дать разъяснение на этот счет [27; 41, p.211].

Риск для дипломатов, подхвативших «проект» Д.Пула, был в самом деле значительным. Однако во второй половине июня 1918 г. другие видные представители США в России и Китае выступили с аналогичными предложениями, убедившими президента Вильсона в серьезности доводов Деви́тта Пула и Поля Рейнша, посла США в Китае, к советам которого президент относился с особым почтением. Тандем двух последних дипломатов раньше других узнал об опасности неконтролируемой активизации Японии на Дальнем Востоке посредством заключения секретных договоров с компрадорскими кликами Китая и разрозненными антибольшевистскими силами в Сибири. Сплоченные надеждой на успех борьбы за независимость своей страны, дисциплинированные и вооруженные союзниками чехословаки должны были стать противовесом японской экспансии, неограниченной по масштабам, и германскому «клинку», угрожавшему всей Европе.

Под давлением многих обстоятельств, внешних и внутренних, 6 июля 1918 г. Вудро Вильсон соглашается принять непопулярное в стране и, как расценено биографами, фатальное решение об интервенции в Россию, вербально преподнесенное в качестве гуманитарной миссии спасения русского народа от голода и большевистского террора. Особое значение отводилось помощи «доблестным» воинам чехословацкого легиона, захватившим узловые пункты на восточно-сибирской магистрали, включая Владивосток. Десятью днями позже, скрытно от всех советников, Вильсон собственноручно напечатал на своей пишущей машинке набросок «Памятной записки» для союзни-

ков с объяснением легальных целей американской «экспедиции в России». Президент еще раз высказал свои сомнения в отношении военной интервенции в России с тем, чтобы ударить по Германии с востока. Он выразил уверенность, что США и союзники сосредоточатся на экономической помощи России, политической реконструкции страны и ее вооруженных сил. Военные действия американского военного контингента, по мнению Вильсона, могли быть приемлемы только в случае оказания поддержки чехословакам в их совместных действиях в кооперации с антибольшевистскими силами России и органами местного самоуправления, в разной степени дружественными к союзникам и американцам [37].

Черновик «Памятной записки» Вильсона 17 июля 1918 г. был продублирован документом Государственного департамента в адрес послов Антанты в Вашингтоне, которые были таким путем проинформированы о целях «ограниченной интервенции» США в русские дела [28]. Так «экспедиция» или «интервенция»? И не то и не другое, а нечто третье. Как будто бы победителями становились сторонники «экспедиции» с целью оказания экономической помощи, однако «*aid-mémoire*» была составлена таким образом, что позволяла союзникам трактовать позицию США в нужном им духе, т.е. предусматривая оккупацию России чехами, японцами, американцами, англичанами и французами и создание Восточного фронта с участием новой русской армии. Со временем Вильсон и Лансинг сами отказались от догматического «консервативного» истолкования принятых в Вашингтоне в июле 1918 г. решений, хотя, в целом, консулы США и целый сонм американских представителей в Сибири сохраняли свободу в своих действиях. Одни из них, вроде Д.Пула (Москва) и А.Томсона (Омск), признавали оправданным тесное взаимодействие США с захватившим не без помощи чехов Омск в ноябре 1918 г. адмиралом Колчаком. Другие, как Э.Харрис в Иркутске, придерживались более гибкой тактики, сохраняя тесные контакты с российскими правыми социал-демократами из так называемого Нового временного правительства в Новониколаевске. Харрис, впрочем, не скрывал, даже от командиров «автономистов», что реальная помощь американцев зависит от стабильности режимов, противостоящих большевикам [31].

Но большинство консулов и вице-консулов США были настроены более воинственно, полагая, что промедление союзников вкупе с

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

двоемыслием Вильсона может обернуться провалом всех усилий пестрой армии интервентов. Оказавшийся в «горячей точке», в Архангельске, консул Феликс Коул в своих донесениях в июле 1918 г. сообщал, что, по его мнению, только достижение полного превосходства американских частей на севере России позволит удержаться у власти антибольшевистским силам. Хозяинчающие в этих холодных краях англичане и французы, сообщал он в Госдепартамент, испытывают гостеприимство лишь со стороны класса собственников. Союзники не могли положиться даже на «умеренных» [29] социалистов, которые предпочитали «дружбе» с англичанами и французами законспирированные контакты с американцами. На этой почве у Коула даже возник грандиозный план создания Американского легиона с рекрутированными в него демобилизованными русскими солдатами, прошедшими фронт и обученными американскими наставниками. Этот решительный шаг «развязал бы руки американцам» и притянул бы к себе множество добровольцев, включая и этнических русских, проживающих в США, готовых в порыве энтузиазма уничтожить большевизм [30]. План Коула, фактически одобренный послом Фрэнсисом в Вологде, игнорировал ограниченные цели вмешательства, декларированные Вильсоном в июне 1918 г. Поход в глубь России, шаг за шагом по мере достижения успехов, должен был наполнить смыслом загадочный и даже маловразумительный, по мнению дипломатов, замысел президента.

Одной из самых приметных черт донесения Феликса Коула Р.Лансину 4 октября 1918 г. была констатация безнадежности положения «Временного правительства Северной области» во главе с народным социалистом Н.В.Чайковским. Не случись высадки американцев, этому правительству было бы несдобровать. Именно поэтому и Коул, и Фрэнсис, ссылаясь на мнение английского генерала Ф.Пула, командующего войсками союзников на севере, настаивали на присылке дополнительных американских сил и рисовали «дорожную карту» победоносного продвижения союзников на Вологду, взятие Котласа и, «возможно», Вятки. Речь, таким образом, шла о расширении интервенции в тесном союзе с чехословаками, а также с наступающими с юга Добровольческой армией Деникина и казачьими частями. В качестве последнего (и решающего) довода в пользу максимального увеличения оккупационных войск союзников и американцев

на севере Фрэнсис приводил факт поражения чехословаков в столкновении с красными [32].

Может сложиться впечатление, что буквально накануне окончания войны некоторые горячие головы из дипломатического персонала США, боясь не увидеть США готовыми к большому переделу мира, хотели бы избавить их имидж от неуверенности в себе. Не этого хочет видеть мир в поведении США накануне грандиозных дипломатических сражений и глобальных революционных потрясений. После Компьенского перемирия воссоздание Восточного фронта превратилось лишь в страницу истории, полагали они, и уже не является важнейшим пунктом повестки дня. Другой, не менее опасный противник противостоит силам порядка, на защите которого в единой связке могут оказаться завтра же вчерашние враги. Девитт Пул, например, не соглашался с вашингтонскими «идеалистами», с недостатком их твердости в реакции на происходящее в России. Вашингтон, взывая он к Лансингу 7 ноября 1918 г., должен всему предпочесть бескомпромиссно жесткий курс: «Мое краткое пребывание в Архангельске убедило меня в необходимости ясного заявления о мотивах нашей военной операции против большевиков, хотя бы ради оправдания тех денег, которые мы на нее затратили» [33]. Вильсон должен сделать решительное заявление, а не ограничиваться полумерами. Пул был верен себе: большевизм не мог быть приручен, он должен быть уничтожен.

Генеральный консул в Москве, подобно послу Фрэнсису, отражал мнение «экстремистов». Но, выполняя поручения президента, ищущего соглашения с новой властью в Петрограде, время от времени возобновляя контакты с нею, он участвовал в сделках частного характера, как это позволяли себе английские «черные» дипломаты вроде Брюса Локкарта или Сиднея Рейли (обмен заложниками, внедрение агентов в советские учреждения и т.д.). В пропаганде американские консульства в Центральной России подменили собой дискредитировавших себя англичан и французов. Оставив тему восстановления Восточного фронта [38, р.167–179], они перенесли внимание на создание нового мира по американскому шаблону: расцвет просветительства, материальное благосостояние, технологические чудеса, подъем жилищного строительства в аристократических пригородах. Экспансия культурная, апеллируя к грамотному населению больших

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

городов на русской равнине, должна была сдетонировать при совместном ударе коалиции антибольшевистских сил с севера и юга. Как мог выглядеть в конечном итоге этот новый победивший «пуританский порядок вещей», Пула не очень волновало. Главное – остановить поток ультрарадикализма на территории Европейской России и не дать ему перешагнуть границы этой страны – очага мирового пожара.

Напротив, консулы в Сибири видели ситуацию в ином свете. Они лучше прочувствовали, с какой глубиной деградации государственности они столкнулись на этой территории, где централизованная власть никогда не отличалась единением и традицией соподчинения по вертикали. Отчасти поэтому амбициозные и разношерстные группировки умеренных социал-демократов в коалиции с традиционными течениями монархистов, либералов-левоцентристов во многих местах Зауралья временно добились политической автономии с выходом на внешний мир. Областничество в Сибири, например, изначально носило специфический характер идейной оппозиции сначала самодержавию, а затем авторитаризму большевиков, пытаясь преодолеть «отсталость» своего края (Сибири) по сравнению с Европейской Россией, прославляя его уникальность и обособленность. Многие исследователи отмечали прозападничество молодой сибирской интеллигенции начала XX века, дополнительно сказавшееся на обособлении местной власти от центральной, а также на участии частей так называемой сибирской армии в боевых действиях на стороне Колчака, Чехословацкого легиона¹³ [13, с.202] и семеновской вольницы.

Но сепаратизм в Сибири мог оказаться убийственным и для интересов, которые при всей их противоречивости преследовали США и их союзники по интервенции. Япония время от времени открыто с одобрением высказывалась об автономной, децентрализованной Сибири, т.е. о неизбежности расчленения России [3, с.602], что очень нервно воспринималось Соединенными Штатами. Здесь опасались, что раздробленная Сибирь станет легкой добычей таинственного японского белого кашалота-людоеда. Аллегория писателя Мелвилла казалась тогда американской публике очень злободневной в свете событий на Дальнем Востоке и экспансии Японии.

(Окончание следует)

¹³ О действиях различных сибирских соединений в составе армии А.В.Колчака см.: [3, с.184, 185, 253–307] и др.

Библиографический список

1. Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции: отречение великой революционерки, 1873–1920. М.: Центрполиграф, 2006. 334 с.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 373 с.
3. Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Пятый Рим, 2018. 860 с.
4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг. Впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Айрис-пресс, 2013. 670 с.
5. Гиппиус З.Н. Язвительные заметки о Царе, Сталине и муже. М.: АСТ, 2014. 384 с.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2002. 557 с.
7. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. Пер. с англ. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 477 с.
8. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002. 477 с.
9. Листиков С.В. В. Вильсон и Русское политическое совещание на Парижской мирной конференции // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции, 11–12 ноября 2008 г. Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. 354 с.
10. Мальков В.Л. Раймонд Робинс открывает новый мир. [К биографии американского политического деятеля, посетившего Советскую Россию в 1917–1918 гг.] // Новая и новейшая история. 1970. №2. С.133–148.
11. Мальков В.Л. США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917–1933 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. №1. С.125–146.
12. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман. М.: СП «Интердом» и др., 1991. 523 с.
13. Перейра Н. Областничество и государственность в Сибири во время Гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений: [Сборник] / Отв.ред. Ю.А.Поляков, Ю.И.Игрицкий. М.: Наука, 1994. С.201–214.
14. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: [в 6 т.]. Т.3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 590 с.
15. Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Госполитиздат, 1958. 102 с.
16. [Cronon E.D., ed.]. The Cabinet Diaries of Josephus Daniels, 1913–1921. Lincoln: University of Nebraska Press, 1963. 648 p.
17. Foglesong D.S. America's Secret War Against Bolshevism: U.S. intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1995. 386 p.
18. Foglesong D.S. Xenophon Kalamatiano: An American Spy in Revolutionary Russia? // Intelligence and National Security. Vol.6(1). 1991. P.154–195.

«КИСЛОТНЫЙ ТЕСТ» ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ США

19. Kennan D.F. *Russia Leaves the War*. Princeton: Princeton University Press, 1956. 544 p.
20. Library of Congress. Raymond Clappers Papers Correspondence, 1918. Box 45. Clappers to Olive Ewing Clappers. December 8, 1918.
21. Link A.S. *Wilson, the Diplomatist: A Look at His Major Foreign Policies*. Baltimore, 1957. 165 p.
22. MacMillan M. *Paris 1919: Six Months that Changed the World*. New York: Random House Trade Paperbacks, 2003. 570 p.
23. National Archives (далее – NA Microfilms. M-316) Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910–1929. Vols. 19, 20. 861 0/2976-3220. De Witt C. Poole to Zansing. September 4, 1918.
24. NA. Microfilms. M-316. Ernest F. Campbell to the Secretary of State. July 29, 1918.
25. NA. Microfilms. M-316. Alfred R. Thomson to Secretary of State. July 18, 1918.
26. NA. Microfilms. M-316. Van S. Merle-Smith to H.C. Wallace. July 9, 1920.
27. NA. Microfilms. M-316. «Aide-Mémoire» July 7, 1918.
28. NA. Microfilms. Felix Cole to R. Lansing. September 10, 1918.
29. NA. Microfilms. Felix Cole to R. Lansing. September 12, 1918.
30. NA. Microfilms. Conversation of E.L. Harris with Staff Commanders of His New Siberian Government. June 7, 1918.
31. NA. Microfilms. D.R. Francis to R. Lansing. October 4, 5, 1918.
32. NA. Microfilms. Dewitt C. Poole to Secretary of State. November 7, 1918.
33. *The Papers of Woodrow Wilson* (далее – PWW). Vol. 45 / Ed. A.S. Link. Princeton: Princeton University Press, 1984. 656 p.
34. PWW. Vol.47 / Ed. A.S. Link. Princeton: Princeton University Press, 1984. 680 p.
35. PWW. Vol.48 / Ed. A.S. Link. Princeton: Princeton University Press, 1985. 708 p.
36. PWW. Vol.68 / Ed. A.S. Link. Princeton: Princeton University Press, 1992. 658 p.
37. Startt J.D. *American Film Propaganda in Revolutionary Russia // Prologue*. Fall 1998, Vol.30. No.3. P.167–170.
38. *The Kennan Diaries*. Ed. by Frank Costigliola. New York: W.W. Norton & Company, 2014. 712 p.
39. Thompson J.M. *Russia, Bolshevism and the Versailles Peace*. Princeton: Princeton University Press, 1966. 429 p.
40. Unterberger B.M. *Woodrow Wilson and the Bolsheviks: The “Acid Test” of Soviet-American Relations // Diplomatic History*. Vol.11 (2). 1987. P.71–90.
41. Unterberger B.M. *The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989. 463 p.

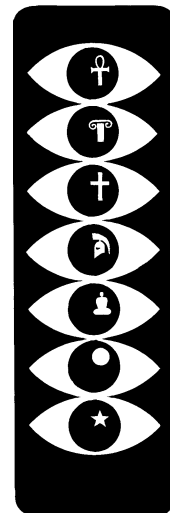
Перевод источников сделан В.Л.Мальковым.

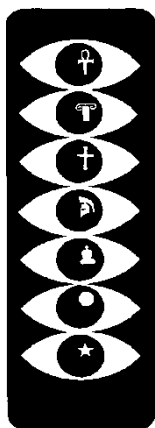
Искусство было всегда прекрасным
зеркалом общественного строя.

Рихард Вагнер

Выдающимся является лишь такое произведение искусства, которое одновременно представляет собою символ и точное выражение действительности.

Ги де Мопассан

Елена Жбанкова

**РУССКИЙ БАЛЕТ
В ПОИСКЕ СЛАВЯНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

УДК
351.858

В 2018 г. художественной общественностью было отмечено несколько памятных дат: 280-летие русской балетной школы, 200-летие М.И.Петипа и 140-летие окончания русско-турецкой войны 1877–78 гг. В статье речь пойдет о трех французских хореографах: Ж.Ланде, Ш.Дидло и М.Петипа, создавших основу для расцвета русского балета. Кроме того, особое внимание будет уделено вкладу Петипа в формирование у русской аристократии чувства сопричастности к событиям на Балканах в поисках национальной (славянской) идентичности.

In 2018, the art community noted several memorable dates: the 280th anniversary of the Russian ballet school, the 200th anniversary of M.I.Petipa and the 140th anniversary of the end of the Russian-Turkish war of 1877–78. The article will focus on three French choreographers: J.Land, S.Didlo and M.Petipa, who created the basis for the flourishing of Russian ballet. In addition, special attention will be paid to Petipa's contribution to the formation of the Russian aristocracy's sense of ownership in the events in the Balkans in search of national (Slavic) identity.

Ключевые слова: балет; французские балетмейстеры; война; славянская идентичность; народные танцы.

Key words: ballet; French choreographers; war; Slavic identity; folk dances.

E-mail: evzbankova@mail.ru

Балетный театр как явление широко распространяется в Европе в XVII в., а в России балетные спектакли появляются только в XVIII в. Русские историки балета расходятся в точках зрения на точную дату появления балетных представлений. Некоторые считают, что первые балеты появились в Петербурге на «народном театре» во времена царствования Екатерины I после завершения годичного траура по императору Петру I, другие утверждают, что настоящий балет в России появился не ранее 1736 г. [5, с.13].

Примечательно, что русский балет, в XIX и XX вв. являвшийся одним из основных национальных «брендов», был в буквальном смысле создан тремя французскими хореографами-балетмейстерами.

Жан Батист Ланде

Конкретную дату появления первых танцевальных представлений в России определить действительно сложно, однако в истории русского балета есть совершенно точная дата возникновения хореографической школы в Петербурге – 1738 год, – которая и знаменует собой появление профессионального балетного театра в нашей стране.

Основателем первой русской балетной школы считается французский танцовщик и балетмейстер Жан Батист Ланде, работавший до появления в России в театрах Парижа и Дрездена.

В 1724 г. он выступал вместе с женой в Копенгагене, после чего руководил французским балетом в Стокгольме. В Петербург Ланде приехал в качестве танцмейстера привилегированного дворянского учебного заведения – Шляхетного кадетского корпуса, открытого в 1731 г. Дальнейшая его деятельность вплоть до кончины протекала уже в России. В Шляхетном корпусе Ланде давал сначала уроки бальных танцев, а потом стал преподавать кадетам специальные танцы, включенные в учебный план.

Жан Батист Ланде

Анна Иоанновна, весьма любившая театральные представления, велела выстроить два театра (зимний и летний), где устраивались гастроли итальянских и французских артистов.

Л. Каравакк. Портрет Императрицы
Анны Иоанновны. 1730 г.

Польский король Август II, желая угодить русской императрице Анне Иоанновне, отправил в Россию артистов-итальянцев дрезденской труппы, руководимой композитором Ф. Арайей. Балетмейстером и первым танцовщиком-виртуозом в этом коллективе был венецианец Антонио Ринальди, прозванный Фоссано, что в переводе с итальянского означает веретено [4, с.32].

Приехавшая труппа, в которую входили отличные артисты, не имела в своем составе хора и кордебалета, что делало невозможным постановку полноценных спектаклей. Однако выход из положения был найден: в качестве

артистов хора были привлечены церковные певчие придворной капеллы, а обязанности кордебалета передали кадетам Шляхетского корпуса.

В 1738 г. Фоссано поссорился с Бироном и уехал с труппой в Париж. Чтобы не обмануть ожиданий императрицы, очень любившей балет, и не сорвать очередного балетного представления, Бирон предложил Ланде с учениками сыграть целый самостоятельный спектакль вместо итальянцев. Дебют учеников Ланде неожиданно для всех понравился Анне Иоанновне, которой показалось весьма престижным иметь в своем государстве собственную балетную школу. По ее повелению было увеличено количество учеников, ею лично были отобраны самые красивые девушки и юноши из дворцовой прислуги для учебы в школе, она была переведена на казенное содержание, а Ланде занял место придворного балетмейстера и был удостоен особого жалования [1, с.39]. Именно с этого момента и начинается история русского балета, которая в 2018 г. отметила свое 280-летие.

РУССКИЙ БАЛЕТ В ПОИСКЕ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Самыми способными выпускниками школы Ланде были Тимофей Бубликов, Афанасий Топорков, Андрей Нестеров, Аксинья Сергеева, Елизавета Зорина, Авдотья Тимофеева.

Главным итогом деятельности школы Ланде можно считать появление профессионального обучения искусству танца в России, а особенно важным то, что с появлением русских балетных артистов в театральной труппе был развеян миф о невозможности превзойти в мастерстве итальянских и французских танцовщиков.

Однако практически до конца XVIII века в русском балете главенствующие места по-прежнему занимали иностранные гастролеры. В России работали очень известные тогда в Европе балетмейстеры и танцовщики: Б.Локателли, Ф.Гильфердинг, Г.Анжиолини, Ш.Ле Пик и Д.Канциани. Из русских танцовщиков выделяется И.Лесогоров, получивший от Екатерины II псевдоним Вальберх. Под этим именем он завоевал славу первого русского балетмейстера. Самыми знаменитыми русскими танцовщицами на рубеже XVIII–XIX вв. были Н.Берилова и О.Каратыгина.

Шарль Луи Дидло

В конце царствования Павла I, бывшего большим знатоком и любителем хореографического искусства, по его личному настоянию был приглашен знаменитый танцовщик и балетмейстер Шарль Луи Дидло, с именем которого непосредственно связано появление национального русского балета и национальной русской балетной школы.

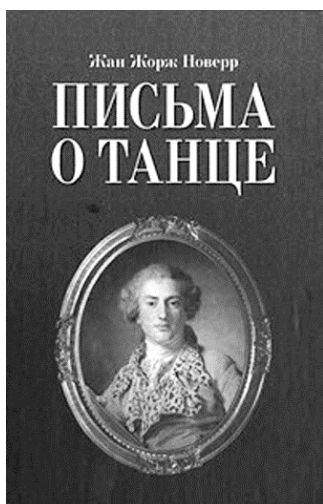
Шарль Луи Дидло, с именем которого непосредственно связано появление национального русского балета и национальной русской балетной школы.

Шарль Дидло – потомственный танцовщик, к 1801 г., году своего приезда в Петербург, танцевал в Бордо, Лондоне, Париже и Лионе. Там же он производил свои первые балетмейстерские опыты. К слову сказать, именно в допетербургский период своей деятельности Дидло ввел в мужской балетный костюм изменение, позволившее артисту в значительной мере усложнить технику танца: по его заказу портной Трико сшил специальные мужские брюки, навсегда подарив этой одежде свое имя.

Шарль Луи Дидло

В Россию Дидло попал уже сложившимся мастером, нашедшим в этой стране благоприятные возможности для претворения в жизнь своих представлений о возможностях и перспективах развития хореографии. Будучи последователем Ж.Новерра и учеником Ж.Доберваля, он пытался, и далеко небезуспешно, превратить русский балет из «красивой картинки-сопровождения» в самостоятельное драматургичное представление – иными словами, внедрить в практику русского балета знаменитый новерровский «действенный» танец.

Обложка книги Ж.Новерра
«Письма о танце»

Реформы Дидло постоянной публикой Большого театра Петербурга, привыкшей к ярким техничным дивертисментам, воспринимались на первых порах с трудом. Однако, как утверждают историки балета, именно на русской основе идеи западноевропейских реформаторов танца прижились и получили необходимое практическое воплощение. Это произошло благодаря некоторым национальным особенностям русского характера, проявившимся в специфике национальной хореографии, заключающимся в осмысленности, душевности, психологической содержательности русской пляски, требующей от исполнителя не только «плясать всеми суставчиками», но и осуществлять определенный драматургический замысел [6, с.107].

Успеху Дидло несомненно способствовало желание русского двора и лично Александра I во что бы то ни стало иметь в Петербурге балет, превосходящий парижский. Отсюда и рождалось постоянное стремление приглашать из-за границы самых лучших танцовщиков и хореографов, высоко оплачивать их труд и поддерживать во всех новых начинаниях. Так, в 1804 г. по личному повелению Александра I было осуществлено самое полное издание трудов Новерра в четырех томах.

В 1801 г. петербургский балет в значительной степени уступал парижскому и по уровню танцевальной техники исполнителей, и по качеству репертуара. Дидло весь первый период своей деятельности в России (1801–1812 гг.) посвятил преобразованию самой балетной школы,

РУССКИЙ БАЛЕТ В ПОИСКЕ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

как в переосмыслении основ танцевальной техники, так и в переподготовке артистов театральной труппы.

Здание балетной школы на ул. Зодчего Росси (ныне Академия танца им. А.Я.Вагановой)

Для профессионального исполнения хореодрамы XIX в. нужны были особым образом выученные балетные танцовщики, владеющие собственным телом и техникой жеста в гораздо большей степени, нежели артисты придворного балета XVIII в. Практически каждого танцовщика середины XVIII в. мог заменить любой, от природы умеющий двигаться человек после недолгой тренировки. Против этого категорически высказывался Дидло, считавший, что для должествующего исполнения высокотехничного и действенного балета в первую очередь необходимы люди, затратившие на приобретение профессиональных навыков много лет жизни и постоянно совершенствующие свое мастерство. Дидло был чрезвычайно строгим и жестким преподавателем как для молодых учеников школы, так и для уже сложившихся и даже именитых артистов балета.

Дидло перестроил хореографическое образование в России. До него театральная школа была универсальной, в ней готовили не только балетных, но и оперных, драматических артистов и даже оркестрантов.

При Дидло ученики до 13 лет стали готовиться к театральному делу всесторонне, чтобы выявить склонности, а после этого особо одаренные в хореографическом отношении могли учиться дальше только балету. По положению 1809 г. численность учащихся была увеличена до 120 человек – это гораздо больше, чем в любой западноевропейской театральной школе начала XIX в. К 1825 г. число выпущенных артистов балета из школы достигло 144 человек, тогда как во Франции и Италии их было выучено по 115 человек. Подобным же образом по инициативе Дидло было увеличено количество артистов в балетной труппе, и она стала самой крупной труппой в Европе.

Практически все артисты петербургского театра этого периода были по рождению русскими. Дидло к этому стремился сознательно и строил свою театральную политику, основываясь на подборе местных национальных кадров.

Второй период деятельности Дидло в России (1816–1828 гг.) ознаменован его балетмейстерской деятельностью. К этому времени в его же школе было подготовлено достаточное количество профессионалов, используя которых можно было создавать крупномасштабные балетные спектакли. Дидло поставил 23 балета, большинство из которых имело совершенно новые по тем временам сюжеты. Из новых постановочных принципов, внедренных Дидло в балетмейстерскую практику, нужно отметить значение ансамбля и слаженности действия. То есть, как и прежде, в балетах основное внимание уделялось танцам премьеров и солистов, поражавших внимание зрителя своей сложной техникой, но в то же время им практически не уступал в мастерстве кордебалет. Отлично выученный кордебалет Дидло так и остался одной из национальных особенностей русского балета и позволил во второй половине XIX в. осуществлять грандиозные постановки, рассчитанные на большое количество исполнителей [7, с.39].

Дидло считается основателем мимической драмы на русской сцене. Он придавал большое значение выразительной мимике в балетном спектакле, считая, что именно она, а не сам танец является носителем смысловой нагрузки в балетном спектакле.

Оценивая балетмейстерские качества Дидло, нужно отметить, что при создании своих спектаклей он стремился к самостоятельности, новизне, разнообразию танцев, вариативности поз и движений в зависимости от характера исполняемой партии, к вдумчивой теоретической работе над образом, что, в конечном счете, решало главную проблему создания драматургического балетного спектакля. «Чтобы быть хорошим

балетмейстером, – говорил Дидло, – надо употреблять большую часть своего времени на чтение исторических книг, извлекать из них сюжеты для будущих созданий и прилагать всевозможное старание об успехах своих учеников. Балетмейстер должен иметь также познания о нравах и обычаях разных народов и изучить их национальные наклонности и костюмы; иметь дар поэтический, чтобы излагать приятно свои мысли в программах. Он должен знать живопись и механику, чтобы уметь составлять в балетах разного рода живописные группы и удобнее объясняться с декоратором и машинистом» [2, с.122].

Дидло ушел в отставку в расцвете сил в 1831 г. после досадной размолвки с князем С.Гагариным – директором театра. Более того, Дидло составил докладную записку о необходимости улучшить правовое и материальное положение русских артистов балета, направленную им в дирекцию театра и расцененную ею как подстрекательство к бунту. На прощальном бенефисе в 1833 г. артисты увенчали Дидло лавровым венком. Он умер в Киеве 9 ноября 1837 г.

Имя Дидло навсегда осталось в истории русского балета как имя его родоначальника и основателя. Воспитанная им плеяда замечательных танцовщиков и танцовщиц (А.Истомина, Е.Телешева, А.Глушковский, Н.Гольц и др.) своим мастерством выдвинули труппу петербургского балета, обладающую отличительными свойствами русского национального балета – одухотворенностью и выразительностью, в разряд лучших европейских трупп.

После Дидло главными балетмейстерами петербургского балета по-прежнему были талантливые французские хореографы. Это и знаменитый Жюль Перро, и часто несправедливо осуждаемый Артюр Сен-Леон. Наивысшего же своего расцвета русский классический балет достиг в период деятельности в качестве главного балетмейстера петербургского балета француза Мариуса Петипа.

Во второй половине XIX в. интерес к балету в Европе, в частности в Париже, начинает ослабевать. Знаменитые европейские исполни-

Авдотья Истомина

тели с удовольствием едут в Петербург, где их выступлениям, как и прежде, сопутствует огромный успех и выплачиваются крупные гонорары.

Мариус Иванович Петипа

Мариус Иванович Петипа (1819–1910) родился в Марселе. Первоначальное хореографическое образование он получил у отца, довольно известного французского провинциального балетмейстера. Начав карьеру танцовщика выступлениями в Брюсселе, Мариус Петипа затем работал в нескольких провинциальных театрах Франции и в 1839 г. вместе с отцом гастролировал в Нью-Йорке.

Мариус Иванович Петипа

Возвратившись в Париж, Петипа совершенствовался в школе Большой Парижской оперы. В 1841 г. он выступил на этой сцене, но не попал в состав труппы. Далее он работает в Бордо, а затем в течение трех лет в Мадриде. По возвращении в Париж Петипа заключил контракт с дирекцией русских Императорских театров.

М.Петипа работал солистом в Петербурге с 1847 г. Первые же выступления обеспечили ему успех. Он понравился зрителю и как танцовщик хорошей школы, и как пантомимный актер своей нарочито эффектной и приподнятой во вкусе

того времени темпераментной игрой.

Выдвинуться как балетмейстеру ему помог случай. В 1862 г. он в шесть недель в отсутствие Сен-Леона – главного балетмейстера – поставил пятиактный балет «Дочь фараона» для бенефиса итальянской балерины Розатти. Успех спектакля был ошеломляющим [8, с.86–87]. Дирекция поручает ему постановку других спектаклей, а с 1869 г. он является фактически единственным балетмейстером Императорских театров Петербурга и Москвы.

В это время Петипа ставит знаменитые и по сей день балетные спектакли «Дон Кихот» и «Баядерка». В «Дон Кихоте» он продемонстрировал свои обширные познания специфики испанского танца и возможностей переноса национального духа на балетную сцену.

В «Баядерке» стали очевидными редкий талант Петипа как постановщика классических танцев и его характерные особенности как балетмейстера. Помимо неиссякаемой фантазии в сочинении танцевальных движений, Петипа достиг в этом балете предельной простоты построения хореографического номера, будь то сольное или массовое выступление. Безупречно владея техникой танца, он был ярким противником перегрузки спектакля трюками и видел

совершенство танцевальной части спектакля в стройности и логичности ее построения. Финальная сцена балета «Тени» до настоящего времени остается непревзойденным образцом массового классического танца.

Постановкой «Баядерки» в 1877 г. закончился первый период деятельности Петипа как балетмейстера. Для постановок этого времени характерно дальнейшее развитие мастером прежних представлений о балетном спектакле, правда, на новом качественном уровне, отражающем степень одаренности хореографа. Однако подлинное новаторство Петипа начинается с 1878 года, который и знаменует начало второго этапа творческой деятельности Мариуса Ивановича. Начало этого этапа знаменует постановкой балета «Роксана – краса Черногории», рассказ о котором и является главной темой данной статьи. Но вначале необходимо довести до конца освещение всей деятельности Петипа.

Вершина и итог творчества Петипа – это совместные поиски и сотрудничество с великими русскими композиторами П.Чайковским и А.Глазуновым. Эти поиски получили название симфонизации балетного

М.Кшесинская в «Дочери фараона»

танца и приобрели прочную основу в партитурах «Спящей красавицы» (1890) и «Раймонды» (1898). Подобным образом называется стремление хореографа и композитора предельно соединить танец и музыку, отнести к балетной музыке как к самостоятельному произведению, а не только как к аккомпанементу. Более того, балетмейстер в процессе работы готовит для композитора исчерпывающий балетно-режиссерский сценарий построения спектакля. В нем обозначается не только продолжительность танца в тактах, его метрический размер, но и содержание, а иногда и пожелания в отношении музыкальной окраски номеров. В результате подобной работы, впервые в истории русского балета в «Спящей красавице» были созданы музыкально-хореографические кульминации – четыре адажио каждого акта. В «Раймонде» на материале трех характерно-классических музыкальных сюит была новаторски разрешена проблема взаимодействия классического и характерного танца.

Всего М.Петипа в России сочинил и поставил 53 балета, поражающих зрителя зрелищностью и выразительностью массовых танцев. Танцевальные сцены он подчинял строгим композиционным законам, умело используя открытия своих предшественников в области балетной композиции. Петипа усовершенствовал технику классического танца, фактически создал характерный танец в балетном спектакле, продолжил поиски, начатые Дидло, в области мимики, чтобы при помощи этих средств создать яркие образы, правдиво передать чувства героев.

Балеты, сочиненные М.Петипа, можно разделить по сюжетам на четыре группы: фантастические, бытовые, классические и псевдоисторические. Во всех них Петипа стремился сохранить единство танца и действия. Это ему удавалось в отличие от балетмейстеров итальянского балета, который потихоньку перерождался в фееричное пышное высокотехническое, но малоосмысленное зрелище, и французского, который все больше и больше приобретал дивертисментный характер.

Петипа завершил создание петербургского, а значит русского, балета, начатое еще в XVIII веке. Он создал знаменитую русскую балерину, выдвинув в своих балетах женский танец на первый план, довершив тем самым эволюцию гегемонии сценического танца от мужской к женской, наметившуюся еще в эпоху Дидло. Петипа, будучи преподавателем классического танца и мимики, придерживаясь индивидуальной системы обучения, воспитал почти три поколения русских хореографических артистов: П.Гердта, Т.Карсавину, О.Преображенскую, М.Кшесинскую, А.Павлову, М.Фокина и др.

Командированный французским правительством в Россию для ознакомления с постановкой балетного дела и школы артист парижской Большой оперы Мерант «донес своей дирекции, что петербургский балет по своему художественному направлению, стройности, артистичности исполнения находится на высоте, неизвестной в Европе, а Школа его является образцовой во всех отношениях» [7, с.208].

Французская школа классического танца для русского профессионального балета была отправной точкой формирования. Париж был родиной французских балетмейстеров, которые, обретя вторую родину в России, осваивая ее культуру и быт, создали знаменитый русский балет. Творческими силами русских танцовщиков и танцовщиц они смогли создать национальную русскую балетную школу. В целом ряде художественных и методологических положений Дидло и Петипа можно найти точки соприкосновения и совпадения с взглядами друг друга, что становится все более и более заметным по мере изучения их творчества.

М.Кшесинская в «Спящей красавице»

Балканский кризис и русский балет

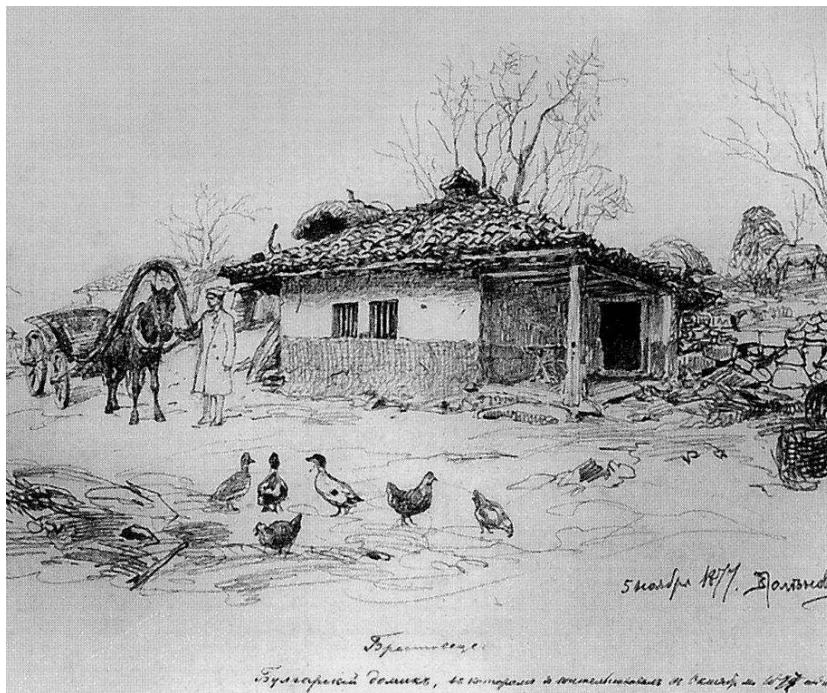
Второй период творчества М.Петипа, начавшийся в 1878 г., совпадает по времени с идущим Балканским кризисом, начавшимся еще в 1875 г.

Национально-освободительное движение славян против турецкого ига, получившее название Восточного, или Балканского, кризиса, началось в Герцеговине и Боснии, но вскоре охватило и другие провинции Османской империи, приобретя международное значение.

Российская общественность не осталась в стороне от этих событий. Представители русской интеллигенции выступали за действенную помощь восставшим славянам, порицали жестокие методы турецкого правления. Созданные еще в 1850–60-е гг. в Москве и Петербурге славянские благотворительные комитеты ставили своей задачей оказание

помощи балканским народам в их освободительной борьбе и в развитии национальной культуры, организовали сбор средств в помощь болгарам. Деятельность комитетов и сбор пожертвований в пользу поработенных братских народов особенно активизировалась после подавления Портой болгарского восстания.

На Балканы отправлялись русские добровольцы: солдаты, офицеры, медсестры, врачи, в их числе Н.В.Склифосовский, С.П.Боткин, писатель Г.И.Успенский, художники В.Д.Поленов, К.Е.Маковский, В.В.Верещагин и др. Поток заявлений был столь велик, что в «вербовочные присутствия», созданные при славянских комитетах, отправляли, прежде всего, лиц, имевших военную подготовку. В сборе средств участвовали такие видные общественные деятели, как критик В.В.Стасов, скульптор М.М.Антокольский; с публичными лекциями, деньги от которых шли на нужды восставших, выступал ученый И.И.Мечников и другие.

В.Д.Поленов. Набросок с театра русско-турецкой войны 1877–78 гг.

РУССКИЙ БАЛЕТ В ПОИСКЕ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

После объявления войны Турции Сербией и Черногорией в июле 1876 г. интерес русского общества к происходящему на Балканах еще более усилился, так как теперь четко осознавалась реальная опасность развязывания русско-турецкой войны.

Россия объявила войну Турции в апреле 1877 г., и с этого момента события на балканском театре боевых действий стали одной из основных тем, освещаемых русской периодической печатью. Журнал «Всемирная иллюстрация», например, публиковал подробные сообщения о ходе войны и дополнительно печатал «Иллюстрированную хронику войны».

Петербургская аристократия, в большинстве своем мало интересующаяся далекими, не касающимися ее непосредственной жизни событиями, читала этот и другие журналы и в достаточной степени оказывалась посвященной в происходящее на Балканах. О том, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. в значительной степени изменила привычный образ мыслей петербургского высшего общества, свидетельствует тот факт, что даже столь консервативный вид искусства, как классический балет, всегда строго отвечавший только вкусам великосветской публики, не остался в стороне от этих событий. В одном выпуске «Нового времени» 1878 г. писателем-публицистом К.Скальковским было сделано шутовское замечание о том, что петербургская аристократия узнала о происходящем на Балканах только из балета [5, с.265].

Обложка журнала «Иллюстрированная хроника войны»

И действительно, широкий интерес русской общественности к Восточному кризису и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. неожиданным образом серьезно повлиял на историю русского классического балета.

Вторая половина XIX века считается периодом блестящего расцвета петербургского балета, возглавляемого Мариусом Петипа. Но при более детальном изучении становится ясно, что внутри этого этапа были свои периоды трудностей и неудач. В 1860-е гг. балеты М.Петипа пользовались огромной популярностью. Петипа, имея возможность распоряжаться театральной школой, двумя сценами (петербургской в Мариинском и московской в Большом), а также придворными сценическими площадками (Эрмитажный, Петергофский, Царскосельский, Красносельский, Каменноостровский театры), старался внедрять в жизнь свои представления о перспективах развития балетного искусства.

После колоссального успеха «Дочери фараона» – фактического дебюта Петипа в качестве балетмейстера на русской сцене – и «Царя Кандавля», после которого Министерство Двора решило прекратить балетный импорт, посчитав русские труппы самодостаточными, интерес публики к балету неожиданно упал. Падение интереса стало серьезным испытанием и для Петипа, и для всего мира хореографии.

Пытаясь вновь привлечь внимание публики к классическому балету, Петипа в 1869–1879 гг. ставит десять новых балетов [7, с.215]. Однако достичь намеченной цели не удается, публика по-прежнему предпочитала, как тогда писала пресса, оперетку.

В середине 1870-х гг. случай сводит Петипа с издателем «Петербургской газеты» С.Н.Худековым. Этот человек искренне любил балет, изучал его историю и даже писал статьи в своей газете, в которых рассуждал о возможном будущем балетного театра.

С.Худеков, М.Петипа и композитор Императорских театров Л.Минкус

Худеков высказывает Петипа мысль о том, что балетные спектакли нужно ставить на актуальные и злободневные темы, и сам начинает писать либретто для таких спектаклей.

В 1876 г. был поставлен балет «Баядерка» на сценарий Худекова, имевший длительный успех в те времена и хорошо известный нам до сих пор. Темой для него послужила Индия, проблемы которой широко обсуждались тогда.

Вторым балетом, созданным Петипа по замыслу Худекова, была хорошо пришедшая ко времени русско-турецкой войны «Роксана – краса Черногории». Этот фантастический балет был поставлен на славянскую тему, основан на черногорском фольклоре, в период, когда все симпатии постановщиков и зрителей были на стороне воюющего славянского народа. В хореографический текст были введены характерные черногорские танцы, что было совершенно нетипично для классического балета.

Премьера состоялась 29 января 1878 г. в Большом театре (Мариинском) Санкт-Петербурга в бенефис балерины Е.Соколовой, исполнившей заглавную партию. Музыка была написана Л.Минкусом, композитором балетной музыки при петербургском балете с 1871 г. По отзывам, она отличалась редкой мелодичностью, а марш из балета вошел в моду и был особенно любим императором Александром II [5, с.267].

Сюжет балета был основан на поэтичном черногорском предании.

Над Черногорией пронесся ряд бурь, опустошивших всю страну. Народ увидел причину этих бед в действиях сироты Роксаны, девушки, заколдованной собственной матерью, превратившейся после смерти в бабочку-вампира. В Роксану влюблен черногорец Радивой, изменивший своей Родине и перешедший в магометанскую веру. Роксана, в свою очередь, любит Янко, отвечающего ей взаимностью. Роксана отвергает чувства Радивого, отказывается бежать с ним, и он клянется отомстить ей. Он узнает, что под влиянием чар, навеянных на нее матерью, она по

Афиша к балету «Роксана, краса Черногории»

ночам превращается в вилу – волшебное существо, обитающее в горах и замучивающее до смерти бешеной пляской всякого, кто случайно проникнет в заколдованное царство. Радивой рассказывает все о Роксане ее соседям и прямо обвиняет девушку в несчастьях народа. Соседи в ярости хотят казнить Роксану, но Янко спасает свою возлюбленную, защитив ее от толпы.

Черногорский марш из балета

Второе действие происходит в хижине Роксаны. Янко признается ей в любви и клянется уничтожить своего соперника, злодея Радивого. Роксана любит Янко, но не может признаться в этом, так как по завету матери-колдуньи ей нельзя любить смертного. Однако чувства девушки настолько сильны, что она уже готова пренебречь опасностью и броситься в объятия любимого. В этот момент в окне с угрожающими жестами показывается тень покойной матери в образе бабочки-вампира.

Янко приходится бежать, но он клянется освободить любимую от колдовских чар. После ухода Янко в хижину проникает Радивой, вновь требующий любви девушки. Роксана зовет свою мать на помощь, и ее появление наводит на суеверного черногорца такой ужас, что он поспешно убегает. Наступает ночь. Под влиянием лунного света Роксана превращается в вилу. В хижину из подзвездного пространства wpłyвает целый фантастический мир вил и горных духов, которые обступают девушку и после целого ряда испытаний провозглашают Роксану своей царицей.

Третья картина называется «Заколдованная долина». В окаймленной горными вершинами долине вилы и горные духи предаются ночным увеселениям. В глубине, на мосту, перекинутом через пропасть, показывается Радивой в костюме турка. Увидев своего мучителя, Роксана приказывает духам замучить его танцами до полного упадка сил, что они и исполняют с воодушевлением. Совершенно обессиленный Радивой карабкается по скалам, пытаясь убежать от них, желая снова вернуться на прежнюю горную тропу, но на мосту он сталкивается лицом к лицу с Янко. Завязывается борьба, в результате которой Радивой падает в пропасть. Увидев другого смертного, вилы и его увлекают в бешеный танец, несмотря на все попытки Роксаны спасти возлюбленного. Первые лучи восходящего солнца рассеивают волшебство, и заколдованное царство исчезает. Янко, схватив на руки Роксану, убегает.

В последней картине Янко на глазах толпы разрушает могилу матери Роксаны. Из нее вылетает бабочка-вампир, которую черногорцы тут же убивают. В этот момент рушатся все колдовские чары, и Роксана становится обыкновенной девушкой. Теперь она может стать женой своего возлюбленного, и балет заканчивается широким торжеством по случаю помолвки молодых людей.

Спектакль отличался изящными декорациями М.Бочарова и М.Шишкова. По отзывам современников, в декоративном отношении была наиболее красива заключительная сцена второй картины, когда стены скромной хижины раздвигались и зритель видел за ними чертоги духов. Очень красивыми были также декорации, изображавшие горную долину [3, с.32].

Спектакль в целом был поставлен по канонам классического балета, третий акт его был очень похож на «Жизель». Однако наличие в нем характерных танцев с элементами народных черногорских плясок придавало спектаклю необходимый национальный колорит. Более всего публике нравились танец «Равиола», исполненный балериной Радиной,

черногорские танцы «Коло», «Горо» и воинственная пляска 12 пар маленьких черногорцев, исполненная учениками и ученицами театрального училища.

Танец бенефициантки Евгении Соколовой в партии Роксаны был «поэтичным и высоко эстетичным». По отзывам современников, она вообще в этой роли отличалась удивительной грацией и женственностью.

Балерина Евгения Соколова

Главные мужские партии исполняли: Янко – знаменитый П.Гердт, Радивого – Ф.Кшесинский, отец ученицы Петипа Матильды Кшесинской [4, с.291].

Злободневность сюжета позволила балету довольно долго не сходить со сцены – до тех пор, пока в русском обществе не угас интерес к самому Балканскому кризису.

В 1878–1881 гг. было дано 30 представлений «Роксаны» [9, с.150].

После убийства Александра II 1 марта 1881 г. сменилась дирекция Императорских театров и репертуар поменялся коренным образом. О «Роксане» уже вспоминали только видевшие ее очевидцы.

По мнению историков балета, «Роксана» не считается большой

удачей Петипа. Однако именно в этом спектакле балетмейстер попытался обратиться к характерному танцу, кардинально изменив привычные рамки классического балета. Актуальность темы привлекла зрителей в театр, а новизна хореографического текста позволила заговорить о зарождении национального танца. Петипа не смог, в конечном итоге, утвердить на русской сцене национальный славянский танец ни «Роксаной», ни последующей «Младой» (премьера состоялась 2 декабря 1879 г.), но начало этому процессу было положено. Славянский стиль приходит на балетную сцену уже в XX веке в балетах М.Фокина, ученика Петипа, которому, судя по всему, учитель смог передать свое стрем-

РУССКИЙ БАЛЕТ В ПОИСКЕ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ление к созданию национальной хореографии, первоначально воплотившееся в «Роксане, красе Черногории».

М.Петипа внес значительный вклад в формирование у русской аристократии ощущения принадлежности не только к русскому, но и к славянскому миру в широком смысле, то есть, говоря современным языком, ощущения славянской идентичности. Внимание русского дворянства, благодаря балету «Роксана – краса Черногории», было дополнительно привлечено к событиям на Балканах, что послужило дальнейшему росту дружеских чувств и желания сопричастности к бедам братских славянских народов, а также стимулировало к оказанию им сильной помощи.

Библиографический список

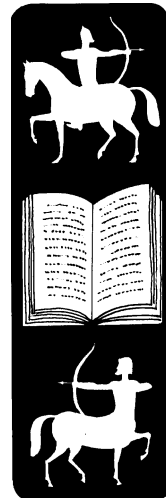
1. Арапов П. Летопись русского театра. СПб., Тип. Н.Тиблена и К°, 1861. 386с.
2. Всеволодский-Генгросс В. Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб., тов-во М.О. Вольф, 1912. 198 с.
3. Всемирная иллюстрация. СПб, 1898. №482.
4. Плещеев А. Наш балет. СПб, типография А.Бенке, 1896. 391 с.
5. Скальковский К.А. Балет, его история и место в ряду изящных искусств. СПб., типография А.С.Суворина, 1882. 280 с.
6. Слонимский Ю. Дидло. Л-М., ГИЗ, 1958. 262 с.
7. Слонимский Ю. И. Мастера балета. Л., «Искусство», 1937. 285 с.
8. Театральные воспоминания. Автобиографические записки Р.Зотова. СПб., типография Я.Ионсона, 1859. 117 с.
9. Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 гг. Ч.III. СПб., типография Р.Голике, 1884. 167 с.

Культура – это то, что остается,
когда все остальное забыто.

Эдуард Эррио

Культура основывается вовсе не на любопытстве, а на любви к совершенству; культура – это познание совершенства.

Мэтью Арнольд

Евгения Лупанова

**ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ
ЧАСЫ XVIII в.
ЕВРОПЕЙСКОГО
ПРОИЗВОДСТВА**

**В КОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ РАН
(КУНСТКАМЕРЫ)**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
364.124

Петербургская Кунсткамера в XVIII в. была ведущим научно-исследовательским и просветительским центром страны. В частности, здесь работала служба точного времени. Оборудование включало в себя богатое собрание солнечных часов работы как зарубежных, так и отечественных мастеров. В №4 журнала «Россия XXI» за 2019 год было рассказано о часах, хранящихся сейчас в музее и сделанных в России. В продолжение темы вниманию читателей предлагается статья о часах, изготовленных в Европе.

Petersburg Kunstkamera was a leading research and educational center of Russia in the 18th century. In particular, the exact time service worked here. The equipment included a rich collection of sundials by both foreign and domestic masters. In No. 4 of the magazine "Russia XXI" for 2019, it was told about the sundials made in Russia that are now stored in the museum. An article on sundials manufactured in Europe is offered to the attention of readers in continuation of the research.

Ключевые слова: солнечные часы; наука; распространение знаний; МАЭ РАН (Кунсткамера); Европа Нового времени.

Key words: sundial; science; spread of knowledge; MAE RAS (Kunstkamera); Modern history of Europe.

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

*Тот маятник лучистый, что спесиво
Соразмерял с футляром свой размах,
Лежит в пыли чердачного архива.
И склеп хранит уж безыменный прах.
Но мы служили праведно и свято.
В полночный час нас звезды серебрят,
Дней солнце озлащает – до заката.
Позеленел наш медный циферблат.
Но стрелку нашу в диске циферблата
Ведет сам бог. Со всей вселенной в лад.*

И.А.Бунин «Солнечные часы»

В XXI в. динамично развивающийся мир изменяет быт и мышление настолько быстро, что осознание происходящего требует особых усилий. Для многих школьников, приходящих сегодня в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеру), настоящей диковиной являются механические часы. Они привыкли к расписанной по минутам жизни и множеству дел, которые нужно успеть сделать за день, за неделю, за четверть. Привычка постоянно следить за временем разительно отличает сознание современного человека от норм 100–200-летней давности. При этом на телефонах у ребят обычно электронные часы. Наручные и карманные механические, являвшиеся когда-то для поколений их родителей, бабушек и дедушек статусным предметом, знаком взросления, доверия хрупкого и дорогого предмета, выходят из обихода, а настенные, если они и сохраняются в быту, заслоняются более яркими и привлекательными предметами обстановки. Определение времени по механическим часам входит в программу обучения начальной школы, но, так как эти знания не подкрепляются регулярным использованием в жизни, они не закрепляются в памяти и быстро уходят в область «пройденного да мимо». Работающие механические часы XVIII в. воспринимаются как удивительный музейный экспонат, и, стоя перед ними, ребята достают более привычные телефоны, чтобы посмотреть время.

Век механических часов недолог. Они появились в Европе в Средние века, но в течение многих лет оставались большой редкостью. Они получили распространение в XVII–XVIII вв. и теперь, спустя всего 300 лет, на наших глазах постепенно выходят из употребления. Их предшественники – солнечные часы – прослужили человечеству гораздо дольше, но даже специалисты-историки не всегда вспоминают о них; работая над исследованиями по традициям измерения времени, по умолчанию считают, что эти измерения производились только механическими часами [19]. Однако еще в XVII–XVIII вв. солнечные часы

играли существенную роль, и только во второй половине XVIII в. процентное соотношение стало меняться в пользу механических.

Петербургская Кунсткамера в XVIII в. была научным и просветительским центром европейского уровня. Помимо ряда других функций она была центром точного времени. С башни здания, в которой располагалась обсерватория Кунсткамеры, подавался световой сигнал на Адмиралтейство, откуда пушечный выстрел ежедневно оповещал горожан о наступлении полудня. Оборудование обсерватории по состоянию на 1770-е гг. включало в себя более 20 различных солнечных часов, среди которых было больше всего английских, французских и русских. Каталоги также упоминают имена немецких, одного итальянского и одного шведского мастера [6; 7; 10; 15]. В теплую половину года музей два раза в неделю был открыт для посетителей, и инструменты, с которыми в остальное время работали учёные Петербургской Академии наук, показывали всем желающим наряду с произведениями искусства, этнографическими и естественнонаучными коллекциями [21].

Сегодня исторические коллекции музея хранят интереснейшее собрание научных инструментов, важное место среди которых занимают часы. В этой статье сосредоточим внимание на наиболее распространенных в XVIII в. солнечных часах и более узко – на часах европейских мастеров. Некоторые из них хранятся в фондах, некоторые представлены на экспозициях «Музей М.В.Ломоносова и Петербургская Академия наук XVIII в.» и «Первая астрономическая обсерватория Академии наук».

Солнечные часы являются одним из древнейших научных инструментов. Их история уходит глубоко в дописьменные времена. Источники древней письменности и изобразительного искусства уже запечатлели не только измерение времени при помощи вертикально установленного на открытом пространстве гномона, но также таблицы поправок, звездные часы, полусферические и лестничные солнечные часы, календари и другие инструменты измерения времени. Среди памятников Древнего Египта известны солнечные часы XV в. до н. э. и портативная разновидность инструмента с инструкцией по применению, датированые XIII в. до н.э. [14, с.85–86].

В древности и в Средние века солнечные часы, как и другие научные инструменты, были инструментом жрецов, настоятелей монастырей, церковных иерархов. В античный период они стали использоваться для назначения времени встреч, соревнований, театральных представлений. Центры древней и средневековой культуры исполняли наряду с рядом других функций функцию хранителей времени. Как календари, так и

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

часы были важны для определения времени молитв и дат церковных праздников. На даты праздников и время церковных служб ориентировались как на показатели времени при указании на другие события жизни – встречи, начало торга, выгон скота и т.д. На примере привычной для нас культуры общеизвестна связь церковного и народного хозяйственного календаря. В рамках одних суток важнейшими ориентирами во времени для традиционного общества были восход, закат, полдень и колокольные звоны к церковным службам.

Пока хранителями времени были храмы и дворцы, предполагалось, что часы не подлежат перемещению. Установленные раз и навсегда стационарные часы одним своим внушительным видом показывали, что они являются надежным хранителем времени и порядка. Запрос на переносные часы появился, во-первых, вследствие активизации передвижений, во-вторых, как мода на раритеты.

В 1380 году французскому королю Карлу V были поднесены часы величиною со средний орех [17, с.27–28]. Это одно из первых европейских упоминаний о часах, которые можно свободно перемещать.

С развитием мореплавания увеличилась потребность в переносных инструментах. В силу этого запроса в XVI в. возросло и количество портативных солнечных часов. Навигационный прибор не сразу утратил функцию статусного. Мода на них сохранялась до середины XVIII в., а вышли из употребления они только во второй половине XIX в. Они получили наибольшее распространение в Англии и немецких государствах. Часы могли принимать разнообразные формы: встречались карманные, настольные, предназначенные для ношения на цепочке. Часто это были драгоценные изделия из янтаря, слоновой кости или латуни, изящно оформленные, нередко украшенные драгоценными камнями. Уменьшение размеров сказалось на качестве инструмента. Стационарные часы с крупными циферблатами позволяли точнее определять время. Появились неизбежные погрешности. Угол наклона гномона стал позволять с примерно одинаковой ошибкой измерять время, установленное на широте плюс–минус 1–2 градуса. Использование прибора на каждом новом месте требовало изначальной установки в соответствии со сторонами света, поэтому многие портативные солнечные часы снабжались компасами.

Начиная с Великих географических открытий часы стали необходимы военным, торговцам и колонизаторам не только для определения времени и демонстрации высокого статуса, но также для ориентации в пространстве и вычисления правильного курса. Поражавшие своим

загадочным видом часы были инструментом колонизации. Декор корпусов имел символическое, часто религиозно-философское значение.

Развитие часового мастерства в европейских странах шло разными путями и за счет разных потребностей. В Испании, Португалии, Англии и Франции это были средства, необходимые для развития мореплавания и освоения новых территорий, в немецких государствах они служили цели изучения и оптимизации управления внутренними ресурсами.

Немецкие часы

Наиболее ранние портативные солнечные часы, хранящиеся сейчас в коллекциях Кунсткамеры, датируются XVI–XVII вв. Они не имеют автографов мастеров и предположительно

были сделаны в немецких землях, где инструментальное искусство появилось и достигло высокого уровня развития раньше, чем в других регионах Европы. Несколько причин обусловили этот процесс:

- *Военная революция.*
- *Распространение протестантизма.*
- *Стремление устанавливать порядок посредством измерения и подсчета.*

Остановимся подробнее на этих причинах появления и распространения в Европе научных инструментов, среди которых солнечные часы занимали значимое место.

Военная революция XV–XVII вв. началась с появления и распространения огнестрельного оружия, что повлекло за собой изменения в организации армии и производства, но вместе с тем потребовало глобального пересмотра системы управления государством и сделало возможным создание крупных империй и привело к изменению быта и повседневных практик. Родиной европейского огнестрельного оружия традиционно считается Фрайберг. Немецкие государства с энтузиазмом восприняли новшество и, кроме собственно огнестрельного оружия, стали изготавливать прицелы и универсальные угломерные инструменты. Последние могли использоваться не только как прицелы для пушек, но также быть полезными для черчения, астрономических наблюдений, определения координат и времени. Портативные солнечные часы появились благодаря стремлению сделать пусть и менее универсальный и менее точный, но более компактный и удобный инструмент.

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Протестантизм также играл свою роль в распространении научных знаний, инструментов и изменении мышления. На смену авторитету средневековой схоластики приходила логика научного рассуждения, доказательства при помощи наблюдений и опытов, важную роль в которых играли различные измерения, философия механицизма (объяснение всего мира как механизма). В странах, где католицизм сохранял господствующее положение, долгое время вместе с ним сохранялся и идеальный образ монарха, владеющего своими землями и людьми, являющегося заместителем Бога на земле. Лютеранский идеал был в корне другим: монарх должен был непрестанно трудиться ради своей страны, подданных и общего блага. Научные инструменты органично сочетались с образом монарха-труженика. Просвещенный правитель должен был предстать перед народом либо с оружием, либо с измерительным инструментом в руках – и то и другое являлось визуальным свидетельством его деятельной заботы о государстве.

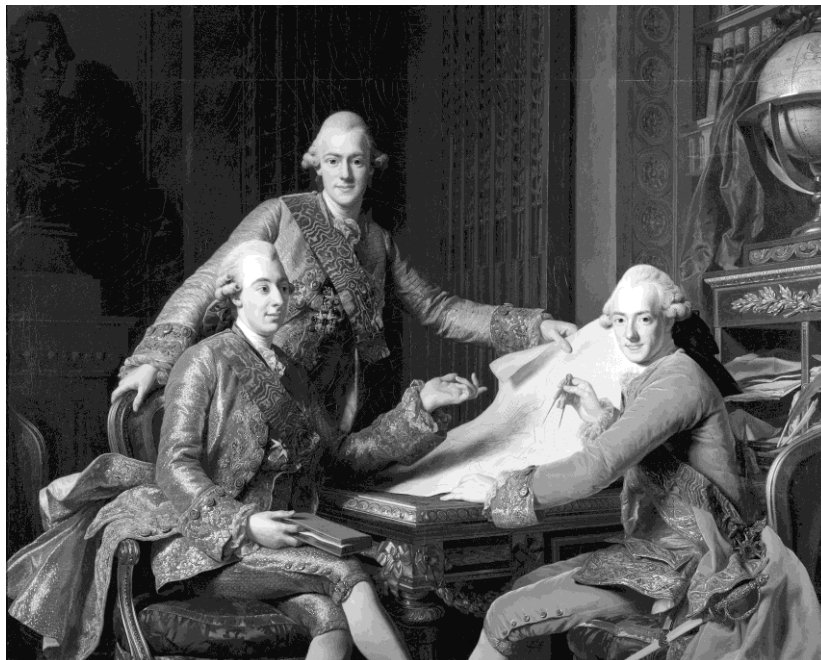
Портрет короля Богемии Фридриха V, в правом нижнем углу армиллярная сфера

Европейские параллели

← Испанский король Карл II Габсбург изображен с часами

↓ А. Рослин изобразил шведского короля Густава III за работой. Атрибутами монарха и его братьев являются чертеж, циркуль и глобус

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

← Австрийский император Иосиф II,

↑ и саксонский курфюрст Кристиан Фридрих

↓ прусский король Фридрих I

изображены каждый со зрительной трубой в правой руке.

Зрительная труба является атрибутом монарха на целом ряде других изображений европейских правителей XVII–XIX вв.

Наблюдения и измерения при помощи специальных инструментов стали частью немецкой культуры и немецкого варианта укрепления власти. В то время, как другие монархи расширяли свои территории и осваивали новые земли, мелкие немецкие государства, не имея такой возможности, стремились к максимально точному изучению своих ресурсов, установлению максимального контроля с целью налаживания наиболее эффективного использования ресурсов и управления страной. Следствием этих тенденций была математизация мышления, своеобразный культ чисел и правильных форм. Они создавали иллюзию упорядочения и подчинения государственному контролю сложного и многообразного мира [23, с.398–403; 34, с.322–323].

Наконец, часы были нужны для развития торговли, спрос на них увеличивался по мере развития экономических связей.

Мощным стимулом для развития гномоники (изготовления и использования солнечных часов) стало «Руководство к измерению циркулем и линейкой» А.Дюрера, опубликованное в Нюрнберге в 1625 г. Трактат, написанный авторитетнейшим мастером гравюры и живописи для художников, оказался актуальным и для нарождавшихся мастеров инструментального дела. Неслучайно именно его родной Нюрнберг стал

в XVI в. европейским центром часового производства [32, р.81].

На гравюрах А.Дюрера «Меланхолия» и «Образ геометрии» присутствуют солнечные часы.

Все названные причины в комплексе создавали благоприятную почву для раннего появления научных инструментов в немецких государствах и их активного развития в XV–XVII вв. Изготовление солнечных часов рано стало важным доходом для жителей города Аугсбурга, где появился вид переносных солнечных часов, получивших широкое признание и распространение в Европе.

Автопортрет А.Дюрера

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

В коллекциях МАЭ РАН представлено четверо немецких солнечных часов неизвестных мастеров, а также часы с автографами мастеров Х.Дукера, А.Фоглера и Й.П.Сарторуса. Все они относятся к часам разного типа: в коллекции представлены солнечно-звездные часы (без подписи и Дукер), аугсбургского типа (Фоглер), фиксированные горизонтальные (Сарторус). Рассмотрим их далее в хронологическом порядке.

Гравюра А.Дюрера «Меланхолия»

**Солнечно-звездные часы
неизвестного мастера
первой половины XVII в.
(предположительно Мюнхен)**

Солнечно-звездные часы позволяли определять время в любое время суток при ясной погоде. Шкала солнечных часов аналогична любым горизонтальным солнечным часам.

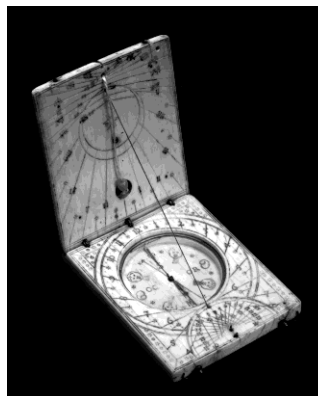
Наиболее простым способом определения времени ночью является следующий: сначала нужно установить дату на «вечном календаре», а затем подвижную стрелку часов перемещают так, чтобы мысленным ее продолжением были звезды «ковша» (альфа и бета) Большой медведицы. Когда стрелка находится в таком положении, она указывает на отметку часа на циферблате. Возможности использования представленных на нашей экспозиции часов шире. Существует несколько более сложных способов определения ночного времени по ним, часы позволяют рассчитывать лунные циклы, находить соответствия между различными календарями (юлианский, григорианский, зодиакальный) и системами измерения времени в сутках, определять свои координаты во время путешествий, производить другие наблюдения и вычисления. По сути, появление таких инструментов можно трактовать как попытки совершенствования астролябии, одного из древнейших универсальных астрономических инструментов, использовавшихся также для определения времени, ориентации в пространстве, картирования местности, в артиллерийском и архитектурном деле. Солнечно-звездные часы, сохраняя целый ряд функций астролябии, были более компактными и удобными, хотя неизбежно теряли в качестве по сравнению с более крупными инструментами.

Астролябии на экспозиции «Первая астрономическая обсерватория»

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Часы-диптрих из слоновой кости. На верхней поверхности первой пластины нанесена роза ветров на 32 румба, пронумерованные от восточной стороны против часовой стрелки; золоченый вращающийся указатель-стрелка. Круглое сквозное отверстие для пользования компасом в сложенном состоянии и для наведения звездных часов в открытом виде. В раскрытом виде в вертикальной плоскости располагается часовая шкала VII–XII–V с делениями через $\frac{1}{4}$ часа и с нитяным гномоном, а также таблица продолжительности дня. На горизонтальной пластине вокруг гнезда магнитной стрелки находятся: 1. часовая шкала 4–12–8, рассчитанная для широты $48,5^\circ$; 2. компасная коробка в виде углубления в пластине с надписями, обозначающими стороны света («S» – Север, «OR» – Восток, «M» – Юг, «OC» – Запад), и символическим изображением С-В, Ю-В, Ю-З, С-З ветров; 3. часы со шкалой в виде семейства гипербол, отмеченных символами знаков Зодиака, и с булавоочным гномоном; красные цифры 10–23 позволяют узнавать время по вавилонской системе измерения времени, черные 2–14 – по итальянской системе. На обратной стороне нижней пластины звездные часы (ноктурнал), вечный лунный календарь на 29,5 дней и таблица эпакт для каждого года одного из девятнадцатилетних циклов в юлианском и григорианском календарях. В центре вращающаяся стрелка с круглым основанием, имеющим шкалу. Пластины по периметру украшены растительным орнаментом. На верхней и нижней поверхностях имеются металлические ножки и крючки для фиксации.

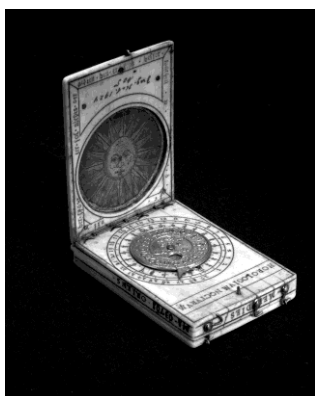

Ганс Дукер (II или III)

В юго-восточной части Нюрнберга в XVI в. жила и работала династия мастеров по производству солнечных часов и компасов. Трое ее представителей носили одинаковые имена и фамилии Ганс Дукер. Они получили статус мастеров в 1537 г. (отец второго, умер в 1650 г.), 1557 (умер в 1615) и 1570 г. (годы жизни 1547–1632) [33, р.46–47; 39, S.555–563, 687]. Так как второй и третий подписывали свои инструменты одинаковыми именами или инициалами HD и использовали один и тот же фирменный знак змеи с короной, соотношение каждого сохранившегося до наших дней предмета с одним из них является затруднительным. Продолжателем династии были двое из троих сыновей второго Ганса: Йозеф, имевший свою мастерскую в 1614–1644 г. и использовавший собственный фирменный знак в виде птицы, и младший, Томас, наследовавший фирменный знак в виде змейки и самостоятельно работавший в 1613–1645 гг. (годы жизни

1590–1645) [39, S.163]. Э.Циннер описывает надгробия Гансов Дукеров: на них представлены два ангела, держащие герб с изображением складных часов и коронованной змейки [39, S.555].

Династия Дукеров оставила после себя несколько десятков сохранившихся до наших дней инструментов, преимущественно портативных складных солнечных и солнечно-звездных часов из слоновой кости. Их творческое наследие представлено сейчас в коллекциях Физико-математического салона в Дрездене, Британском музее, Оксфордском музее истории науки, Метрополитен, Музее средневековья в Париже и других собраниях. Хранящийся в Кунсткамере является единственным экземпляром в музеях России.

На изображении: на верхней поверхности первой пластины роза ветров на 16 румбов с вращающимся указателем. Круглое сквозное отверстие для наблюдения компаса во второй пластине. На второй пластине горизонтальные универсальные часы с нитяным гномоном, перестраиваемым по широте с помощью набора отверстий (42°, 45°, 48°, 51°, 54°). 5 часовых шкал 4–12–8. На оборотной стороне второй пластины звездные часы (ноктурнал), совмещенные с указателем фаз Луны. В углублении третьей пластины круглое раскрашенное изображение розы ветров на 16 румбов. Надпись на третьей пластине гласит: "der Spötter soll nichts verachten, den er kins besser machen. M.D.XC.VII" (нем.:

Насмешник ничего не должен презирать, поскольку он может лучше сделать. 1597). На оборотной стороне вращающийся диск со шкалой 8–24, вокруг диска шкала 4–12–8. Указатель диска скользит по шкале долготы дня 8–16 с символами Козерога, Овна, Весов и Рака.

Андреас Фоглер

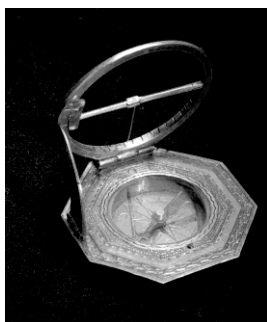
Мастер родился в 1730 г. в городке Обертингау (Швабия). В 1765 г. приехал в Аугсбург и наследовал работавшую с 1740 г. часовую мастерскую старшего брата Иоганна

Георга Фоглера. Андреас Фоглер продолжал свою деятельность до 1790-х годов; умер примерно в 1800 году. Мастерская Фоглеров специализировалась на производстве недорогих солнечных часов с компасом. До наших дней сохранилось около 130 инструментов его рабо-

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

ты. Кроме МАЭ РАН они есть в собраниях Муромского историко-художественного музея, Музея истории науки в Великобритании, Венского музея часов, а также музея в Пльзени (западная Чехия) [3, с.120]. Мастер изготавливал солнечные часы различных типов: в форме шара, компактные вертикальные и горизонтальные дорожные, но большинство его работ, как и работ брата, представляли собой восьмиугольные аугсбургские дорожные часы. Известно, что его дочь вышла замуж за Йохана Н.Шреттегера, также занимавшегося изготовлением портативных солнечных часов.

Трудность для исследователей работы с этими предметами заключается в том, что, несмотря на наличие автографа, изготовление часов Андреасом Фоглером может быть поставлено под сомнение, так как его именем подписывал свои работы его современник Л.Грассл, долгое время не имевший права изготавливать и продавать инструменты в Аугсбурге и после получения таких прав переделавший подписи на 41 солнечных часах [39, S.102–105, 325, 530, 571–572].

На изображении: солнечные часы аугсбургского типа. На восьмиугольном основании с компасной коробкой укреплены на шарнирах часовое кольцо с гномоном-иглой и шкала установки широт. Часовая шкала III–XII–IX с делениями через 1/2 часа. Шкала установки широт 6°–82° с делениями через 2° и нумерацией через 10. На дне компаса роза ветров на 8 румбов и линия магнитного склонения. Часы вложены в футляр, в котором хранится печатная таблица со списком 153 городов с их широтами (с точностью до минут); на обратной стороне инструкция по применению на немецком и французском языках.

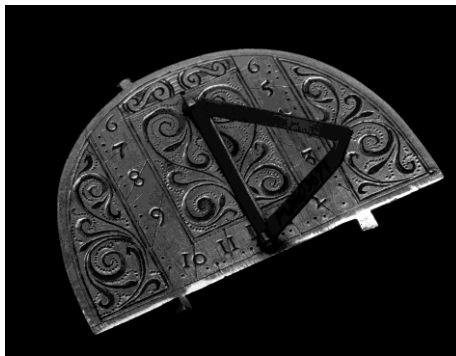
Солнечные часы работы Й.П.Сарторуса.

На квадратном основании с закругленными углами и четырьмя отверстиями для крепежных винтов в центре установлен треугольный гномон с углом около 50 градусов (часы рассчитаны на широту 50 градусов). Шкала IV–XII–VII с делениями через 1/4 часа.

Испанские часы

Испания и Португалия стали первыми колониальными державами. Первые географические открытия совершались при помощи самых простых навигационных инструментов, среди которых были астролэбии, компасы и солнечные часы. Оказавшись в южном полушарии, путешественники обнаружили, что привычные для них измерительные инструменты работают иначе. В частности, тень солнечных часов движется против часовой стрелки. Благодаря этому открытию и желанию соотнести наблюдения в южном полушарии с привычной для европейцев системой измерения времени появились южные солнечные часы.

В фондах МАЭ РАН хранятся часы, предположительно датируемые первой половиной XVII в. и предназначенные для использования на 40-м градусе южной широты, т.е. на территории испанских колоний, а точнее для использования в Вальдивии, – одном из важных форпостов освоения Южной Америки. Декоративное оформление инструмента нехарактерно для XVIII–XIX вв., когда появились французские и английские колонии в Южном полушарии. В пользу ранней датировки говорит также и то, что в XVIII в. для дальних путешествий изготавливали универсальные солнечные часы, а не предназначенные для использования только на одной широте.

Эти часы являются частью артиллерийского прицела. На лицевой стороне, кроме циферблата, выгравирован растительный орнамент, на обратной – пушкарь, одетый по испанской моде первой половины XVII в. (испанский воротник; украшенные шитьем колет с широкими рукавами и штаны длиной чуть ниже колен), голова не покрыта; на стволе пушки установлен артиллерийский прицел, на втором плане изображен ствол дерева. Маркерами страны и времени являются высокие сапоги с

узким носком – в более раннее время было принято носить широкую обувь; стрижка средней длины, густые усы и борода – во второй половине XVII в. вошли в моду более длинные волосы, а также стрижка и бритье бород [8, с.77–78, 105–107].

Изображенная на часах пушка с прицелом была символом военных успехов испанской короны. Умелое сочетание огнестрельного и холодного оружия принесло стране блестящие победы над европейскими

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

соперниками, и, конечно, громоподобные пушки играли большую роль в покорении коренных народов Америки, где, без сомнения, и должен был применяться инструмент, часть которого сейчас хранится в фондах Кунсткамеры.

Французские часы

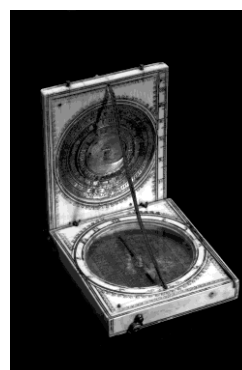
Франция стала третьей колониальной державой. Освоение новых земель, их изучение и картирование породили необходимость в изготовлении универсальных солнечных часов, предназначенных для использования на различных широтах. Развитие флота и территориальное расширение государства выдвинули новые требования перед измерительными инструментами, стали стимулом для таких усовершенствований, которые были не нужны на ограниченных пространствах немецких государств. Французы стали делать универсальные солнечные часы, которые можно было использовать в любой точке земного шара или, по крайней мере, – в любой точке северного полушария. При этом широты географических пунктов, гравировавшиеся на часах в качестве мини-справочника, не ограничивались сферой французских интересов, то есть очевидно, что эти инструменты предназначались для продажи за пределами страны. Искусством изготовления универсальных часов овладели некоторые немецкие, английские и русские мастера, но большинство таких часов изготавливалось в Париже [36, p.128].

На экспозиции «Первая астрономическая обсерватория» находятся четверо французских портативных солнечных часов XVII–XVIII вв.: двух неизвестных мастеров и Н.Биона и П.Мэра.

Солнечно-звездные часы неизвестного мастера второй половины XVII в.

На верхней поверхности первой пластины горизонтальные высотные часы с часовой шкалой вокруг

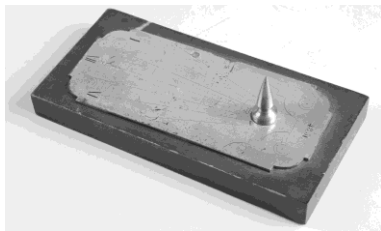
гнезда магнитной стрелки 6–12–6 и нитяным гномоном. На наружной стороне верхней пластины находится таблица продолжительности дня. На внутренней стороне этой пластины находятся звездные часы и устройство из двух дисков для определения фаз луны. На второй пластине вокруг компасной коробки нанесена шкала горизонтальных часов 5–12–7 для широты около 48°,5. На дне компаса градусная шкала и таблица с алфавитным списком восемнадцати француз-

Европейские параллели

ских городов с их широтами. Магнитная стрелка и стекло гнезда не сохранились. В обратную сторону второй пластины вмонтирован вечный календарь в виде металлического вращающегося диска.

Солнечные часы работы неизвестного мастера

Солнечные часы неизвестного мастера имеют надпись 48,51, т.е. на них указана широта Парижа. Они датируются рубежом XVII–XVIII вв. На деревянной прямоугольной основе находится посеребренная пластинка с вертикальным коническим гномоном. На пластинке выгравирована шкала с прямыми часовыми линиями от 10 до 14 (нумерация XI–XII–I; цена деления 30°). По одной четверти часа отмечены пунктиром до и после полудня. Прямая равноденствий (перпендикулярная полуденной линии) обозначена символами Весов и Овна, гиперболы солнцестояний – символами Рака и Козерога.

Николя Бион

Часы работы Н.Биона предназначались для использования во время путешествий по Европе.

Мастерская Н.Биона работала в Париже с 1681 г. В 1731 г. она была передана сыну Ж.Б.Биону. В мастерской изготавливались различные научные инструменты, среди которых наряду с солнечными часами были транспортиры, астролябии, глобусы, армиллярные сферы. Помимо изготовления инструментов, Н.Бион писал о секретах своего ремесла, его перу принадлежат три книги, опубликованные при жизни [26; 27]. Это отличало его от большинства коллег того времени: мастера предпочитали хранить свои технологии в тайне.

В июне 1716 г. Петр I в ходе своего второго заграничного путешествия посетил мастерскую Н.Биона и купил у автора три работы, названные в документах путешествия: «"Книга математических инструментов", "Книга употребление глобуса", "Книга употребление астролябии"» [12, с.204], а также сделанные им инструменты: «астреляб большой з двумя трупки... ватерпас с трупкою, ватерпас без трупки, компас, инструмент и полкруга и мера в готовальне, 2 циркуля в готовальне, одна в том числе ради снимания овалов, а другой разделен на части, 2 чернильницы серебряные с инструментами». Помимо солнечных часов с указанием изготовивших их мастеров, названы еще «2 часы солнечные, 3 часы

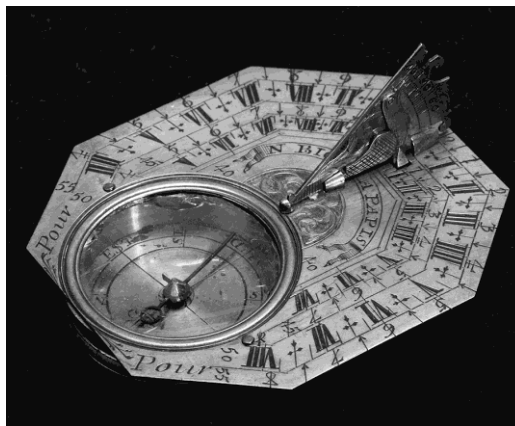
ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

солнечные с компасами» [5, с.22–23]. В каталогах Кунсткамеры XVIII в. числилось четыре инструмента Н.Биона:

- *инструмент для черчения эллиптических фигур,*
- *чертежный сектор,*
- *двое солнечных часов с компасом*
- *ватерпас со зрительной трубой [6, 7, 10, 14].*

Ватерпас и чертежные инструменты соотносятся с приобретениями Второго заграничного путешествия Петра I, это дает основания для предположения с большой долей вероятности, что и солнечные часы работы Н.Биона относятся к купленным в 1716 г. для царя инструментам.

Часы, хранящиеся сейчас в Кунсткамере, – это горизонтальные солнечные часы направления (т.е. часы, которые могут настраиваться на различные географические широты). Украшенный изображением птички гномон стоит на восьмиугольном основании, часы оснащены компасом. На основании размещен растительный орнамент и изящная надпись «Н.Бион в Париже». Клювик птички является указателем по шкале широт на гномоне. В полдень высота

гномона должна была устанавливаться под углом, равным широте того места, где производилось измерение времени. На основании часов выгравированы названия 27 европейских городов с указанием их широт: на восьмигранном основании Милан, Турин, Париж, Лион, Венеция, Лит, Генуя, Тулон, Марсель, Мадрид, Брюссель, Лиссабон, Байонна, Гамбург, Лондон, Варшава, Вена, Кёльн, Рим, Нант; и на круглой части – Константинополь, Страсбург, Копенгаген, Стокгольм, Санкт-Петербург, Тур и Москва.

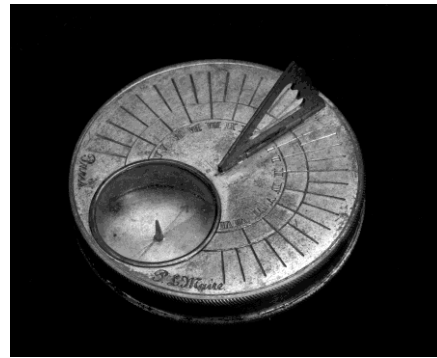
Часы такого типа, отличающиеся утонченной декоративностью, сделанные в чисто французской манере, названы по фамилии создателя данного стиля – английского механика Мишеля Баттерфилда (1635–1724 гг.), основавшего около 1663 г. в Париже мастерскую по изготовлению эксклюзивных инструментов и считавшегося раньше создателем первых европейских портативных солнечных часов [29].

Л.Е.Майстров выявил шесть часов типа «Баттерфильд» в музеях тогда еще Советского Союза, из которых четыре были изготовлены

Н.Бионом. Из этих четырех два предмета находятся в Львовe, один в Государственном Эрмитаже и один у нас [11, с.24–30]. Астролябии, измерительные инструменты и часы работы Н.Биона являются также достоянием Гринвичского королевского музея (богатейшая в мире коллекция инструментов этого мастера, насчитывающая более 10 предметов), Музея истории науки в Лондоне, Национального музея американской истории, Музея при Астрономической обсерватории в Болонье [30].

Пьер ле Мэр (II)

Трое мастеров ле Мэр также изготавливали дорожные солнечные часы в стиле «Баттерфильд». Такие образцы их работ хранятся в европейских и американских музеях (Музей истории науки в Оксфорде, Адлерский планетарий в Чикаго).

Часы сделаны из посеребренной латуни. К основанию крепится основной гномон с углом наклона 42° , в основание вмонтирован компас с несохранившейся стрелкой. Часовая шкала IV–XII–VIII делениями размечена через $1/2$ часа.

По сравнению со сделанными Н.Бионом, они простые и прочные: оформление скромное, количество деталей минимальное, ломаться нечему, а потому такой инструмент идеален для

долгого и трудного путешествия. Такие инструменты любили покупать у французских мастеров английские офицеры и государственные служащие. Сами французы, отправляясь в дальние страны, предпочитали брать с собой не только прибор для утилитарного использования, но частичку родной культуры, милую вещицу, которая будет напоминать о доме.

Часы, по всей вероятности, сделаны Пьером ле Мэром-младшим, сыном и племянником инструментальных мастеров Пьера и Жака ле Мэров. Оба старших ле Мэра занимались изготовлением солнечных часов, но первый из них больше специализировался на приборах с магнитной стрелкой, а второй увлекался изящным украшением своих инструментов и состоял членом в Обществе прекрасных искусств. Пьер ле

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Мэр младший начинал работать под руководством отца и дяди, со временем стал признанным самостоятельным специалистом в своей области. Его мастерская работала в 1730–1760-е гг. Он был первым, кто начал изготавливать секстанты для французского флота вскоре после изобретения этого навигационного инструмента в Англии. Пле Мэр-младший делал инструменты для Академии наук в Париже, участвовал в разработке стандартов мер, в 1756–1759 гг. выполнял правительственный заказ по изготовлению солнечных часов для офицеров французской колониальной армии [36].

Английские часы

Англия по праву считалась владычицей морей. Залогом мощной колониальной империи стало развитие инструментального дела. Высокий уровень его развития обеспечивал успехи

мореплавания, освоения новых земель, военных операций на море и на суше. Существенная роль солнечных часов в деле освоения новых земель нашла свое отражение в первой национальной валюте Североамериканских соединенных штатов: в центре аверса континентального доллара размещено изображение солнца и часов с двумя надписями – «fugio» (лат. «бег») и «mindyourbusiness» (анг. «думай о своем деле»).

Великобритания удерживала лидерские позиции в деле инструментального дела в течение столетия – с конца XVII до конца XVIII в. Причиной постигшего его кризиса стало повышение налогов. Правительство решило, что так как научные инструменты стоят дорого, то и налоги на них могут быть существенно повышены. При этом не были приняты во внимание ни трудоемкость процесса изготовления каждого инструмента, ни дороговизна материалов и оборудования. В новых условиях ряд английских мастеров разорился, а пальму первенства снова взяли немецкие государства.

На экспозициях музея сейчас представлено два образца английской работы: один – из пользовавшейся весомым авторитетом мастерской Адамсов, второй, – сделанный человеком, о котором пока не удалось найти никакой информации.

Континентальный доллар 1776 г.

Дж.Адамс

Инструменты из мастерской Адамсов представляют сложность для атрибуции и датировки. Солнечные часы с автографом «Adams. London» позволяют соотнести их с разными

представителями династии. Такая проблема стоит также и перед рядом зарубежных музейных специалистов, хранящих и изучающих предметы, вышедшие из этой мастерской.

Два поколения семьи инструментальщиков Адамсов выполняли заказы Королевского Военно-Морского флота, изготавливая в большом количестве солнечные часы, зрительные трубы, другие математические и навигационные инструменты. В начале XIX в. фамилия Адамс появляется на морских хронометрах, изобретенных в Англии во второй половине XVIII в. [16].

В музейной документации в качестве изготовителя солнечных часов указан Джордж Адамс – т.е. либо отец, первый из династии инструментальщиков, либо его старший сын. Внешний вид предмета скорее позволяет соотносить их с концом XVIII в., чем с серединой. Соответственно, более вероятно, что часы изготовлены в мастерской Дж.Адамса-младшего, однако достаточных оснований для уверенного и однозначного утверждения не имеется.

Джордж Адамс-старший был сыном повара М.Адамса, родился в 1709 г. Начал работать в мастерской Дж.Паркера, а после его смерти стал подмастерьем Т.Хиса. В возрасте 25 лет он открыл свою собственную мастерскую на Флит-стрит в Лондоне – на улице, где работали лучшие инструментальщики середины XVIII в. Он предлагал заказчикам самые разнообразные научные инструменты: армиллярные сферы, глобусы, телескопы, зрительные трубы, квадранты, секстанты, октанты, микроскопы, солнечные часы, барометры, термометры, чертежные инструменты. Вскоре он стал официальным изготовителем инструментов для Ост-Индской компании и Артиллерийского департамента. С 1757 г. он инструментальный мастер принца Уэльского, а с 1760 г., когда принц стал королем Георгом III, королевский мастер. Эту должность Дж.Адамс сохранил за собой до самой смерти. Со временем расширение дела потребовало использование наемного труда. По мере взросления к работе в мастерской приступали и дети мастера: от первого брака у него было пятеро детей, от второго – девятеро. Двое из них впоследствии стали самостоятельными талантливыми мастерами и изобретателями.

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Наибольшую известность Дж.Адамсу-старшему принес опубликованный в 1766 г. «Трактат об изготовлении и использовании новых земных и небесных глобусов». Его перу принадлежит также трактат по микроскопии (первое издание 1746 г.), инструкции по использованию квадрантов (1748 г.), секстантов и октантов (1753 г.) [25]. Его книги пользовались большой популярностью и спросом, каждая из них выдержала по несколько прижизненных изданий и продолжала переиздаваться после смерти автора.

В 1757 г. мастерская сгорела, но ее хозяину вскоре удалось восстановить производство. В течение долгого времени Дж.Адамс исполнял обязанности приходского старосты. Это была ответственная работа: ежегодно он распоряжался суммами до полумиллиона фунтов стерлингов, собиравшимися для престарелых, больных и нуждающихся прихожан.

Дж.Адамс-старший умер в 1773 г. В течение двух последующих лет мастерской управляла его жена Анна вместе со старшим сыном Джорджем Адамсом-младшим, в чьи руки затем перешло заведение. Дж.Адамс-младший сумел сохранить за мастерской статус официального поставщика Артиллерийского департамента. Это направление работы стало особенно прибыльным в годы Войны за независимость США (1775–1783 гг.). В эти годы в мастерской трудилось не менее десяти наемных работников. Одним из них был Дадли Адамс, брат Джорджа Адамса-младшего.

Со временем Дадли не пожелал оставаться в мастерской, некогда принадлежавшей отцу, а открыл собственную и сумел оттянуть себе часть заказов Артиллерийского департамента. В годы наполеоновских войн это сотрудничество оставалось очень выгодным ввиду особой государственной важности.

Джордж Адамс-младший, как и отец, стал автором ряда научных работ, пользовавшихся в свое время большой популярностью, в том числе «Очерков по астрономии и географии» (1789 г.) и двухтомных «Очерков о микроскопе» (1787 г.). В январе 1785 г. он стал членом клерикального Философского общества, основанного в 1780 г. [35]. Ассортимент выпускавшейся в мастерской продукции расширился за счет магнитов, электростатических машин, гидравлических и пневматических устройств. Дж.Адамс-младший умер довольно молодым, в возрасте 45 лет. После этого в течение почти года его жена Анна пыталась продолжать дела мастерской, но неудачно – через несколько месяцев ей пришлось продать имущество с аукциона.

Европейские параллели

Солнечные часы аугсбургского типа. На круглой базе с компасной коробкой укреплены на шарнирах шкала установки широт и часовое кольцо со складывающимся гномоном в виде стержня с волутой (наклон 60°). Часовая шкала III 3/4–XII–VIII 1/4 (нумерация от III до УШ) с делениями через 5 мин. Шкала установки широт $0-60^\circ$ с делениями через 1° и нумерацией через 10. Шкала компаса двухъярусная: на дне роза ветров на 8 румбов, на приподнятом кольце градусная шкала $0-90-0-90-(0)$ с делениями через 1° и нумерацией через 10. В дно врезаны 2 цилиндрических

уровня. База имеет 3 кронштейна с установочными винтами.

Солнечные часы работы И.С.Риппенхаузена. Универсальные горизонтальные часы позволяют определять время двумя способами: по тени гномона или как солнечно-магнитные часы. На прямоугольном основании на двух кронштейнах укреплена коробка для компаса, откидной треугольный гномон и размечена часовая шкала. Часы рассчитаны на широту 52° . Шкала $4-12-8$ с делениями через $1/4$ часа; в нижней части шкалы

автограф мастера. На верхнем кольце коробки для компаса размечен неполный лимб: от $60-0-60^\circ$ с делениями через 1° и нумерацией через 10, на другой стороне такая же шкала на 120 градусов без нумерации; на самом компасе нанесена разметка часовой шкалы $1-12-1-12$. Датируются второй половиной XVIII в.

Появление и распространение европейских часов в России

Во время двух заграничных путешествий Петр I активно посещал инструментальные мастерские и научные центры, интересовался работой, покупал инструменты.

Среди приобретений были солнечные часы работы признанных авторитетов европейского инструментального дела.

Важно, что, хотя другие члены Посольства имели возможность покупать для себя вещи, инструменты приобретались преимущест-

венно для царя. Если их покупали другие участники, то по его поручению. Из этого правила следует выделить три исключения. Целую коллекцию инструментов для себя приобрел Я.В.Брюс. Он учился в Англии математике и астрономии, получил обширные познания, стал признанным специалистом, руководителем картографических работ в России петровского времени. Интерес Петра I и Я.В.Брюса к географии, тесно связанной с астрономией, математикой и морским делом, вероятно, привел их в Оксфорд – ведущий научный и учебный центр в названных областях [1, с.70–74; 9, с.83]. Ф.А.Головин приобрел для себя карманные и столовые часы, из них одни были сделаны мастером И.Гарнолем, принявшим приглашение Петра I работать в России и ставшим одним из первых мастеров-инструментальщиков в России [2, с.16, 34]. Впоследствии он работал в Оружейной палате и ремонтировал часы в Московском Кремле. Не менее пяти различных часов приобрел во время Великого Посольства А.Д.Меншиков.

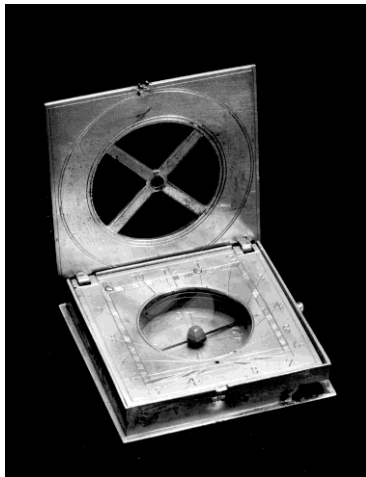
Не участвовавший в посольстве Г.И.Головкин писал царю: «Мне б в знак милости твоей и бытности во Британии получить лондонской работы зепные (т.е. карманные. – *Е.Л.*) часики». Этот факт справедливо трактуется как свидетельство перехода часов из сферы профессиональной деятельности и атрибута церковной и монастырской жизни в ежедневный быт знати; кроме того, свидетельствует о разборчивости. Постельничий царя хотел иметь не просто карманные часы, но самые точные [4, с.272].

Широко известно, что Петр I провел реформу календаря и времени. Последняя заключалась в том, что старомосковская система раздельного счета дневных и ночных часов от рассвета и от заката соответственно (первым часом дня был первый час после рассвета) была заменена привычным для нас сейчас порядком счета времени. Эта реформа отчасти была подготовлена предшествующим импортом механических часов, так как они требовали особой ежедневной регулировки в соответствии с русской системой измерения. Европейская система измерения времени претерпевала те же изменения: в большинстве средневековых монастырей вели раздельный счет дневных и ночных часов.

В целом до второй половины XVIII в. часы ввозились в Россию из Европы в единичных экземплярах, преимущественно это были солнечные часы. Внутри страны их изготавливалось еще меньше. Они были достоянием Академии наук, учебных заведений, императорского двора и аристократии. Затем ситуация существенно меняется, часы

Европейские параллели

начинают стремительно распространяться в дворянской среде: только с 1759 по 1762 гг. в Россию было ввезено около 500 карманных и стенных часов на сумму свыше 14 тысяч рублей. В это время часы импортировались в основном из Швейцарии и Франции [22, с.19]. С конца XVIII по первое десятилетие XIX вв. импорт часовой продукции в Россию увеличился еще на 50%. А уже в 1810 г. собственные часы мог иметь даже рядовой солдат [20].

Слева: горизонтальные солнечные часы. XVII в. Европа. Квадратная коробка с компасом в центре, вокруг которого шкала горизонтальных часов с нитяным гномоном для широты около 49°. Шкала 4–12–8 с делениями через 1/4 часа. Верхняя крышка прорезная; в сложенном виде часы используются как компас. На крышке две концентрические шкалы: градусная с делениями через 1° без нумерации и румбовая O–XII–O–XII.

любым углом. К ней крепился утраченный гномон. На одной стороне диска шкала 0–12–0–12 с делениями через 1/4 часа, и в центре с изображением лежащего ангела солнце, слева от ангела солнечные часы, справа городские постройки, рядом изображены растения; на другой стороне шкала 0–12–0–12, с делениями через 1/4 часа и шкала для определения фаз Луны с кольцевой шкалой с разметкой 1–29 (накладной диск с отверстиями отсутствует).

Справа: часы солнечные универсальные экваториальные (фрагмент). Первая половина XVII в., Европа. К часовому диску двумя шарнирами прикреплена дуга, которая может устанавливаться под

Быстрое распространение часов порождало взаимонепонимание между поколениями. Представительница старшего с возмущением писала:

«Я мать осмерых детей, из которых старшему тринадцать лет... Ах! В одно время слезы у меня показались на глазах, когда дочь моя с

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

невинным легкомыслием сказала, что ей надобно иметь золотые часы для того, что оные имеют все ее подруги.

Тогда я внутренно желала, что б сделан бы или государственный закон, запрещающий всем родителям давать дочерям своим прежде пятнадцатого их года денги для карт, кружево, блонды и другие богатые наряды, или что б все порядочные родители, согласясь между собою, сами подобный закон сделали... Мы исчерпываем удовольствие лучших их лет безрассудным нашим расточением. Часы золотые для девушки в старину были то же, что богатый жених, теперь они носят их в ребячьи лета» [17].

Формула «время – деньги» способствовала распространению инструментов измерения времени. Деловой человек Нового времени не должен был терять даром ни минуты своей жизни. Одной из важнейших ценностей капиталистического общества стало время [37]. Такие представления с большим трудом приживались в России. Еще на рубеже XIX–XX вв. русские путешественники отмечали в США быстрый темп жизни и привычку постоянно следить за часами как нечто чуждое родной культуре и некомфортное.

С конца XVIII в. начался еще один процесс, также связанный с распространением механических часов и уменьшением роли солнечных, – процесс перехода на привычное для нас сейчас условное среднее время. В течение целого столетия истинное астрономическое время, более или менее прочно вошедшее в быт работы государственных учреждений и придворный быт, замещалось усредненным. В Женеве оно было официально принято в 1780 г., в Лондоне в 1792 г., в Берлине в 1810 г., в Париже в 1816 г. Этот процесс увенчался подписанием представителями 26 стран в Вашингтоне международного соглашения 1894 г. о часовых поясах и поясном времени. Постепенно другие страны пришли к принятию этой системы счета времени. Россия перешла на этот стандарт вскоре после установления советской власти по декрету СНК 8 февраля 1918 г.

Так, на рубеже XIX–XX вв., солнечные часы утратили свое значение инструмента точного измерения времени. Причинами тому были распространение механических часов, переход на поясное время, развитие системы передачи сигналов времени (непосредственно связанное с развитием железных дорог и необходимостью координации работы станций).

Библиографический список

1. Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий. Сб. ст. М.; Л., 1947. С.70–74.
2. Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697–1798 гг. (его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сб.ст. М.; Л., 1947. С.3–62.
3. Горская А.А. Хранители времени. Солнечные часы в Собрании Муромского музея // Сообщения Муромского музея. 2017. Материалы отчетной конференции. Владимир, 2018. С.113–124.
4. Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. С.272.
5. Долгова С.Р. Кабинет Петра I – уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб.: Европейский дом, 2012. С.11–24.
6. Каталог находящимся при Императорской Кунсткамере математическим и прочим инструментам, после пожари оставшимся в третьем апартаменте под обсерваторию, расположенным с прибавочным по 1766 г. // Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / Хартанович М.Ф., Хартанович М.В. СПб., 2014. С.609–631.
7. Каталог. Б.д. // ПФ АРАН Ф.3. Оп.1. Д.2250.
8. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение, 1970. 165 с.
9. Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий (середина XVII – середина XVIII вв.) Л., 1974.
10. Котельников С.К., Бакмейстер И. Показанные в сем каталоге разные инструменты находятся все налице. Марта 1771 году // ПФ АРАН. Ф.3. Оп.1. Д.2219.
11. Майстров Л.Е. Приборы и инструменты исторического значения. М.: Наука, 1968. 160 с.
12. Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015. 303 с.
13. Мельникова О.Н. Из истории развития часового производства в России (XVIII – начало XX вв.): автореф... к.и.н. М., 2004.
14. Николов Н., Харалампиев В. Звездочеты древности. М.: Мир, 1991. 293 с.
15. Опись математическим, физическим и хирургическим инструментам, также моделям различного рода в круглом отделении третьего этажа Кунсткамеры находившимся, из коих некоторые принадлежали императору Петру Великому. б.д. // ПФ АРАН Ф.3. Оп.1. Д.2249.
16. Петербургское время. На рубеже тысячелетий. 300-летие введения Петром I нового летоисчисления в России. Каталог выставки. СПб., 2001.
17. Петров И. Часы. Исторический очерк. М., 1913.
18. Письмо одной матери о детских уборах // Санкт-Петербургский вестник. Ч.5. Январь–июнь. 1780. С.37–39.
19. Седов П.В. Изменения представлений о времени в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (по переписке монастырского стряпчего) // Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14. – 17. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. С.447–460.

ПЕРЕНОСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

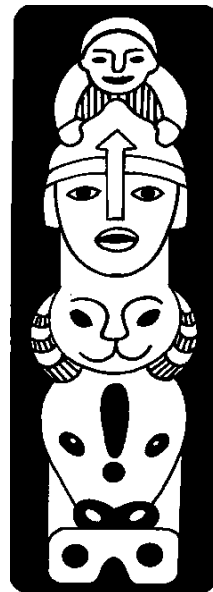
20. Следственное дело по обвинению солдата 2-го морского полка И.Чанизова в краже серебряных часов у рядового А.Демидова. 1810 г. // РГА ВМФ. Ф.148. Комиссия по разделу призов по эскадре вице-адмирала Д.Н.Сенявина. Оп.3. Д.248.
21. Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.
22. Фокина Т.А. Московская и Петербургская часовые фабрики // Сборник трудов Государственного Политехнического музея. М., 1989.
23. Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: ГИПП Урал. рабочий, 2005. 604 с.
24. Quadrant. London, 1753.
25. Adams G. The Description and the Use of the Universal Trigonometrical Octant, Invented and Applied to Hadley's.
26. Bion N. L'usage des Globes Célestes et Terrestres et des sphères suivant les différents systèmes du Monde. Amsterdam, 1700.
27. Bion N. Traité de la construction et des principaux usages des instrumens de mathématique. Paris, 1709.
28. Bion N. Matematische Instrumente. Leipzig, 1713.
29. Chandler B., Vincent C. A Sure Reckoning: Sundials of the 17th and 18th Centuries // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1967. №26 (4). P.154–169.
30. Daumas M. Les instruments scientifiques aux XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1953.
31. Gouk P. The Ivory Sundials of Nuremberg 1500/1700. Cambridge, 1988.
32. Hamburgensis N. „Navigare necesse est“ – Geschichte der Navigation. Begleitbuch zur Ausstellung in Hamburg und Nürnberg. Nordstadt, 2008.
33. Lloyd S.A. Ivory Diptych Sundials 1570–1750. Cambridge, 1992.
34. Lowood H.E. The Calculating Forester: Quantification, Camera Science, and the Emergence of Scientific Forestry Management in Germany // The Quantifying Spirit in the 18th Century. Berkley. Los Angeles. Oxford. 1990. P.322–323.
35. Millburn J.R. Adams of Fleet Street. Instrument Makers to King George III. Abingdon 2000. P.188–189.
36. Schechner S. European Pocket Sundials for Colonial Use in American Territories // How Scientific Instruments Have Changed Hands. Leiden; Boston, 2017.
37. Schechner S. The Material Culture of Astronomy in Daily Life: Sundials, Science and Social Change // Journal for the History of Astronomy. 2001. V.32. P.3. N.108. P.189–222.
38. Schewe R. Eine Nürnberger Klappsonnenuhr von Thomas Tucher. Die besonderen Materialwertigkeiten exotischer Werkstoffe // Deutsche Gesellschaft für Chronometrie. 2004. №43. S.153–167.
39. Zinner E. Deutsche und Niederländische astronomische Instrumente des 11. bis 18. Jahrhunderts. München: Beck, 1967. 679 S.

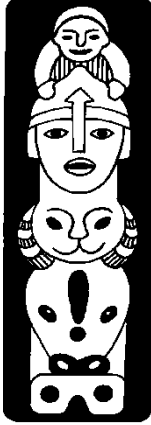
В наши времена уже очевидно, что те государи, которые мало заботились о благочестии и умели хитростью заморочить людям мозги, победили в конце концов тех, кто полагался на свою честность.

Никколо Макиавелли

Даже лишенный собственных мыслей
и собственной индивидуальности
человек в ту самую минуту, когда его
наделяют властью, приобретает
сущность и содержание.

Лион Фейхтвангер

Андрей Юрганов

**ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ
(1929 г.) КАК СКРЫТАЯ
АВТОБИОГРАФИЯ
СТАЛИНА**

УДК
929

В статье рассматривается юбилейная статья Ст.Кривцова, опубликованная в журнале «Под знаменем марксизма» и посвященная 50-летию И.В.Сталина (1929). В ней обнаруживается соучастие самого юбиляра в расставлении акцентов в собственной биографии вождя партии и главы государства, что делает статью Кривцова одновременно и скрытой автобиографией. Сталин умалчивает о болезненных фактах своих политических неудач и опережающе смотрит в будущее, в котором видит себя главным теоретиком страны, хотя в самом журнале «Под знаменем марксизма» никто о нем так еще не пишет. Главный аргумент Сталина – поворот к строительству социализма в одной отдельно взятой стране и необходимость оценивать «практику» нового строительства выше, чем догматический марксизм. Не теория определяет собой будущее, а «практика» социализма является критерием для теоретического фронта в СССР.

The article deals with the jubilee article by St.Krivtsov, published in the journal "Under the banner of Marxism" and dedicated to the 50th anniversary of Stalin (1929). It reveals the complicity of the jubilee writer himself in the arrangement of accents in his own biography of the party leader and the head of state, which makes the article by Krivtsov at the same time and a hidden autobiography. Stalin keeps silent about the painful facts of his political failures and looks ahead to the future, in which he sees himself as the main theorist of the country, although in the journal "Under the banner of Marxism" no one writes about him so yet. Stalin's main argument is the turn to the construction of socialism in one single country and the need to assess the "practice" of new construction higher than dogmatic Marxism. It is not theory that determines the future, but the "practice" of socialism that is the criterion for the theoretical front in the USSR.

Ключевые слова: диалектика марксизма; Сталин; философский фронт; тоталитаризм.

Key words: Marxism dialectics; Stalin; philosophical front; totalitarianism.

E-mail: iurganov@yandex.ru

В декабре 1929 года Сталину исполнилось 50 лет. В юбилейной статье Ст.Кривцова, опубликованной во 2–3 номере журнала «Под знаменем марксизма» (1930), неявно представлена своеобразная автобиография Сталина, написанная не им буквально, но в заготовке, в схеме, в предварительном плане – это вне всякого сомнения!

Кривцов писал так, как еще не было принято писать в философской литературе о Сталине. Не было еще традиции обращать внимание на то, что сказал Сталин нового в философии марксизма. А между тем: «Как Ленин явился лучшим учеником и продолжателем дела Маркса–Энгельса... так и Сталин является теперь лучшим учеником и продолжателем дела Ленина» [1, с.2]...

Процесс превращения администратора Сталина, руководителя партии и государства в единственного теоретика страны и классика марксизма начался в декабре 1929 года, когда Сталин выступил на съезде аграрников-марксистов с речью «К вопросам аграрной политики в СССР». В этой речи не было ничего особенного, кроме одного тезиса, на первый взгляд заурядного. Сталин сказал, что «теоретический фронт» отстает от «успехов практического строительства». Поскольку партия объявила новый этап – этап построения социализма в отдельной стране (вопреки прежней теории марксизма!), то никакой теории как программы уже нет, а то, что есть, в самом деле устарело.

Как определить значение генерального секретаря партии в новых условиях, если процесс его превращения в классика марксизма-ленинизма только-только начался?

Чтобы получить лавры единственного теоретика, нужно было расправиться с теми, кто еще оставался таковым в глазах советского общества. Каменев и Зиновьев к этому времени были уже сняты со всех постов и не представляли собой реальную силу. Самым серьезным соперником был Н.И.Бухарин. Поэтому с лета–осени 1929 года началась его травля как главного выразителя «правого уклона». Помимо Бухарина, в вопросах политической экономии социализма авторитетом считался Исаак Рубин [5]. Во всяком случае, журнал «Под знаменем марксизма» признавал за ним право диалектически рассуждать о перспективах будущего социализма. Наконец, и сам А.М.Деборин, находясь во главе философского фронта, претендовал на лавры единственно верного ученика Ленина в области диалектического материализма. Он только что одержал

выдающуюся победу над «механистами» – представителями естественного научного направления в марксизме [6].

Сталин не любил воевать со всеми сразу. Он методично выстраивал свою «игру» и действовал очень последовательно. Первый, и надолго главный, его враг – Николай Бухарин. Философы получили задание писать на тему «правого уклона», и деборинцы были даже рады тому, что в полку их врагов «прибыло»: это укрепляло их уверенность в окончательной победе.

Итак, теоретическая мысль «устарела» в сравнении с успехами социалистического строительства – в переводе на язык общественной суггестии это означало, что успехи партии так велики, что никакая теория не сравнима с достигнутыми «результатами». Вопрос тогда: что определяет истину марксизма – устаревшая теория или новаторская практика социализма? Администратор Сталин в глазах общества постепенно превращался в человека, который руководит партией на путях первопроходцев! Обнуляется вся прежняя теория: она ничего уже собой не определяет, зато символически окрашивается неизвестность нового и решающего шага при построении социализма.

Естественно, что в такой своеобразной автобиографии, нацеленной не на подведение итогов, а на качественно новое будущее, всплывают самые болезненные переживания Сталина, но они обнаруживаются не прямо, а косвенно. То, за что Кривцов хвалит Сталина – это за то, за что хотел бы похвалить себя Сталин, но в том-то и дело, что фактически не мог этого сделать. Всегда хотел быть теоретиком партии, но умом и образованием не вышел! Сталин прекрасно знал это и смертельно ненавидел тех, к кому природа была благосклоннее.

Троцкий хвастливо говорил о себе как о руководителе Октябрьского переворота, но при всех возможных преувеличениях это была правда. Сталин не мог о себе сказать такого, потому что странным образом пропустил главное событие в жизни революционера – саму революцию в виде вооруженного восстания. Роберт Слассер отмечал: «Что может быть более позорным для человека, претендовавшего на место в руководящей верхушке партии – и уже грезившего о том, чтобы стать ее единственным вождем, – чем упустить великий и неповторимый момент триумфа, момент взятия власти? Потребуется многие километры печатного текста, реки чернил – и крови, – пока Сталин наконец не успокоится, уверившись,

что его отсутствие среди тех, кто руководил революцией 1917 года, навсегда стерто из памяти людей» [2, с.276].

24 и 25 октября 1917 года Сталина не было в Смольном.

Роберт Слассер писал, что некоторые историки обходят молчанием этот факт, некоторые думают, что это была попытка сохранить силы партии на случай провала, сам же он пришел к мысли, что главные лидеры революции, Троцкий и Свердлов, просто «не захотели привлечь Сталина к участию в подготовке и осуществлению восстания». Этот аргумент представляется вполне убедительным: Сталина не было на заседании утром 24 октября 1917 г., потому что, как писал Слассер, Свердлов «не потрудился оповестить Сталина, кроме того, наведаться в партийный штаб ему помешала собственная безынициативность... Сталина, разумеется, никак нельзя было упрекнуть в недостатке ума, но порой он с трудом воспринимал новую для себя ситуацию... Наиболее успешно он добивался своих целей тогда, когда действовал осторожно, обдуманно и энергично в ситуации, досконально изученной им на основании прошлого опыта. Осуществление большевиками операции по захвату власти представляло собой уникальную, единичную акцию, не оставлявшую больших шансов на успех тем, кто, подобно Сталину, не умел схватывать все на лету, а напротив, готовясь к тем или иным событиям, нуждался в предварительным прикидах и примерках» [2, с.276].

Близкую характеристику деятельности Сталина в 1917 году дал американский историк Р.Такер.

«Бурная политическая деятельность Сталина в массах в 1917 г. не отвечала натуре Сталина, поэтому он ничем особенным не проявил себя как политический руководитель, как яркая личность. Не обладая ораторским талантом, он не спешил выступать на массовых митингах. Его статьи в большевистской прессе не обнаруживали публицистического дара. Но, что важнее всего, Сталин не проявил таких важных качеств выдающегося революционного вождя, действующего в кризисной и постоянно меняющейся ситуации, как умение быстро приспосабливаться к новой обстановке, теоретическое мышление, хорошее понимание настроений масс и умение на них правильно реагировать, решимость. Не удивительно, что в воспоминаниях многих большевиков Сталин не фигурировал в качестве одного из героев революционного периода. Не выступал он таковым в мемуарах и в исторической литературе первых послереволюционных лет» [3, с.126].

Однако в 1924 г. в партийных архивах был найден документ, который давал Сталину право утверждать, что он, в отличие от Троцкого, входил в некий партийный центр, руководивший революцией. Это был протокол расширенного заседания ЦК от 16 октября 1917 г., согласно которому был избран военно-революционный центр в составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий, Дзержинский. Сталин стремился доказать, что, в отличие от Троцкого, он руководил «практически всем восстанием».

Сталин утверждал, что если в документе нет Троцкого, то его и в революции не было!

Троцкий высмеял эту попытку генсека стать выше правды революции: «...по явному недосмотру сталинских историков – в "Правде" от 2 ноября 1927 года... напечатана точная выписка из протокола ЦК 16 (29) октября 1917 года. Вот что там сказано: "ЦК организует военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. *Этот Центр входит в состав революционного советского комитета*". Революционный Советский Комитет это и есть Военно-Революционный Комитет, созданный Петроградским советом. Никакого другого советского органа для руководства восстанием не было. Таким образом, пять товарищей, назначенных ЦК, должны были дополнительно войти в состав того самого Военно-Революционного Комитета, председателем которого состоял Троцкий. Ясно, что Троцкого незачем было вводить вторично в состав той организации, председателем которой он уже состоял» [4, с.26–27].

Если бы Кривцов самостоятельно писал статью о Сталине, он вряд ли бы пропустил публикацию газеты «Правда» от 2 ноября 1927 года. Он мог, основываясь на этой публикации, сказать о Сталине как руководителе вооруженного восстания – главного события века.

Но Кривцов *ничего не сказал* о роли Сталина в Октябрьской революции!

Он не мог сам решиться на такое. Это означало бы, что автор юбилейной статьи вместе с Троцким сомневается в том, что Сталин был руководителем вооруженного восстания в Петрограде. Очевидно, что Кривцову дали заготовку, и в ней Сталин сам распорядился не упоминать свое имя в связи с событиями Октябрьской революции.

Придуман был – ну явно не Кривцовым – следующий ход!

Точкой отсчета в биографии Сталина стал VI съезд партии РСДРП, проходивший в июле–августе 1917 года. Волей случая Сталину доверили

ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ (1929 г.) КАК СКРЫТАЯ АВТОБИОГРАФИЯ СТАЛИНА

прочитать политический отчет ЦК, который должен был огласить кто-то из главных вождей партии. Но Ленин и Зиновьев находились в подполье, а Троцкий и Каменев были арестованы. Съездом руководили два человека, ненавидевшие друг друга – Сталин и Свердлов.

В статье Кривцова утверждалось, что именно в августе 1917 г. возникла «генеральная линия» партии и, как верный ученик Ленина, Сталин исполнил роль стратега, предсказав развитие дальнейших событий.

Сталин в эти решающие дни русской революции не потерял перспективы движения, а отсюда и грядущего удара, надо было подготовиться к нему, чтобы затем, перегруппировав силы, нанести его противнику. Но в данный момент, в июле–августе, речь шла о стратегической подготовке. Тем самым уже в августе силы революции были так сгруппированы, что именно нашими большевистскими силами было отражено выступление – контрреволюционный бунт Корнилова (а за его спиной по существу Керенского), этому же руководству партия обязана тем, что с конца августа завоевываються большевиками главнейшие советы и тем ставится на очередь вопрос о захвате власти новыми – уже большевистскими – советами. Тем самым оправдывается линия на завоевание советов, которая была выдвинута взамен устарелого лозунга «вся власть советам», под которым прошли июльские дни. Работа Сталина в этот период отвечает указанному выше первому основному требованию стратегического руководства борьбой пролетариата – о сосредоточении главных сил в решающий момент в наиболее уязвимом для противника месте, что возможно при наличии правильной перспективы, вытекающей из знаний направления главного удара.

Таким образом, мы видим, что Сталин усвоил основные требования ленинского стратегического руководства [1, с.5].

Две главные идеи лежат в основе этого юбилейного очерка. Одна – доказать, что Сталин не только практик, но и стратег, теоретик партии, предсказавший путь революции – и другая, не менее важная идея – доказать, что именно Сталин был и остается «лучшим учеником Ленина». Последнее было весьма существенно в его далеко идущих планах, – ведь он хотел объявить себя не просто лучшим учеником, но и наследником Ленина. Как в теории, так и в практике социалистического строительства.

Если говорить от лица исторической науки, то она не подтверждает эту близость Ленина и Сталина.

Роберт Такер отмечал:

«...в сталинской литературе утверждалось, что в 1917 г. он работал в полной гармонии с Лениным. Факты, однако, не подкрепляют этот тезис. Помимо разногласий в начале апреля, из революционного периода известны еще два случая, когда Сталин расходился с Лениным по вопросам, которые последний считал исключительно важными. Первый эпизод имел место накануне октябрьских событий, когда Каменев и Зиновьев, нарушив партийную дисциплину, раскрыли в газете "Новая жизнь" план восстания. В письмах в Центральный Комитет от 18 и 19 октября Ленин осудил их за "штрейкбрехерство" и потребовал исключения из партии. Однако некоторые члены ЦК посчитали, что принимать столь крутые меры не стоит. При обсуждении этого вопроса 20 октября на заседании ЦК, на котором присутствовали восемь членов, Свердлов, доказывая неправомочность Центрального Комитета исключать из партии, высказался за то, чтобы ограничиться принятием заявления Каменева о выходе из ЦК. Сталин, в этот день по собственному почину опубликовавший в партийной газете письмо Зиновьева с ответами на обвинения Ленина и сопроводивший письмо редакционной заметкой (в которой писал, что "вопрос можно считать исчерпанным"), вначале предложил ничего не предпринимать по данному делу до предстоящего пленума ЦК. Когда же это предложение не прошло, Сталин, утверждая, что Зиновьев и Каменев подчинятся решениям Центрального Комитета, высказался против их исключения из партии и вывода из ЦК...» [3, с.125–126].

Следующая точка в построении биографии «лучшего ученика» Ленина – 1923 год, когда весь партийный аппарат оказался в цепких руках генерального секретаря ЦК. Наконец, на XIV съезде (1925) он смещает Зиновьева и сам зачитывает политический отчет ЦК.

Эта схема, хорошо продуманная, исключала вопрос, где был Сталин во время событий Октябрьской революции. Да это уже не важно: стратегический план он составил вместе с Лениным. Полководцу, пусть и не главному, не обязательно быть на поле сражения. Кривцов так и писал – «...надо было отступать, не потеряв армии» – и стратег в лице Сталина оказался на своем месте! Более того, – «Сталин шел рядом с Лениным. Вслед за Лениным он уже в июльские дни указал на то, что момент для восстания не подходящ». Значит, события Октября 1917 года, в которых

ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ (1929 г.) КАК СКРЫТАЯ АВТОБИОГРАФИЯ СТАЛИНА

он не стал символом революции, были частью более раннего стратегического расчета Ленина и Сталина.

Такими казуистическими комментариями Кривцова Сталин хотел доказать, что именно он был во главе Революции, а не Троцкий.

Вот как этот сталинский сценарий воплотился в словах Кривцова – буквально:

Возьмем сначала момент участия Сталина как сотрудника Ленина по проведению и наметке ленинской генеральной линии партии, после июльских дней 1917 г., затем XII съезд (1923 г.), первый съезд партии без Ленина, XIV съезд – постановка задачи реконструкции – и, наконец, наше время – политика ликвидации кулачества как класса [1, с.4].

XII съезд партии проходил без Ленина, но Ленин оставался главой партии. Пропуск XIII съезда объясним тем, что в нем Г.Е.Зиновьев зачитывал политический отчет ЦК партии – и фактически он в тот момент воспринимался как главный теоретик партии. Сталин был союзником Зиновьева в борьбе с Троцким.

Но всех этих кульбитов хронологии все равно было недостаточно. То, что Сталин не теоретик – слишком хорошо известно, и требовалась какая-то новая точка отсчета в объяснении того, что есть «теоретик» партии в новых условиях.

Сталин никогда не забывал свою реплику на VI съезде партии – и Кривцов сделал ее эпиграфом статьи: «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Когда обсуждался проект резолюции о перспективах революции на VI съезде партии, Преображенский предложил формулу о революции сначала на Западе, а потом – в России, что отвечало марксистской теории о мировой революции: она вспыхнет там, где капитализм в наибольшей степени «созрел» для этого перехода. Сталин тогда сказал: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия, и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти

действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитализма. Надо оттолкнуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» [3, с.124].

Р.Такер сделал такой вывод: «Это примечательное заявление, заслуживающее в силу своей спонтанности тем большего внимания, на какой-то короткий момент приоткрыло завесу над лежащим в его основе русоцентризмом Сталина. В обмене мнениями проступали контуры будущей дискуссии в партии относительно возможности построения социализма в Советской России без революции в Европе, а в сталинском "творческом марксизме" 1917 г. уже содержалась в зародыше идея построения социализма в одной, отдельно взятой стране» [3, с.124].

Сталин мог возражать своим оппонентам из числа признанных теоретиков только одним аргументом: теория не догма и проверяется «практикой». Значит, «практик» сродни теоретику и даже лучше его, если нужно вести за собой партию и весь народ *по неизведанной дороге*, когда нет никаких теоретических указаний. Строительство социализма в одной стране – вопреки мнению «догматического» марксизма – можно осуществить только *творчески*, и никак иначе.

В статье Кривцова излагалась не столько прежняя деятельность Сталина, сколько закладывалась проекция будущего – чего, конечно, не мог знать Кривцов, ибо план будущего излагался так, что только Сталин до конца осознавал, как некоторые рассуждения Кривцова станут жизненной реальностью.

За подписью второразрядного публициста-философа появляется текст, в котором утверждается, что теория марксизма и практика социалистического строительства должны составить «диалектическое единство». Едва ли Кривцов догадывался, о чем идет речь. Для него, как и для многих, не было вопроса, кто глава философского фронта – конечно, им является Деборин! Однако суть сказанного между строк указывает на то, что это место скоро станет вакантным.

Вот как Сталин – при помощи Кривцова – объяснял свое собственное будущее: «Только троцкизм мог додуматься до лозунга: да здравствует марксизм в теории, ленинизм в практике. Практика и теория должны быть едины, иначе слабость вождей только практиков и вождей только теоретиков» [1, с.6].

Но что делать с укоренившимся мнением, что Сталин – только практик, а не теоретик?

Выход был найден: Сталин спорит с Бухариным не как теоретик с теоретиком – а как практик невиданной доселе эпохи строительства социализма в одной стране, с теоретиком, не понимающим новизны задач социалистического строительства: «Сталин сам говорит о том, что *он за творческий марксизм, против марксизма догматического* (курсив мой. – А.Ю.), а марксизм творческий, не догматический, был в те дни марксизм Ленина, верным последователем которого был и есть Сталин» [1, с.8].

Сталин выводил себя из круга традиционных представлений о теоретике марксизма («догматического»), чтобы показать себя в пространстве никем не освоенном, – в пространстве творчества и самостоятельности. Он не отрицал, что Бухарин и Преображенский – видные теоретики, даже «общепризнанные». И называет это мнение «бесспорной истиной». Но дальше в статье следует выпад против мнения о Сталине как о практике – явно продуманный не Кривцовым: «...надо пересмотреть эту глупую посылку, пущенную к тому же "неудачливыми претендентами на звание теоретиков", что Сталин только практик. Нет, Сталин **теоретик марксизма-ленинизма**, и только это его качество, в соединении с его практикой и дало ему возможность вслед за Лениным и вместе с ним (вспомним, когда это происходило) дать стратегический план российской пролетарской революции» [1, с.9].

Почему не мог написать такое сам Кривцов, без указания сверху? По одной причине – никто в журнале «Под знаменем марксизма» не называл Сталина «теоретиком марксизма-ленинизма», – это пока лишь перспектива, а не факт самосознания философской общественности.

Чтобы не было сомнений в том, что главный теоретик в партии он, и никто другой, по-сталински жестко говорится о «неудачливых» претендентах на это звание: они «не марксисты» в том понимании, какое должно в ближайшем будущем стать актуальным, они «не марксисты», потому что в будущем уже нет места «догматическому марксизму» – отжившему свое время:

Теперь после опыта ряда оппозиций мы все знаем слабость, немарксистскую установку основных методологических посылок Бухарина и Преображенского, но ведь именно Сталин еще в 1917 г. показал, что они

не марксисты, так как догматический марксизм уже не является марксизмом, а начетничеством [1, с.9].

В подписанной Кривцовым статье о Сталине имеется уже очевидное (но пока еще не приметное) противопоставление того, чем славит себя Сталин, тому, что культивирует Деборин. Никому еще из победителей-философов не приходит в голову, что не-философ Сталин, практик социалистического строительства, вдруг захочет быть и главным мыслителем страны Советов! Вот поэтому и неприметно то, что «ортодоксальному» марксизму Деборина уже противостоит марксизм «творческий». Упоенные своей «победой» над механистами, деборинцы не готовы встретиться с самым опасным хищником в долине зла, где они хотели бы жить по своим правилам.

Они не заметили даже первых признаков начавшейся охоты...

Сталин приоткрыл свою тактику борьбы с врагами, но под видом «стратегии», которой следует восхищаться. Если же переводить смысл сказанного с языка юбилейной статьи на язык политической борьбы того времени, то Сталин (под камуфляжем другого автора) рассказал довольно откровенно о себе – о своей личной «стратегии» в тактике борьбы с личными врагами: «Цель такой стратегии, – писал Кривцов, – выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление» [1, с.4].

Стремясь обрушить цитатный марксизм, Сталин устами Кривцова дает понять, что диалектика в творческом модусе выше любой теории в модусе догматизма. Иначе говоря, ценностью обладает не марксизм как таковой, а диалектическая «логика» при осмыслении живых противоречий и нового синтеза.

В этом ключе и ставился Сталиным (на съезде аграрников в декабре 1929 г.) вопрос об отставании теоретической мысли от практики социалистического строительства. Если «теоретики» отстали от жизни и новой политики партии, то откуда они должны черпать энергию для нового осмысления действительности? Правильно – из политики партии, которую осуществляет товарищ Сталин. Значит, не просто теория, а вся марксистская теория, книжная, высоколобая, которую Сталин не любил, *должна теперь* зависеть от непредсказуемого источника *движения смысла* – от того, как подумает товарищ Сталин. Мыслительный про-

ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ (1929 г.) КАК СКРЫТАЯ АВТОБИОГРАФИЯ СТАЛИНА

цесс, создающий диалектику нового качества, известен только товарищу Сталину. Гадай – не гадай, а не угадаешь, что правильно, а что – нет.

Ибо это тайна.

Итоговое резюме Кривцова составлено в духе продуманной сталинской программы действий. Это еще *не вполне* реальность общественного сознания, но уже явная *предпосылка трансформации* сознания людей в необходимую сторону.

Резюмируем: Сталин действительно является теоретиком творческого марксизма наших дней. Именно он дал нам ту перспективу развития нашей революции, которая и осуществилась у нас, а против него выступали общепризнанные теоретики, как Бухарин и Преображенский (VI съезд). Именно он дал нам глубокое учение о «революции самой по себе социалистической», что дало теоретический базис нашему строительству социализма в нашей стране, исходя из наших собственных ресурсов (споры против таких общепризнанных теоретиков, как Троцкий, Преображенский, позже Зиновьев, Каменев, Сокольников). Именно он дал нам новую постановку вопроса о них, о классах, о темпах строительства социализма, о смычке, о политике партии (а ведь против него выступал такой общепризнанный теоретик, как Бухарин). Мы видим таким образом, что вождем, идеологом современного марксизма-ленинизма является по праву Сталин, а это делает его и практически вождем партии, строящей социализм, – ВКП(б), это же делает его и практическим вождем мировой партии социалистической революции – Коммунистического Интернационала. И это проистекает от того, что в Сталине счастливо сочетаются и теоретик, и практик [1, с.16].

Библиографический список

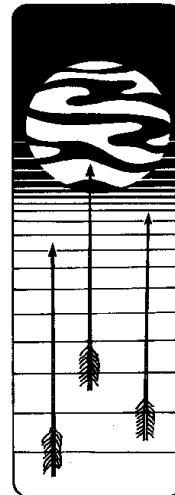
1. Кривцов Ст. И.В.Сталин (К 50-летию со дня рождения) // Под знаменем марксизма. 1930. №2–3. С.1–17.
2. Слассер Р. Сталин в 1917 году. М.: «Прогресс», 1989. 320 с.
3. Такер Р. Сталин. История и личность. Перевод с английского. М.: Издательство «Весь мир», 2006. 864 с.
4. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификации. М.: «Наука», 1990. 339 с.
5. Широкоград Л.Д. Политико-идеологический контекст теоретической деятельности И.И.Рубина // Вестник СПбГУ. Сер.5. 2016. Вып.2. С.106–118.
6. Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30 годы). NewYork: Chalidze Publications, 1981. 297 с.

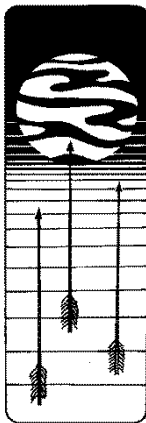
Я не хочу обносить стенами свой дом
или заколачивать свои окна. Я хочу,
чтобы дух культуры различных стран
как можно свободнее веял повсюду: не
надо лишь, чтобы он сбил меня с ног.

Рабиндранат Тагор

Культура – это накопленный опыт
человечества в упорядоченной форме.

Александр Ахиезер

Андрей Каравашкин

**ТРИ ПОКАЯНИЯ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ТИПЫ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
821.161.1

Статья посвящена культурно-историческим типам допетровской Руси. Автор рассматривает их на примере трех покаяний, отразившихся в древнерусской литературе. Князь Игорь, герой летописных повестей и «Слова о полку Игореве», кается как представитель всего княжеского рода. Иван Грозный – как государь, глава дома и семьи. Протопоп Аввакум – как суверенная личность в своем непосредственном предстоении Богу, уже за себя лично, сознавая свою индивидуальную ответственность. Таким образом, мы имеем дело с тремя разными культурами, тремя смыслоположениями и жизненными мирами, которые в русской истории сменяли друг друга: 1) Древняя Русь; 2) Средневековая Русь; 3) Россия раннего Нового времени. В статье переосмыслена теория культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского. По мнению автора, культурно-исторические типы служат не только различению цивилизаций и оказавшихся в их орбите народов, но и внутренней периодизации каждой отдельной культуры. Внутри одной культуры на самом деле могут обнаружиться свои культурно-исторические типы, а по сути – разные культуры.

The article is devoted to the cultural-historical types of pre-Petrine Russia. The author considers them as an example of three confessions, reflected in ancient Russian literature. Prince Igor, the hero of the annalistic tales and “The Tale of Igor's Campaign”, repents as a representative of the entire princely family. Ivan the Terrible – as a sovereign, the head of the house and family. Protopop Avvakum – as a sovereign person in his direct approach to God, now speaking for himself personally, recognizing his individual responsibility. Thus, we are studying three different cultures, three meanings and life-worlds, which replaced each other in Russian history: 1) Ancient Russia; 2) Medieval Russia; 3) Russia of early Modern age. The article reinterprets the theory of cultural-historical types of N.Danilevsky. According to the author, the cultural-historical types serve not only to distinguish between civilizations and the peoples that are in their orbit, but also to define the internal periodization of each specific culture. Inside each culture its own cultural-historical types may reveal, and even different cultures.

Ключевые слова: культурно-исторические типы; Древняя Русь; Средневековье; Россия Нового времени; цивилизация; жизненный мир; покаяние; род; дом; семья; личность.

Key words: cultural-historical types; Ancient Russia; Middle Ages; Russia of Modern age; civilization; life-world; confession; kindred; home; family; personality.

E-mail: karavash2008@yandex.ru

Исследование культуры допетровской Руси может развиваться в двух направлениях. Эту культуру можно рассматривать в статике, в единстве ее неизменных признаков. И тогда она будет казаться неподвижной, неделимой. Но ее можно изучать и в диахронии, в движении. Ее динамику, процесс смены эпох внутри этой культуры исследователи-медиевисты представляют себе по-разному. То в виде смены больших «стилей» [25], то как череду мировоззренческих стадий и литературных формаций [40]. К этому стоит добавить опыт литературоведческой периодизации, которая основана на выявлении трех больших эпох в истории допетровской литературной культуры, трех типов литературного творчества (архаика, традиционализм, новаторство) [12, с.11–12].

Смеем предположить, что помимо формаций и периодов существует такая разновидность общности, целостность элементов, ее составляющих, которая и создает на отрезке истории достаточно ясно обозначенную цивилизацию. Каждая характеризуется своим набором особенностей. В этом смысле то, что мы называем историей России или историей русской культуры, совершенно ясно делится на несходные, хотя и сохраняющие преемственность, культурно-исторические типы. И таким образом внутри одной неделимой, казалось бы, культуры мы обнаруживаем разные культуры, разные культурно-исторические типы, разные цивилизации.

Сам термин взят нами у создателя теории культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского, автора знаменитой работы «Россия и Европа». Географ и биолог по роду занятий, Данилевский, взамен географического выдвинул детерминизм культурный. Если самым простым, примитивным даже, способом объяснять его теорию, то вырисовывается следующая картина. Зачастую народы и племена принадлежат к тому или иному культурно-историческому типу. Народов много, а типы исчислимы. Они втягивают в свою орбиту разные этносы. В ядре культурно-исторические типы настолько своеобразны, что это, например, предопределяет относительную изолированность Китая и враждебность по отношению друг к другу России и Европы (под Европой Данилевский понимал то, что мы сейчас называем Западом [10, с.40–43]). Данилевский выдвинул новаторскую для своего времени концепцию, которая позволила вывести на первый план не этнический или чисто языковой принцип дифференциации людей, но принцип комплексный. Для существования культурно-исторического типа нужны языковая общность, политическая независимость, относительная обособленность (какой-то

один народ вырабатывает культурно-исторический тип для себя и не смешивается с другими культурно-историческими типами), этнографическое разнообразие, свободный рост и мощный расцвет, приводящий в итоге культурно-исторический тип к упадку. Цивилизация в этой системе взглядов играла уже роль материальной надстройки над культурной спецификой. Это наиболее бурное всестороннее развитие культурно-исторического типа, своеобразное производство ценностей и культурных благ, порожденных тем или иным типом. Самым важным разделом книги Данилевского, отдававшего немалую дань в своем труде публицистике и актуальной политике, стала глава пятая «Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения или развития» [10, с.77–95]¹.

Но сегодня ясно, что это учение просто не включало в себя (ни под каким видом) серьезно обоснованный исторический подход. Конечно, культурно-исторические типы не замерли у Данилевского в неподвижном состоянии. Впрочем, их развитие он представлял в духе позитивистского натурализма. Он просто считал, что культурно-исторические типы изменяются, как изменяется живой организм, проходящий все стадии от молодости до старости и умирания: «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу» [10, с.78]. По Данилевскому, подготовительный (этнографический или бессознательный) период культурно-исторического типа длится очень долго (несколько тысяч лет), а период расцвета (период цивилизации, когда духовные потенции представителей типа достигают высшей точки в практическом осуществлении) исчисляется несколькими столетиями: «Если период цивилизации бывает относительно так краток, то зато предшествующее ему время – и особенно древний, или этнографический, период, начинающийся с самого момента выделения культурно-исторического племени от родственных с ним племен, – бывает чрезвычайно длинным» [10, с.90].

Русский мыслитель представлял себе историю в качестве ротации культурно-исторических типов (их он насчитал около десяти [10, с.74]), которые из неактивной фазы переходят в активную на пике своего рос-

¹ Суть этой концепции недавно изложил в своей монографии историк философии, арабист, исследователь культуры А.В.Смирнов [35, с.140–143].

та. Таким образом, абстракции «общечеловеческого» Данилевский противопоставил конкретность культурно-исторического типа. В этом и заключалось преимущество его концепции. Значение Данилевского в открытии самой идеи культурно-исторического типа и особенностей его оформления. Говоря о России, мыслитель не случайно, видимо, не выделил ее в особый тип, не обозначил он и славянский тип как вполне состоявшийся [35, с.143], хотя в его книге есть отдельная глава, этой проблеме посвященная. Сама его книга была попыткой подсказать России ее будущее перед лицом возможного одряхления западной цивилизации и тупика западного культурно-исторического пути.

Тем не менее Данилевский недооценил возможности отдельных цивилизаций к самообновлению. Внешне неделимый культурно-исторический тип на самом деле успевает трансформироваться до неузнаваемости и в течение своей жизни меняется неоднократно и самым радикальным образом. Он умирает, перерождаясь, и на смену ему приходит другой. В этом отношении показательна динамика цивилизационного развития Китая, которому Данилевский во второй половине XIX в. рано приписал «апатию самодовольства» и упадок [10, с.90].

Приходится мириться с тем, что не может быть Индии или Китая *вообще*, Запада *вообще*, православной восточнославянской цивилизации *вообще*. Они менялись во времени. На каждом этапе своего бытия были разными. Например, человек XI в. мог крестить кости язычников Ярополка и Олега, считая это допустимым, поскольку нельзя было себе представить, что одни члены княжеского рода спасутся, а другие нет [2, с.102–106]. Для человека XVI в. это было возможно уже с величайшими оговорками со ссылкой на недостоверную легенду о крещении костей философа Платона, которого якобы посмертно приобщили к христианству за отказ считать богом Аполлона и за пророчество о воплощении Христа от девы [34, с.10; 41, с.103]. Хотя сам факт заочного приведения «поганных» и «невегласов» к вере и спасению имел заметный оттенок скандальности. В XIX в. такое объяснение было уже невозможно в принципе и относилось исключительно к области средневековых апокрифов. И все это, казалось бы, одна и та же православная цивилизация, одна русская культура.

Итак, обособленные миры (мир китайской цивилизации, мир западной цивилизации, мир восточнославянской цивилизации и др.) менялись настолько существенно, что сами вырабатывали периодически новые культурно-исторические типы. А дело историка культуры эти типы обнаружить и обрисовать их специфику.

На примере отношения к покаянной практике в литературе мы рассмотрим далее три культурно-исторических типа, которые сменяли друг друга в допетровское время. Наиболее важным будет тут субъект покаяния. Он существенно преображался в зависимости от культурно-исторического момента, представляя совершенно уникальным образом себя, свое место в мире, свою среду и свою ответственность перед Богом. Для нас тут не так существенно, пишем ли мы о кающемся авторе или о литературном герое, изображенном в момент раздумья о грехах. В любом случае перед нами концепция покаяния, ее контекст, представленный на страницах источника.

**«В то же лето Богъ вложи...
в сердце княземъ русскимъ»**

Сначала речь пойдет о древнерусском народе, восточных славянах, состоявших в свою очередь из разных племен, со временем обретших государственность, общий литера-

турный язык, общую культуру, но лишь в той мере, в какой существовали у верхушки этого многосоставного этноса общие представления о единстве княжеского рода и Русской земле как таковой. Элита славяно-русичей в лице проповедников и летописцев рано приступила к осмыслению своего исторического прошлого и места в мировой истории. К XII веку единство Киевской Руси было уже относительным, поскольку существовало множество княжеств, каждое из которых внесло что-то новое в общую копилку древнерусской домонгольской культуры. Но главное оставалось. Сохранялось представление о единой Русской земле (пусть и номинальное) и о княжеском единстве (пусть тоже относительном и номинальном). Память о единстве жила постоянно. Еще в самом начале XII в. игумен Даниил ставит в часовне Гроба Господня лампаду от всей Русской земли. В поминание игумен также вносит имена князей (есть в списке и Владимир Мономах) и молится о них в первую очередь: «Первее поклонялся есмь за князей за всех, и потомъ о своих гресех помолился есмь. И о сем похвалю благаго Бога, яко сподоби мя худаго имена князей русских написати в лавре у Святаго Савы; и ныне поминаются имена их во октении, с женами и с детьми их. Се же имена их: Михаил Святополкъ, Василие Владимиръ, Давидъ Святославич, Михаилъ Олегъ, Панькратие Святославич, Глебъ Менский» [4, с.116]².

² Здесь и далее буква «Ѣ» в цитатах заменяется на «е».

Молитва за Русскую землю неизменно предполагает память обо всех князьях как о едином роде. Это ярко демонстрирует и комплекс произведений, посвященных походу и пленению князя Игоря Святославича в 1185 г.

Неудача похода осмыслена не только в модусе вины отдельного человека (Игоря как руководителя гибельного действия), но и с точки зрения множества участников и свидетелей события. Поэтому Божья кара, покаяние князя (реальное или предполагаемое), возвращение из плена – это все части единой истории княжеского рода, а также истории всей Руси. Кроме того, в памятниках, посвященных поражению Ольговичей, заметно сочетание двух планов действия – своей и чужой земли, пространства спасительного и пространства гибельного, *своих* и *чужих*. Д.С.Лихачев по этому поводу замечал: «Если для нового времени с его личностным сознанием пленение – это прежде всего потеря личной свободы, то для раннеколлективистского сознания XI–XIII вв. пленение – это прежде всего разлука и одновременно потеря родины, увод в плен с общей родной земли. Пространство находится в общем владении. Поэтому поражение – потеря пространства, связанная с разлукой, а победа – обретение пространства, связанное с единением. Отсюда ясно, что призыв автора "Слова" к единению князей особенно выразительно для своего времени сочетается с призывом к походу на половцев, к победе над ними» [24, с.52].

Рассмотрим две повести из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. А потом скажем о специфике концепции «Слова о полку Игореве», которое было посвящено тому же кругу событий, что и летописные сообщения.

Лаврентьевская летопись, донесшая владимирское летописание XII в., с явным сочувствием отнеслась к Владимиру Глебовичу Переяславскому, который выступает главным положительным героем летописного рассказа. Сначала во время совместного похода русских князей во главе со Святославом Киевским Владимир Глебович, находясь в сторожевом полку, побеждает врагов, и ему произносится похвала. При этом Владимир Глебович не присваивает всю славу только себе: он действует и от имени других князей, в то время как Ольговичи изображены с явным осуждением. Князь говорит: «Съ день, иже створи Господь, възрадуемъ и възвеселимъ в онь, яко Господь избавил ны есть от врагъ наших и покори врагы наша под нозе наши...» [4, с.248]. Затем в результате поражения Игоря, когда войска, собранные для отпора половцам, отступили, Владимир Глебович одиноко и героиче-

ски защищает свой город Переяславль. Князь тяжело ранен: «И видевше горожане изнамогающа своих и выринушася из города и бишася, одва изотяша князя, боденаго тремя копыи» [4, с.252].

Для Ольговичей характерен индивидуализм, они противопоставили себя остальным, хотят славы только для себя, их прельщает легкая добыча. Они мечтают об окончательном разгроме половцев, о небывалом военном успехе, которого никогда не видели на Руси (и все это сделают они, Ольговичи, в досаду остальным князьям). Ведь Святослав Киевский и Владимир не смели заходить на землю половцев. Ольговичи готовы превзойти своих родичей: «А мы в земли их (половцев. – А.К.) есмы, и самехъ избили, а жены их полонены, и дети у насъ» [4, с.250]. Поражение Ольговичей, последовавшее за похвальбой, трактуется в духе распространенной в древнерусской книжности конвенциональной модели «казней Божиих»: «Бог бо казнить рабы своя <...> различными казнями...» [4, с.252].

Но Игорь занимает в этом повествовании особое место. О его возвращении из плена сообщается с помощью ретроспективной исторической аналогии. Половцы напрасно пытались догнать князя: «И по малых днехъ ускочи Игорь князь у половець – не оставит бо Господь праведнаго в руку грешничу: очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ!» [4, с.252]. Игорю одному удалось уйти. Его любит Господь. А остальных держат под стражей, угрожая им цепями и муками. К тому же автор замечает: «Гониша бо по нем и не обретоша, якоже и Сауль гони Давыда, но Богъ избави и, тако и сего Богъ избави из руку поганыхъ» [4, с.252]. Все это дает основания полагать, что имплицитно фигура Игоря отделена от остальных князей. По крайней мере, используя язык книжных формул, автор говорит о богобоязненности Игоря и его молитвах. О нем сказано как о праведнике (не содержится ли в этом намек на его покаяние?) Впрочем, летописец об этом умалчивает. Видно только, что Игорь заслужил не столь суровый приговор, как остальные Ольговичи.

Особо хотелось бы сказать о том, как повесть из Лаврентьевской летописи изображает общее горе в связи с поражением неразумных Ольговичей: «Князем же всем слышавше таку погыбель о братье своей и до боярь, возпиша вси, и бысть плачь и стенанье: оведемъ бо братья избита и изымана, а другимъ отци и ближикы» [4, с.250]. В этом фрагменте на первом месте именно родственные связи. Гибель войска Игоря и войска его соратников (Всеволода, Святослава) не вызывает злорадства. Напротив, вся земля охвачена скорбью.

Повесть о походе Игоря из Ипатьевской летописи (пространная, богатая сюжетными поворотами, велеречивая) словно раскрывает перед нами утаенную Лаврентьевской летописью правду о деяниях новгород-северского князя. Во-первых, повесть эта намного подробнее, содержит диалоги, пространные риторически организованные высказывания, помещает на одну из главных ступеней в системе образов Святослава Всеволодовича Киевского [36, с.95, 100]. Во-вторых, она в полной мере воздаёт должное христианским добродетелям Игоря [36, с.97]. С этой точки зрения он на всех этапах повествования изображен как образцовый князь-христианин³. Он представлен в момент, когда над головами воинов появилось солнечное знамение, и не собирается интерпретировать его, гадать накануне битвы. Князь считает, что нужно дождаться, когда знак высшей воли исполнится: «А намъ что створить Богъ или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити» [4, с.236]. Игорь осторожен перед второй битвой, словно уже предчувствует недоброе. Но речь его сдержанна: «Да не дивно есть разумеючи, братья, умрети» [4, с.238]. Он весьма красноречив в плену, потому что свое поражение толкует как наказание за страшный грех. И ему вследствие всего этого дана радость возвращения из плена. Безусловно, Игорь предстает на страницах Ипатьевской летописи положительным героем. Его покаянная речь-молитва может рассматриваться как одна из вершин риторической культуры XII в. [28, с.325–336]. Но как бы ни была важна судьба Игоря, летописца интересует вся Русская земля. После получения известия о поражении Игоря Святослав Киевский произносит речь близкую по духу обращению киевского князя к правителям Русской земли из «Слова о полку Игореве»: «О, любя моя братья, и сынове и муже земле Руское! Дал ми Богъ притомити поганья, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю» [4, с.242]. Как упрекал Святослав Игоря, так он теперь оплакивает его. Вестники принесли горестную новость в города посемские. И вот реакция: «То бо слышавше, возмятошася городи посемьские, и бысть скорбь и туга люта...» [4, с.242]. Изображены в повести и совместные действия князей против половцев.

³ Исследователь литературных памятников о походе 1185 г. Б.И.Яценко придерживался иной точки зрения. По его мнению, составитель ипатьевской повести намеренно подчеркнул, что Игорь вышел в поход 23 апреля, в день Георгия Победоносца. Таким образом, оказалось, что святой отвернулся от Ольговичей. В момент солнечного затмения Игорь пренебрег молитвой. Во всем этом исследователь видит скрытое неодобрение Ольговичей [52, с.40]. Нам эта позиция представляется все-таки надуманной.

Наконец, в Ипатьевской летописи довольно подробно показано возвращение Игоря из плена. Тут скорбь сменилась ликованием, многие на Руси восприняли бегство новгород-северского князя как радостную весть: «Се же избавление створи Господь в пятокъ в вечере. И иде пешь 11 день до города Донця, и оттоле иде во свой Новьгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ему и помощь ему ... обеща. Игорь же оттоле еха ко Киеву, к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, такъже и Рюрикъ, свать его» [4, с.246].

Съезд князей по призыву Святослава Всеволодовича Киевского в связи с получением известия о гибели Игорева полка. Радзивилловская летопись. Конец XV в. Перо, чернила

Автор «Слова о полку Игореве», судя по всему, знал летописные повести о походе новгород-северского князя. В его произведении есть признаки, роднящие песнь как с Лаврентьевской, так и с Ипатьевской летописями [36, с.96]. Но при этом он расставил акценты по-своему. У нас нет оснований сомневаться в том, что мировоззрение автора «Слова» в основе своей было христианским, но при этом он избегает прямолинейности, не страдает ограниченностью, стремится синтезировать все то, что принадлежит единой восточнославянской общности. Христианских и языческих реалий в памятнике довольно много, и они органично сочетаются, и те и другие уравнивают друг друга [33, с.232–233]. В его тексте нет покаяния, нет признаний Игоря в бесчеловечном взятии города Глебова у Переяславля, нет всех тех конвенциональных моделей, включая «казни Божьи», которые отли-

чают летописи. Главная вина героя заключена в том, что он пренебрег грозным знаменем. Именно в этот момент ум князя уступил желанию. Это совсем другой Игорь, чем тот, которого мы знаем по Ипатьевской летописи (там он осторожный, предусмотрительный, богобоязненный, сознающий свою ответственность за гибель христиан). Да, в «Слове» есть противопоставление христиан и «поганых», но при этом Игорь ни разу не назван праведным, а половцы – «грешниками», как в рассказе Лаврентьевской летописи.

Итак, летописные повести и «Слово о полку Игореве» представляют собой слишком разные источники, чтобы объединять их в один комплекс текстов. Этот очевидный, казалось бы, и не требующий обсуждения факт нередко ставится под сомнение сторонниками теории контаминации текстов, посвященных весеннему походу русских князей на половцев в 1185 г. «Слово» рассматривается как третий нарративный вариант сообщения о походе Игоря, а, следовательно, и вся христианская дидактика летописных повестей приписывается «Слову о полку Игореве» [29; 36, с.93]. Нам приходилось уже отмечать, что той религиозной составляющей, которую нетрудно обнаружить в повести из Ипатьевской летописи (грех, преступление, «казни», покаяние, молитвы, спасение), нет в «Слове» [19, с.256–258]. В древнерусской песне о «полку Игореве» нет темы этического преобразования князя, хотя вина его в неудаче и не отрицается. Следует согласиться с исследовательницей «Слова» и летописных повестей, Л.В.Соколовой, которая отмечает: «Основываясь на особенностях жанра дружинной песни, автор «Слова» использует присущую этому жанру поэтическую систему, ориентированную не на христианскую, а на языческую образность» [36, с.101]. Роль своеобразного перехода от тьмы к свету играют «золотое слово» Святослава и «плач» (по сути «молитва», но не христианская) Ярославны [33, с.232]. Затем в повествовании наступает решительный перелом: природа помогает князю бежать, покровительствует ему. Возвращению Игоря радуются мироздание и Русская земля. Солнце, перед началом похода померкшее, радостно светит ему навстречу. Игорь возвращается не в Новгород Северский, как в летописи, а сразу – в Киев, туда, где и был произнесен призыв Святослава ко всем князьям Русской земли⁴. Игорь едет к

⁴ Конечно, зная склонность автора «Слова» к фигурам умолчания, можно предположить, что ему было известно о поездке Игоря в Новгород Северский и к Ярославу. Возможно, автор намеренно пропустил лишние подробности, сознательно в поэтических целях привел князя туда, где находится центр Русской земли. В Ипатьевской летописи Игорь

церкви Богородицы Пирогошей. О покаянии и здесь не говорится, хотя само направление движения героя (к храму) довольно красноречиво. И все же язык недосказанности и аллюзий, характерный для «Слова», позволяет лишь строить предположения о дальнейших действиях участника похода (покаяние, молитва, благодарность, исполнение обета). Все это позволяло исследователям видеть в тексте притчу о блудном сыне [8, с.30; 9, с.298–301] или мифопоэтическую основу, сюжет об умирающем и воскресающем герое (божестве) [9, с.305–315]. Конечно, подобная интерпретация остается исключительно на совести комментаторов поэмы, поскольку многомерность текста «Слова» позволяет трактовать его максимально широко и на любой вкус, что не сообщает этим прочтениям убедительности.

Избиение старых и немощных жителей, угон в половецкий плен в 1203 г.
Радзивилловская летопись. Конец XV в. Перо, чернила

Вместе с тем нельзя не заметить важнейшего идейного совпадения летописей и «Слова». Оно состоит в том, что главный герой при всех поворотах в разработке темы неудачного похода остается лишь частью великого целого. Его неудача – горе всех князей. Его победа или счастливое возвращение – повод для коллективного ликования. История Игоря в «Слове», вполне в русле монументального историзма домонгольской эпохи, мыслится как персонификация коллективной истории. При этом сам Игорь в «Слове» довольно бесцветен, он – лишь символ князей [13, с.57], которым нельзя жить вне Руси и без

посещает Святослава в Киеве только после визита в свой стольный город и поездки к брату своему Ярославу в Чернигов.

нее. В этом проявляется общий дух времени, природа того культурно-исторического типа, к которому принадлежит восточнославянский XII век. Центральной очевидностью жизненного мира здесь остается *род*⁵, единство многих, общая власть, общая ответственность и общая судьба.

«Ино вам люди не указывают, вы станите людям указывати»

Новую эпоху, пришедшую на смену домонгольской, мы называем Средневековьем. Термин этот, примененный к русской истории, вызывал и будет вызывать споры [18]⁶. Мы

сознаем всю степень его условности. Это время когда в XIII–XIV вв. намечались предпосылки для возникновения государственности на Северо-Востоке Руси. Русские княжества входили в состав ордынской политической системы. Но по мере дезинтеграции и деградации Орды начало складываться Русское суверенное государство, во второй половине XV века ставшее значительной военной и экономической силой. Государство поздних Рюриковичей-Калитичей представляло собой небольшую империю, где установилась деспотическая модель власти. Власть эта принадлежала фактически одному человеку, опиравшемуся на административный аппарат и служилые сословия. Великий князь («государь») благословлял членов своей семьи и жаловал всех остальных. «Государство» было фактически тем, что принадлежит государю, его собственностью, его имуществом. Коллективная власть рода осталась в прошлом. На смену ей пришла концепция дома и семьи, где были ближайшие родственники и зависимые слуги.

Восточные славяне, разделенные после монгольского нашествия, постепенно обособились друг от друга, распавшись на три ветви. Часть из них оказалась на территории Великого княжества Литовского. Так сложились условия для формирования трех восточнославянских народностей и трех языков, русского, украинского и белорусского. Церковно-книжный стиль памятников древнерусской литературы постепенно развился до состояния особого языка, характерного для богословских, исторических, дидактических текстов. При этом живая

⁵ *Теме рода и земли в домонгольской Руси посвящена классическая работа В.Л.Комаровича [21].*

⁶ *О разнообразии оценок периода, называемого Средневековьем, пишут И.М.Савельева и А.В.Поletaев [32, с.200–212].*

речь великорусской народности эволюционировала настолько, что ее носители могли не понимать книжного языка (изменения коснулись, прежде всего, грамматики). Это предопределило двуязычие средневековой Руси / России. В письменности господствовал церковный, культовый, далекий от живой речи язык [23, с.86].

Именно книжникам, в совершенстве владевшим церковнославянским, было доступно все богатство домонгольской письменности.

Книжность автора и читателя заставляла относиться к ним с особым уважением, поскольку их статус ассоциировался с теми мудростью и знаниями, которых не доставало людям некнижным, по определению стоявшим на ступеньку ниже (элементарная грамотность была недостаточна). Книжники обособились, превратившись в изолированную группу. Они делали все возможное, чтобы сакральная культура была отгорожена от сферы профанного. Очевидным проявлением этой тенденции стало так называемое южнославянское влияние, заметное по рукописным книгам XV–XVI вв. Но наряду с ним происходили славянизация и реставрация старокнижного домонгольского языка. Это приводило к тому, что монахи времен Зиновия Отенского отказывались понимать славянские тексты еретиков, а сочинения Иоанна Златоуста воспринимались как переведенные на иностранный язык, непонятный, чуждый. Господствовало в это время и так называемое «плете-

Покров «Крест на Голгофе».
Вклад Ивана Грозного и Анастасии Романовой
в Троице-Сергиев монастырь. 1557 г.

ние словес», основанное на амплификациях, инверсиях, повторах, метафоризации [22, с.299–307; 23, с.80–86].

Один из образованных книжников и писателей XVI в., царь Иван Грозный, не только прекрасно владел церковнославянским, но и в совершенстве использовал средства разговорного языка. Однако в публицистике и религиозных трактатах он проявлял себя по преимуществу как человек традиционной культуры. При этом традиционализм Грозного нужно отличать от домоногольской архаики. Одним из распространенных мотивов творчества первого русского царя были покаянные монологи, которые то и дело заявляют о себе в текстах разных жанров. Наиболее яркие примеры этих пассажей мы обнаруживаем в посланиях и в Духовной грамоте Ивана IV.

Перед нами совершенно особый тип кающегося. Это, безусловно, феномен совершенно другого культурно-исторического порядка, чем домонгольский. Если говорить о категории княжеского *рода*⁷, то Грозный воспринимает ее, скорее, исторически. Род и родичи – это прежде всего для Ивана IV его предки, предшественники, те, от кого он получил «старину» и легальность как государь. Рода как коллективной власти и коллективной ответственности в настоящем для него не существует (предки в качестве молитвенников и «предстателей», конечно, остаются с ним всегда, как и святые заступники), и земную власть он ни с кем делить не собирается. Сам он становится уникальной персонификацией династической власти, ее единственным носителем. Отсюда и другая функция – пасторство. Применительно к государям эту идеологию начинают использовать уже в XV в. Так, в «Слове похвальном» инока Фомы тверской князь Борис Александрович прославлен как подобие Августа-кесаря и пастырь, пасущий поданных, как овец, оберегающий не только их тела, но и души. О топосах пасторства на примере многих памятников русской средневековой литературы писала В.П.Адрианова-Перетц [1, с.97–102]. Со временем эта концепция сотериологической составляющей великокняжеской и царской власти только усиливается. И ее в полной мере усвоит Иван Грозный и публицисты-проповедники его эпохи. В Первом послании Курбскому Грозный специально подчеркивал, что одно дело спасти только свою душу, а другое – души всех людей, всех «подовласт-

⁷ По замечанию А.М.Панченко и Б.А.Успенского, Грозный не прочь был проводить кампании по дискредитации рода своих оппонентов, что, впрочем, вполне могло вписываться в тактику местнических споров [27, с.59].

ных»: «Но ино убо еже свою душу спасти, ино же многими душами и телесы пещися...» [30, с.24]. Отсюда и особый характер раскаяния. Ведь при выполнении этой миссии возможны ошибки, прельщение, что мы и видим в конце правления Ивана IV, когда он стал рассылать списки казненных по монастырям. Они и позволили в конечном итоге установить, что никакой конкретной социальной или классовой направленности опричные казни не имели, что они затрагивали разные слои населения. Провинциальных «детей боярских» (особое служилое сословие, близко стоявшее к дворянам, а затем с ними слившееся) и представителей низов (псари, боярские холопы, «простые люди», бабы-ведуньи) пострадало от опричнины, может быть, намного больше, чем вотчинников-аристократов и тех самых бояр, которых на протяжении веков считали и считают главными противниками Ивана Грозного. Это касается и того, что в современной науке называют «земельной политикой»: она не была специфически антибоярской. В конечном счете опричниной руководили те же самые бояре, а некоторые из них сделали головокружительную карьеру (вспомним, к примеру, того же Бориса Годунова) [7, с.477–478; 11, с.164–166].

Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что репрессии Ивана Грозного имели своей целью укрепление личной власти и носили форму борьбы с изменой: опале подвергались не только *конкретные* бояре, близко стоявшие к вершине вертикали власти, но и, как бы мы сейчас сказали, все крупные «управленцы» того времени: бюрократы (дьяки, подьячие) и представители церковных кругов. Надо сказать, эту линию поведения Иван IV теоретически обосновал летом 1564 г., когда писал Первое послание Курбскому. В этом беспрецедентном по объему и откровенности тексте царь постоянно возвращается к темам измены и развала государства, но особой строкой вписана в манифест первого русского царя церковная тема: на многочисленных примерах Грозный показывает отрицательную роль священства в мировой истории, если оно вмешивалось в дела управления странами. Эта по сути антиклерикальная линия царского манифеста постоянно сбивается на инвективы в адрес попа Сильвестра, ставшего для Ивана персонализацией предательства как такового. В 1577 г. во Втором послании Курбскому, написанном в Вольмаре по следам бегства бывшего юрьевского воеводы, Грозный бросает князю Андрею, Сильвестру, Адашеву и другим «изменникам» тяжкое обвинение. Царь считает, что именно они вступили в преступный сговор по устранению первой царской жены Анастасии Романовой в 1560 г.: «А и з женю вы меня

про что разлучили?» [30, с.104]. Да и в целом показательно, что через 13 лет после начала переписки с героем Казани Грозный обвиняет Сильвестра и Адашева в незаконном захвате власти. Эта тирада производит впечатление тяжелой, навязчивой, гнетущей мысли. Царь ищет измену в том числе и в своем ближайшем окружении: «Вы убо, яко дьявол, с Селиверстом с попом и с Олексеем с Одашевым рекосте, якоже во Иове хваляся: Обыдох землю и прошед поднебесную, и поднебесную под ногами учиних...» [30, с.105]. Так государственная тема тесно переплеталась с темой семейной и личной.

Забота о судьбе царства и *семьи*⁸ заметна также в Духовной грамоте Грозного (1572 или 1579 г.). Этот текст был известен еще Н.М.Карамзину. Грамоту цитировал в своей трагедии «Смерть Иоанна Грозного» А.К.Толстой. В советское и постсоветское время датировкой источника занимались известные российские историки С.Б.Веселовский, Р.Г.Скрынников и А.Л.Юрганов. Документ дошел в поздней писарской копии, а не в аутентичном виде, как другие духовные грамоты великих московских князей. Перед нами, скорее всего, копия с промежуточного варианта или черновика. Это обстоятельство послужило основанием для скептической версии, которую в ряде статей и в монографии пыталась обосновать немецкая исследовательница Корнелия Зольдат [17]. Однако А.И.Филюшкин выступил с аргументированной критикой ее построений [43]. Следует обратить внимание и на аргументацию А.Л.Юрганова, нашедшего для этого документа свой исторический контекст: грамота, скорее всего, была составлена в марте 1579 г. [51, с.129–138].

Для нас наиболее важная часть Духовной грамоты – ее преамбула, в которой сосредоточена масса топосов, в том числе церковных и книжных. Во вступлении царь кается, и сила этого покаяния подчеркивается не искренностью или правдивостью чувств, а статусом текстов, которые использованы в качестве литературной основы. Великий канон Св.Андрея Критского, песнопения утрени Великой пятницы, Псалтырь – вот далеко не полный круг текстов, из которых соткан этот покаянный покров [11, с.154]: «Понеже от Адама и до сего дни всех преминух в беззакониях согрешивших, сего ради всеми ненави́дим есмь, Каиново убийство прешед, Ламеху уподобихся, первому

⁸ *Забота о семье и назначение опекунов, которые должны были гарантировать соблюдение ее интересов и безопасность, во многом и определяли заветную практику великих московских князей [49, с.21–23].*

убийце, Исаву последовах скверным невоздержанием, Рувиму уподобихся, осквернившему отче ложе, несытства и иным многим яростию и гневом невоздержания» [15, с.426]. В поучении детям сведены многочисленные евангельские тексты, в том числе притчи, имевшие эсхатологическое звучание: притча о мудрых и неразумных девах, притча о талантах, притча о мытаре и фарисее [50, с.322–324]. Наконец, находим в преамбуле и такое утверждение: «А что по множеству беззаконий моих, Божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния, и скитаюся по странам» [15, с.427]. И этот пассаж не имеет силы автобиографического. Хотя он и затрагивает типичную для Средневековья ситуацию, речь идет о топосе, получившем распространение и в публицистике, и в древнерусском нарративе. Мы находим его и в послании Вассиана Рыло Ивану III, и в «Повести о стоянии на Угре», и в XIII степени «Книги Степенной царского родословия». Конечно, это не значит вовсе, что интересующее нас признание царя не отражало его настроений, но оно не было оригинальным [19, с.419–421]⁹.

Для покаянных настроений царя характерна эта двойственность: с одной стороны, он сознает, что прельстился, что в борьбе за власть он принес в жертву интересы личного спасения. Но с другой стороны, он склонен видеть себя не преследователем, а преследуемым, его не оставляет чувство опасности. Отсюда, возможно, из этого настроения – череда мнимых отречений, которые должны сбить противников с толку, убедить их в том, что царь не держится за власть¹⁰.

Покаяние Духовной грамоты царя Ивана и находится на границе саморазоблачения, топосов исключительной греховности и темы личной жертвенности в борьбе с «самовольством» подданных. При этом главной категорией сознания для великого князя и царя, распоряжающегося собственностью и решающего судьбу одной из самых загадочных и кровавых акций XVI в., остается *семья*. Он благословляет своих детей: старшему передает государство (Русское царство), а

⁹ Здесь, пожалуй, только мысль о самовольстве бояр принадлежит царю.

¹⁰ А.М.Панченко и Б.А.Успенский проводят параллель между «рассечением» России в деятельности Ивана Грозного и Петра Великого и раздвоением личности монарха. Так, Иван Грозный предстает, с одной стороны, как учредитель опричнины, разделившей страну, и с другой – как человек, передавший царский титул Симеону Бекбулатовичу. При этом сам Грозный, хоть и называется теперь Иванцем Московским и разъезжает, как обычный боярин, вряд ли перестает быть царем [27, с.56–57]. Такое же раздвоение характерно для Ивана в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь. В этом письме он учит монахов и как царь, и как чернец [31, с.164–165].

младшему – удел. Несмотря на это, казалось бы, разделение, царь призывает детей держаться вместе, быть заодно. При этом именно сыновья должны в будущем решить, как поступить с *опричниной*: «А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее¹¹, и чинят; а образец им учинен готов» [15, с.444].

Ссылка на образец примечательна. Парадоксальной кажется эта приверженность разделителя царства к порядку и чину. Но Грозный оставался типичным человеком Средневековья, и все эксцессы его власти проистекали исключительно из одного источника (чин, образец, порядок, должное, как он их понимал), из той логики, которую обнаруживают во взглядах царя на природу господства и подчинения такие медиевисты, как А.М.Панченко и П.Хант [27; 45]¹². Напряжение и особую неустойчивость всему этому порядку придавала борьба за власть в эпоху, проникнутую эсхатологическими предчувствиями [50, с.283–329].

**«Простите же и молитесь
о мне, а я о вас должен...»**

Эмансипация личности, о которой так много говорят в связи культурой переходного периода в России [6, с.41–44; 25, с.138–139; 48, с.11], не произошла сразу. Люди XVII и

¹¹ Слово «прибыльнее» следует понимать, как отметил А.Л.Юрганов, именно в духовном аспекте. Под прибылью подразумевается здесь нетленное богатство, которое нужно собрать прежде, чем предстанешь перед неподкупным Судьей [50, с.323–324].

¹² В своем исследовании, переведенном на русский и дополненном новыми данными, медиевистка указала А.Л.Юрганову на то, что он опубликовал работу об опричном терроре как Страшном суде, не зная ее первой английской публикации 1993 г. Между работой П.Хант и статьей А.Юрганова мы не видим, тем не менее, прочной корреляции. Хант лишь выдвинула общие суждения, а Юрганов обосновал свою концепцию, исходя из конкретных примеров, не ограничиваясь лишь текстами сочинений Грозного, привлекая широкий культурно-исторический контекст. С таким же успехом я мог бы подчеркнуть, что Хант, опубликовав свою статью, где она написала о непротиворечивости и внутренней логике личной мифологии Грозного, в 1993 г., не заметила или не сочла нужным отметить результаты моей кандидатской диссертации «Концепция человека и способы изображения исторических лиц в посланиях Ивана Грозного», в значительной мере посвященной комплексному исследованию мировоззрения первого русского царя. Диссертация была защищена за два года до публикации статьи Хант, еще на рубеже советского и постсоветского периодов нашей историографии, в конце 1991 г. Да и с трудами других российских медиевистов, писавших на сходную тему, в переиздании дополненной статьи Хант дело обстоит не лучше. К сожалению, эта несогласованность усилий научного сообщества остается мировой проблемой.

XVIII вв. ментально еще во многом принадлежат Средневековью. Конечно, петровские реформы, основанные на идее внесловной ценности человека, способствовали ускоренному переходу от традиционного общества к обществу модерна. Но затронули эти новшества лишь незначительную часть социума, хотя и наиболее мобильную, восприимчивую, способную к быстрому освоению новых знаний и ценностей¹³. Уже в XVII в. возникли предпосылки для осознания автономности человека, его исключительной персональной ответственности за свое будущее. Наиболее ярко это проявилось у лидеров религиозного протеста. Им приходилось совершать личный выбор ежедневно, они жили в состоянии непрестанных мирских соблазнов и духовных искушений. А трудности их выбора были непомерно велики. Здесь требовалось максимально мобилизовать всю энергию, все внутренние ресурсы для личного поступка.

Молящийся протопоп Аввакум Петров на иконе XVII–XVIII вв.

Эта индивидуализация веры и религиозного поведения наиболее ярко, разумеется, проявилась у духовного главы раннего старообрядчества, протопопа Аввакума. С точки зрения начитанности и образования Аввакум принадлежал еще миру Средневековья. Он даже намеренно дистанцировался от всякой новоевропейской учености. Как активный защитник старой веры протопоп пропускал все книжное знание, все положения и дог-

¹³ В основном этот переход осуществился на рубеже XVIII–XIX вв. И затронул он преимущественно дворянскую культуру. Но во многих сферах жизни пережитки Средневековья сохранялись еще долго.

маты, сосредоточенные в писаниях отцов Церкви, через личное мировосприятие. Но самое существенное заключено в том, что он свою повседневную жизнь уже не отделял от высокого служения. Таким образом, все автобиографическое (в том числе низкое, земное) приобретало у него характер сакрального. В «Житии» Аввакума эта манера соотносить свою жизнь, даже самые ранние впечатления с планом вечности видна с первых страниц. Вид околевшего животного понуждает к усердной молитве. Ужасное и отвратительное становятся импульсом для возвышенного: «Аз же некогда видел у соседа скотину умершу, и той нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться» [16, с.22].

Для Аввакума при этом абсолютно безразличны социальный статус человека, его положение в иерархии государства и церкви, отношение к власти светской и духовной. Для него все едины: и царь, и самый последний грешник или бесноватый. Русская жизнь и ее представители под пером Аввакума предельно опростились. Опростились институты, духовные практики, чудеса, праздники. Да и себя он позиционирует в качестве простеца, считающего проповедь «вяканьем», пренебрегающего внешними украшениями и словесными приемами (у него не в чести риторика, грамматика, да и любое красноречие). Простец, ставший пророком, уравнивает всех перед лицом вечной и неизменной Истины. Он выступает в роли ее ревнителя: ведь ничего нельзя убавить и прибавить к тому, что уже дано до Страшного суда.

Здесь уместно отметить, что личность проявляет себя в пограничных состояниях, в условиях, когда устои, традиция, «чин» подвергаются коренному пересмотру или просто в силу обстоятельств не могут быть защитой. Обычно это происходит при переходе из пространства сакрального, освященного авторитетами, в пространство нечистое, «поганое». Об этом переходе впервые написал Б.А.Успенский. Его концепция дуалистического характера русской средневековой культуры и присущих ей переходных состояний между *раем* и *адом* до сих пор не потеряла актуальности [37].

Оставляя дом, человек не просто оставляет привычный мир. Он оставляет мир святой и чистый. Путь потерявшего (пусть и временно) родной кров сравним отныне с *антипаломничеством*. Это заставляет погрузиться в себя, осознать свою индивидуальность, инаковость. Ярким примером такого выхода за границы привычной среды стало путешествие Афанасия Никитина, который сделал частью записок о

странствии в Индию личный дневник: «А со мною нет ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини и ихъ взяли, а яз забыл веры крестьяньские все. Праздники крестьянские, ни Велика дни, ни Рожества Христова *не ведаю, ни среды, ни пятници* не знаю...» [5, с.362].

С нарушением устоев жизни имеет дело и протопоп Аввакум. Переход из мира, освященного благодатью, в мир тьмы становится для него и его соратников стремительным, неожиданным. Вот как описывает творец автобиографического «Жития» реакцию сторонников старой веры на «память» Никона 1653 г. об уменьшении числа земных поклонов во время покаянной молитвы Ефрема Сирина и о замене двуперстия на троеперстие: «Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти; сердце озябло, и ноги задрожали» [16, с.27]. Человек остался один на один с вопросом: «Как жить дальше и куда идти?»

Как и Афанасий Никитин, Аввакум, оказавшись в нечистом месте, нарушает привычные устои религиозного поведения. Отказываясь служить в Москве в Казанском храме после нововведений Никона и изгнания Ивана Неронова, Аввакум служит на сеновале, а его прихожане замечают, что в некоторое время и конюшня лучше церкви [16, с.273]. В Андроньевом монастыре протопоп заперт в «полатке» и посажен на цепь. В темноте он теряет пространственные и сакральные ориентиры (не знает, правильно ли молится). В определенном смысле эта сцена становится метафорой начала гонений, когда верующий вынужден приспособиться к новой для него реальности: «Егда ж россветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чеши кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чеши, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно» [16, с.28].

Самого себя создатель автобиографического «Жития» воспринимает со стороны, как одного из персонажей современной религиозной эсхатологической мистерии [46, с.78]. И чудеса, с ним происходящие, это не свидетельство статуса или святости, а лишь дополнительные приметы конца времен, когда божественное начало предельно приблизилось к человеку, стало проникать во все уголки мира. Нападения бесов на людей становятся постоянными; очень часто это происходит вследствие поущения, а масштабы распространения этой ак-

тивности беспрецедентны [39, с.117–127]. Бесноватые сопровождают протопопа на всем протяжении его многотрудного подвига, знаменуя собой наступление тьмы внешней, следствие апостасии.

Эти чудеса, исцеления, молитвы по изгнанию бесов – лишний раз подтверждают правоту выбора. Никакого повода для гордыни или особой власти над людьми (любоначалия) они не дают. Многие сцены войны с бесами завершаются покаянием [3, с.186–189].

Единственное, что позволяет себе Аввакум, – руководить духовными чадами, исключительно для совместного спасения. Он остается священником, но опека его подобна заботе о самых близких. Дистанция между ним и паствой предельно сократилась, настолько, насколько это вообще возможно. Грешники порой не вызывают отвращения или жалости. Они смешны. Но смешон и сам пастырь в роли целителя, поскольку находится в состоянии искушаемого [26, с.60–61]. Предметом юмора могут быть вещи весьма серьезные: например, мучительство и мученичество. Это смех мировоззренческий, направленный против самосакрализации и гордыни, пригодный для того, чтобы защитить личность. Сострадание от этого не становится меньше. Оно органично сочетается с комизмом, с юмором, насмешкой [26, с.63]. Отсюда особо задушевная, предельно личностная и народная стилистика покаяний Аввакума. При этом опрощение не уничтожает глубокого религиозного символизма, скорее придает ему большую убедительность, достоверность [3, с.176].

В одном из эпизодов знаменитого «Жития» Аввакум поведал, как возроптал на самого Христа, как пришел к мысли о том, чтобы судиться с Ним. Воевода Пашков подверг протопопа длительному истязанию за попытку заступиться за благочестивых вдов, которых они встретили на Шаманском пороге. Аввакум жесточайшим образом избит и брошен на дощаник под проливной осенний дождь. Не боявшийся истязаний страстотерпец вдруг понял всю несправедливость случившегося и пришел к кощунственной мысли: «Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: "за что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и Ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!"» [16, с.33]. Греховная мысль материализуется: «Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал» [16, с.33]. Грешник вынужден

каяться, и тотчас получает избавление от физических страданий. В этой сцене использована классическая схема рассказов о покаявшихся: ситуация – мысль – грех – наказание – раскаяние – избавление от мучений. Но показательно, что перейти к осознанию греха Аввакум может, только посмеявшись над собой, а это предполагает способность видеть себя со стороны. Это делается с помощью просторечных вульгарных самооценок, когда кающийся осознает всю меру своей ничтожности, что с неизбежностью, как всегда у Аввакума, сопровождается изрядной долей комизма: «Бытто доброй человек – другой фарисей с говенною рожью, – со Владыкою судитца захотел!» [16, с.33]. Результат не заставляет себя ждать: «Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покался пред Владыкою, и Господь-свет милостив: не поминает наших беззаконных первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть» [16, с.33]. Так сакральное и профанное (бытовое, грубое) сливаются у Аввакума-писателя в один неразличимый комплекс. Этот эпизод покаяния на дощанике, на наш взгляд, является ключевым для понимания и мировоззренческой, и художественной природы творчества протопопа.

Когда отмечают апостольский или пророческий характер миссии протопопа Аввакума [14; 20; 48, с.125], то редко видят, что миссия эта лишена всякой величавости, всякой торжественности. Вот далеко не полная подборка ярких ситуаций: «Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне» [16, с.32]; «И я отшел ко дверям да набок повалился: "посидите вы, а я полежу", говорю им. Так оне смеются: "дураке де протопоп-от! И патриархов не почитает!" И я говорю "мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестни; вы сильны, мы же немощни!"» [16, с.60]; «Он миленький, бывало серет и сцят под себя, а я ево очищаю» [16, с.69]. Поведение пророка по форме порой вульгарно, по характеру близко самому откровенному юродству. Аввакум исцеляет и творит чудеса в обычных домах, среди самых рядовых и порой темных людей. Его экзальтированная религиозность имеет своей почвой народную жизнь. Налицо тотальное опрощение апостольства и пастырства в текстах мятежного главы старообрядцев. Иерархия тут разрушена. Земная вертикаль бессмысленна и невозможна. Остается только вертикаль личного контакта с Небом. Со вселенскими патриархами мятежник воюет, как с толпой бесов, а после потасовки считает возможным лежать в их присутствии, как у себя в келье после очередного нападения бесовской силы. Это опрощение и было наиболее

ярким проявлением эмансипации личности, тем ответом, который неожиданно давал на вызовы времени человек Средневековья, незаметно для себя и других творивший новый, доселе небывалый мир, мир новой культуры и новых ценностей.

Особенности творческого метода Аввакума и проявляются в непрестанном нарушении границ, в соединении библейского и современного, что ярко запечатлено на страницах «Книги толкований». В самом отношении к текстам Священного Писания виден новаторский подход нового пророка: в конце времен, когда рушатся устои старой веры, нужно учить на библейских примерах, одновременно приводя в качестве параллелей дела сегодняшнего дня, в том числе автобиографические детали. Аввакум учит с помощью Библии и с помощью собственных деяний, превращая священные сюжеты и личные откровения в один сплошной текст [38, с.68–69].

Аввакум, несмотря на смирение и культ простонародности, возводимый иногда в заслугу (протопоп гордится тем, что не привык «красить» речи философскими «виршами» и внушает царю, что тот всего лишь обычный «русак»), ставит себя в центр мира. Личное местоимение первого лица то в форме «Аз», а то в форме привычного русского «Я» не сходит со страниц его сочинений. Он со всеми своими помыслами, странностями, грехами и аскезой заполняет пространство текста, как в мистическом откровении Пятой челобитной его тело заполняет земное пространство («а потом Бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь») [16, с.143–144].

Разумеется, мы прекрасно понимаем, что на маленьких и, казалось бы, частных примерах невозможно делать сколь-нибудь широкие обобщения. Они приведены тут лишь в качестве иллюстраций, эпизодов, которые показывают, что у самосознания может быть свое ядро, своя установка, дальше которой субъект культуры не идет, но все из этой установки производит. Он не обязан догадываться даже о предпосылках своего выбора, своих поступков, своего объяснения. Субъект культуры поставлен в обстоятельства, внутри которых он и действует.

Мы лишь должны понять, чем обусловлены его предпочтения и высказывания. Если угодно, это попытка заглянуть за горизонт в ис-

следовании того, что мы называем подчас русской культурой, русской историей, русским самосознанием.

Не стоит говорить о русской культуре вообще, не согласуя свои выводы со смысловым контекстом или жизненным миром, к которым принадлежат конкретные высказывания. Жизненный мир как запас «культурных самоочевидностей» (по Ю.Хабермасу) существует в уникальном коммуникативном пространстве [44, с.202]. Он соотносится с эпохой, ее ценностями, ее априори, когда люди не выбирают, а действуют, не подвергая свое настоящее бытие мучительной рефлексии.

Высказывания героя, актора, автора должны соотноситься с тем культурным типом, который был живым, актуальным в их время. Поэтому не стоит искать единство там, где его нет. Как, по Питириму Сорокину, нет одной свободы, но есть ее вариации [37, с.618], так и в области культуры нет одной логики и одной системы ценностей, а есть разные культурно-исторические типы.

Они различны не только у очень далеких этносов и цивилизаций, но и там, где существует преемственность близких народов, которые мы часто рассматриваем как один народ и одну культуру. Но тут кроется самое сложное. Со временем придется признать, что на протяжении столетий зарождаются и умирают, сохраняя, конечно, историческую преемственность, разные культурно-исторические типы. И это не частные различия. То, что Н.Я.Данилевский мог бы назвать одним «культурно-историческим типом», дробится, распадается на жизненные миры и смысловые регионы, перестает быть единым целым. Наша задача в дальнейшем обосновать это как можно более наглядно и убедительно. Ведь история – это, прежде всего, область своеобразного, особого, непохожего.

Покаяние XII в. остается еще актом коллективным, в который погружены участники исторической драмы. И даже если кается один персонаж, покаяние его произносится во имя общих интересов. Призыв к единству князей звучит в этих условиях как никогда актуально. Ведь без этого единства не будет и Русской земли. Для Московской Руси характерна мифологема ответственности государя за весь народ, он кается как хозяин дома. Его покаяние отмечено исключительностью и предельным одиночеством (возможно, и небывалым трагизмом). История рода существует в его сознании как великое прошлое, и в настоящем государь является его единственной персонификацией. Человек кануна Нового времени уже в полной мере ощущает себя

актером свершившейся эсхатологической мистерии. В конце времен сословные, иерархические перегородки рушатся. Человек вовлечен в диалог с Божеством как личность – с абсолютной Личностью. И этот диалог протекает в обыденной обстановке, в контексте повседневности, на фоне отношений с грешными и заблудшими людьми (палачи, начальники, бесноватые, отступники, блудницы), в условиях, где границы между сакральным и профанным намеренно стираются [47].

Библиографический список

1. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 188 с.
2. Алексеев А.И. Крещение костей (К интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2003. №1(11). С.102–106.
3. Бахтина О.Н. Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Томск: Изд-во Томского университета, 1999. 261 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т.4. 688 с.
5. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т.7. 582 с.
6. Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М.: Индрик, 2008. 364 с.
7. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 540 с.
8. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000. 608 с.
9. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
10. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, «Глаголь», 1995. Изд. 6-е. 552 с.
11. Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. Нижний Новгород: Издательство Братства во имя Св. Александра Невского, 2005. 344 с.
12. Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М.: Языки славянской культуры, 2003. 758 с.
13. Демин А.С. «Слово о полку Игореве» // История древнерусской литературы: Аналитическое пособие. М.: Языки славянских культур, 2008. С.55–70.
14. Демченков С.А. Последний из великих пророков (библейская пророческая традиция в «Житии» протопопа Аввакума). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 256 с.
15. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовил к печати Л.В.Черепнин. Под ред. С.В.Бахрушина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
16. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. 368 с.

17. Зольдат К. «Академическая» публикация духовной грамоты Ивана IV // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб.ст. памяти акад. Л.В.Черепнина. М.: Языки славянских культур, 2010. С.238–248.
18. Каменский А.Б. «Средневековье» и «Новое время»: границы понятий в контексте русской истории // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции. М.: РГГУ, 2000. С.43–61.
19. Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). Изд. 2-е, доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с.
20. Клибанов А.И. Протопоп Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России. М.: Археографический центр, 1994. С.12–43.
21. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т.16. С.84–104.
22. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005. 416 с.
23. Левин В.Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. М.: Просвещение, 1964. 248 с.
24. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. 359 с.
25. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
26. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
27. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1983. Т.37. С.54–78.
28. Пауткин А.А. О риторико-дидактической природе покаянной речи Игоря Святославича в летописной статье 6693 г. // Герменевтика древнерусской литературы. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. Сборник 18. С.324–339.
29. Пикио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 1996. Т.50. С.430–443.
30. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Лурье Я.С. и Рыков Ю.Д. Л.: Наука, 1979. 432 с.
31. Послания Ивана Грозного. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 716 с.
32. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
33. Сапунов Б.В. «Слово о полку Игореве» в культуре Московской Руси // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С.228–242.
34. Сиренов А.В. О жанровом своеобразии Степенной книги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 1(122). С.7–11.
35. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский дом ЯСК, 2019. 216 с.
36. Соколова Л.В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т.57. С.91–102.
37. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

ТРИ ПОКАЯНИЯ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

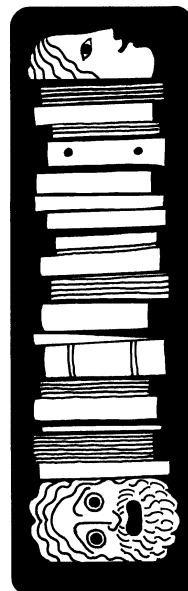
38. Сочива Т.А. О литературном своеобразии «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2014. №3. С.66–72.
39. Туфанова О.А. Творчество Аввакума: поэтика трагического. М.: Компания Спутник+, 2007. 144 с.
40. Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. М.: Издательство Литературного института им.А.М.Горького, 2008. 528 с.
41. Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 760 с.
42. Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. 2-е изд., испр. и доп. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С.381–432.
43. Филюшкин А.И. Фальсификация XIX века или поиск образа Российского царства XVI века? По поводу новой книги Корнелии Зольдат // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. №1(17). С.192–207.
44. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2001. 380 с.
45. Хант П. Личная мифология Ивана IV о собственной царской харизме // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Вып.9(19). С.245–289.
46. Хант П. Самооправдание протопопа Аввакума // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1977. Т.32. С.70–83.
47. Черная Л.А. Граница между сакральным и светским в русской культуре XVII века // Оппозиция сакральное / светское в славянской культуре. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С.106–113.
48. Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Языки русской культуры, 1999. 288 с.
49. Шапошник В.В. К вопросу о завещании Василия III // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. Сер.2. Вып.2. С.21–28.
50. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2009. 368 с.
51. Юрганов А.Л. О дате написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. 1993. №6. С.125–141.
52. Яценко Б.И. Черниговская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 г. // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С.38–57.

Партии разоблачают друг друга и весьма преуспевают в этом, потому что судят одна о другой по себе.

Пьер Буаст

У каждого человека есть несколько несбывшихся биографий, набор случайно несостоявшихся судеб.

Даниил Гранин

Нина Хайлова

**У ИСТОКОВ
ЛИБЕРАЛЬНОГО
ЦЕНТРИЗМА В РОССИИ
НАЧАЛА XX В.**

УДК
94(470)

В статье прослеживается зарождение центристского (между кадетами и октябристами) течения в русском либерализме начала XX в. В связи с этим анализируются взгляды и деятельность организаторов и лидеров Партий демократических реформ и мирного обновления в период Великих реформ Александра II и пореформенные десятилетия. Специальное внимание уделено идеологам и деятелям круга «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» (М.М.Стасюлевич, К.К.Арсеньев, Д.В.Стасов, А.С.Посников, И.И.Иванюков, В.Д.Кузьмин-Караваев), а также таким крупным фигурам земско-либерального движения, как гр. П.А.Гейден, Д.Н.Шипов, Н.Н.Львов, М.А.Стахович, кн. Е.Н.Трубецкой. Обоснован вывод о том, что формирование «контуров» либерального центра ускорилось с конца XIX в., а особую роль в этом процессе сыграли земско-городские съезды 1904–1905 гг.

The article traces the origins of the centrist trend in Russian liberalism in the early 20th century. The author analyzes the views and activities of some leaders of this trend throughout the years 1860–1905. The conclusion is substantiated that the process of formation of the liberal center has accelerated since the end of the 19th century.

Ключевые слова: либеральный центризм; «Вестник Европы»; «Русские ведомости»; М.М.Стасюлевич; К.К.Арсеньев; Д.В.Стасов; А.С.Посников; И.И.Иванюков.

Keywords: liberal centrism; "Vestnik Evropy"; "Russkie vedomosti"; M.M.Stasyulevich; K.K.Arsenyev; D.V.Stasov; A.S.Posnikov; I.I.Ivanyukov.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

Стремительное формирование российской многопартийности вслед за Манифестом 17 октября 1905 г. выявило среди участников освободительного движения широкий разброс взглядов по программным и тактическим вопросам. Внимание современников (а впоследствии – историков) было обращено, прежде всего, на наиболее крупные партии общероссийского масштаба. В связи с этим роль политического центра той эпохи изначально закрепились (и сохраняется поныне [16, с.134]) за «ударными» силами либерального лагеря – Конституционно-демократической партией (Партией народной свободы) и «Союзом 17 октября». Однако программные и тактические установки обеих партий не исчерпывали реально существовавшего в среде отечественных либералов многообразия подходов к решению насущных проблем [38].

**В «тени» кадетов
и октябристов**

В конце 1905 – начале 1906 гг., в преддверии созыва I Государственной думы, образовалось множество политических организаций (партий, союзов, клубов и т.д.) умеренно-

либеральной ориентации. В разной мере испытывая «притяжение» к крайним флангам либерализма, эти объединения тем не менее предпочли дистанцироваться от кадетов и октябристов и заняли политическую нишу между ними. Разделяя общелиберальное стремление к поиску «золотой середины», которая послужила бы основой для объединения здравомыслящих сил в деле преодоления революционного кризиса на путях реформ, потенциальные союзники Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» разошлись с ними по ряду вопросов, связанных с программой, тактикой и принципами партийного строительства.

Наиболее заметным явлением в рядах либералов-центристов стала Партия демократических реформ (ПДР), заявившая о себе в самом начале 1906 г., а также Партия мирного обновления (ПМО), зародившаяся чуть позже, в I Думе. Их можно считать «предтечами» фракции прогрессистов в III и IV Думе, а также Партии прогрессистов (1912), поскольку очевидна преемственность между всеми упомянутыми объединениями как на уровне личного состава руководства, так и во взглядах. Несмотря на имеющиеся основания рассматривать эти организации в едином русле центристского течения в русском либерализме начала XX в., они и по сей день обычно воспринимаются обособленно, зачас-

тую оставаясь «в тени» кадетов и октябристов. Между тем изучение темы способствует не только расширению диапазона представлений об отечественной истории, но и корректирует распространенное ныне представление о русском либерализме как явлении «без корней». Достижения идеологов либерального центризма в сфере общественной мысли (в т.ч. признанные за рубежом), а также их личный и коллективный

Стасюлевич М.М.

опыт в деле строительства «новой России», который вовсе не сводится к однозначному вердикту – «потерпели поражение», – все это способно придать дополнительный стимул дискуссиям о путях решения современных проблем.

Дружеское сближение между идеологами срединного течения в русском либерализме происходило на почве единства профессиональных интересов и гражданской позиции задолго до «старта» российской многопартийности. «Ядро» организаторов ПДР (М.М.Стасюлевич, Д.В.Стасов, К.К.Арсеньев) – это участники разработки и осуществления Великих реформ 1860-х – начала 1870-х гг., а впо-

следствии – ревностные защитники преобразований, начатых Александром II.

**М.М.Стасюлевич:
судьба как «история
русского либерализма...»**

Среди «старейшин» либерального центризма выделяется фигура М.М.Стасюлевича (1826–1911), основателя и многолетнего (до 1909 г.) руководителя журнала «Вестник

Европы» (1866–1918), крупного деятеля столичного самоуправления (1881–1909). «История русского либерализма, свернутая до пределов одной человеческой судьбы» [28, с.198], – так в новейшей историографии определяется исключительная значимость исторической роли Стасюлевича.

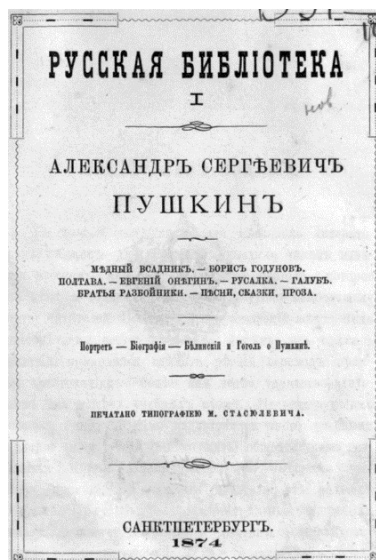
Историк, профессор Петербургского университета (с 1858 г.), он был членом кружка молодых университетских профессоров (К.Д.Кавелин, В.Д.Спасович, А.Н.Пыпин), которых объединяло стремление вывести «русскую общественную мысль на самостоятельную дорогу, освобождая

ее от хлама разных предвзятых воззрений и доктрин» [11, с.633], утвердить ценности «Права и Правды». Они считали необходимым обеспечить преемственность в осуществлении начавшихся реформ, создать гарантии их необратимости. Отсюда признание ими особой значимости вопроса о воспитании наследника престола – великого князя Николая Александровича (1843–1865), старшего сына императора. В круг наставников будущего монарха был приглашен и Стасюлевич. В 1860–1862 гг. он преподавал цесаревичу всеобщую историю, советуя «усвоить себе великую истину, что стремление к свободе есть не результат праздной мысли философов, но потребность физиологического развития общества... Для предупреждения революций нужно, чтобы хорошо и основательно изучены были настоящие условия жизни, и потому образованность, а не военная сила спасет правительство от потрясений» [14, с.410–411]. Возлагавший большие надежды на своего воспитанника, ученый пережил его безвременную кончину как личную трагедию.

Опыт либеральной педагогики остался незавершенным. А развитие событий в высшей школе убедило Стасюлевича в бесперспективности сосредоточения усилий исключительно на преподавательском поприще. В конце 1861 г., возмущенный действиями властей в связи со студенческими волнениями, Стасюлевич подал в отставку, а впоследствии основал журнал, ставший главным делом жизни и центром его издательского комплекса (одного из крупнейших в России) [8].

Издательский знак М.М.Стасюлевича

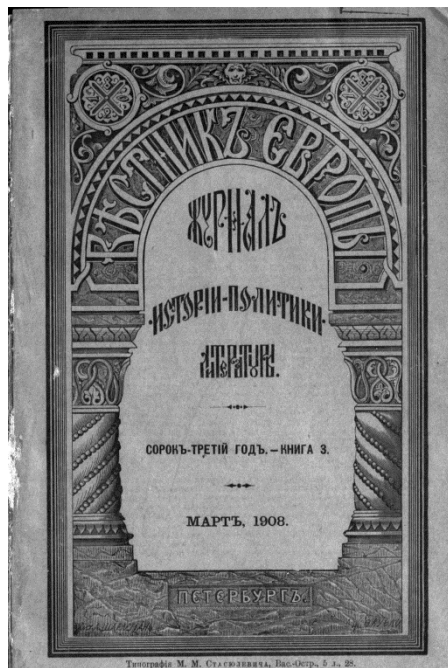

«Русская библиотека» М.М.Стасюлевича

Два «Вестника Европы»: утверждая ценности «срединной культуры»

Характерно название журнала Стасюлевича – «Вестник Европы». Он явился своего рода реинкарнацией одноименного издания, основанного в 1803 г. Н.М.Карамзиным. Руководимый в 1805–1830 гг. М.Т.Каченовским, «Вестник Европы» не только заложил традиции русских «толстых» журналов и обозначил «начало самосознания литературы и общества» [19, с.11]. Он стал первым в отечественной истории печатным органом, задуманным как пространство для спора, диалога. Пытаясь поддерживать и укоренять «ростки» новой для России «срединной культуры», редакция выступала против духа «партийности» в русской литературе. «Стоять и правду говорить» (Г.Р.Державин) – руководствуясь этим девизом, идеологи журнала фактически обосновывали мысль о модернизации России с учетом ее культурно-исторического своеобразия. Избрав для себя роль «третьей силы», они осуждали обе крайности – патриотизм, обратившийся в нетерпимость, и бесхарактерный космополитизм [2, с.174–175]. «Вестник Европы» первой трети XIX в. представляет интерес еще и как один из первых опытов создания нарождавшимся либеральным сообществом собственных «структур доверия», нацеленных на формирование в России общественного мнения и расширение сферы социального сплочения.

Очевидно «родство» «Вестника Европы» Стасюлевича с его предшественником и в программе издания (всесторонняя европеизация России, постепенная трансформация самодержавия в конституционном русле, объединение сторонников на основе широкой либерально-демократической платформы). «Труд, дело, знание» [3, с.VII–VIII] –

Обложка «Вестника Европы»

обозначив таким образом общественно-политическое направление своего «детища», редакция, возглавляемая Стасюлевичем, по сути, сразу заявила о собственной центристской позиции. Подобная трактовка не противоречит многочисленным отзывам современников. Они отмечали «безусловную порядочность» и «редкую терпимость» публикаций журнала, характеризуя его как издание, «наиболее глубоко понимающее значение культуры, наименее партийное» [5, с.215]. Не случайно поэтому «Вестник Европы» оказался привлекательным для целого «созвездия» научно-литературных сил России. Среди этих деятелей – один из организаторов ПДР М.М.Ковалевский (1851–1916) – историк и социолог с мировым именем. По словам Ковалевского, «любимцем Стасюлевича и всего кружка "Вестника Европы"» [10, с.173] был крупный мыслитель Вл.С.Соловьев (1853–1900). Разработчик «нравственной философии», он ввел понятие «нравственной экономики» [30].

«Вестник Европы», попав в резонанс с настроениями образованного русского общества, стал одним из самых долговечных изданий в истории российской прессы. Известный экономист А.И.Чупров (1842–1908), по своим взглядам близкий организаторам ПДР, назвал многолетнее руководство журналом гражданским подвигом Стасюлевича, поскольку «Вестнику Европы» «принадлежит честь политического воспитания нескольких поколений русской интеллигенции» [15, с.422]. В результате их усилий в России пореформенного периода обретала реальные очертания тонкая ткань общественного доверия либеральным идеям, ускорился процесс формирования либеральной субкультуры.

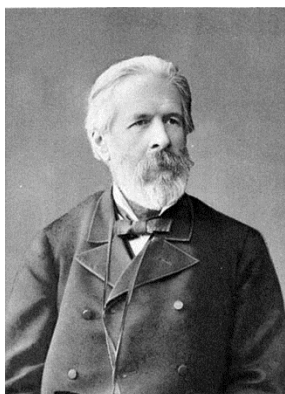
«Либерализм, истинный, непоколебимый, покупается дорогою ценою учения и трудов...»

Опыт Стасюлевича подтверждает известную истину о решающем влиянии авторитета конкретных людей, лидеров, на успех любого масштабного дела. Что касается са-

мого Стасюлевича, то современники не раз отмечали такие его «нравственные черты», как «неустанный труд, идеальная честность, беспримерная добросовестность, редкий такт, непоколебимая энергия ...закономерный порядок и при всем том безусловная скромность» [29, с.138]. «Либерализм, истинный, непоколебимый, покупается дорогою ценою учения и трудов, а не за стаканом вина» [14, с.283], – эти слова молодого Стасюлевича вполне можно было бы поставить эпиграфом не только к его судьбе, но и жизненному пути других «патриархов» рус-

ского либерализма, в 1905–1907 гг. выступивших особой шеренгой в качестве либералов-центристов.

Не намного моложе Стасюлевича – Д.В.Стасов (1828–1918). Выпускник Училища правоведения в Петербурге (1847), он служил в Герольдии Правительствующего сената, летом 1856 г. участвовал в коронации Александра II. С конца 1850-х гг. представитель известного семейства – в рядах оппозиции, выступал защитником на громких политических процессах. Александр II однажды выругался, сказав, что «плюнуть нельзя, чтобы не попасть в Стасова, везде он замешан» [32, с.701]. Важной сферой его самореализации как юриста и общественного деятеля стало участие в разработке реформы судопроизводства. Мнение Стасова было учтено в тексте Судебных уставов 1864 г. Один из основателей российской адвокатуры, он считал безусловно необходимым предъявление высоких моральных требований к ее представителям [12].

Стасов Д.В.

Арсеньев К.К.

Еще одним выразителем этического начала не только в адвокатуре, но и в политике был К.К.Арсеньев (1837–1919). Большую роль в формировании его либеральных убеждений сыграл не только отец, академик К.И.Арсеньев (1789–1865), в 1828–1837 гг. – наставник юного Александра II. Судьбоносной оказалась встреча (в 1858 г.) К.К.Арсеньева, выпускника (1855) Императорского училища правоведения, с Д.В.Стасовым. Подобно своему старшему товарищу, он тоже занял одно из первых мест в истории отечественной адвокатуры. Однако в 1874 г. Арсенев завершил адвокатскую деятельность, так как, по его словам, она «слишком располагает к некоторому формализму, то есть смешению правоты по закону с правотой в высшем смысле слова» [25, с.28]. В дальнейшем Арсенев сосредоточил свои усилия на общественном поприще.

Ближайший сподвижник Стасюлевича, Арсеньев оставался идеологом «Вестника Европы» на протяжении всей жизни журнала. По отзывам современников, он давал «руководящую нить» всем сторонникам освободительного движения: учил «корректному отношению к противнику, уважению к законности, нераздельному с критическим отношением к закону, участливому и вдумчивому отношению к явлениям общественной жизни, признанию необходимости серьезных, основательных знаний для суждения об этих явлениях» [25, с.28]. Вл.М.Гессен, характеризуя взгляды и общественный темперамент Арсеньева («апостола русского либерализма»), отмечал, что он никогда не сходил с «реальной почвы осязательного и возможного». Вместе с тем, подчеркивал Гессен, Арсеньев менее, чем кто-либо, заслужил упрек в «излишней умеренности», поскольку сквозными темами его публицистики всегда были «больные и проклятые» вопросы русской жизни, так и оставшиеся не решенными к 1917 г. [4, с.16–17]. Добавим от себя: наглядным подтверждением приведенного отклика может служить вышедший в свет в 1915 г. сборник статей Арсеньева, написанных «за четверть века», с 1871 по 1894 гг. [1] Показателен успех книги у читателей, под впечатлением которого автор весной 1917 г. обдумывал план переиздания сборника [25, д.40, лл.91–91об., 99об., 115].

«Добиваться конституции...» Членами редакционного круга «Вестника Европы» и близких по направлению изданий были и такие организаторы ПДР, как А.С.Посников (1845–1922) и И.И.Иванюков (1844–1912) – известные ученые-экономисты, публицисты. Их личностное и профессиональное становление также прошло «под знаком» Великих реформ. Усвоив передовой опыт западной общественной мысли и практики, они пошли своим путем. При этом Посников подчеркивал особую значимость для него российской традиции освободительного движения, связанной с именами А.Н.Радищева, декабристов, А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского [27]. Оба ученых получили известность как защитники общины от насильственного разрушения, пропагандисты артели и кооперации.

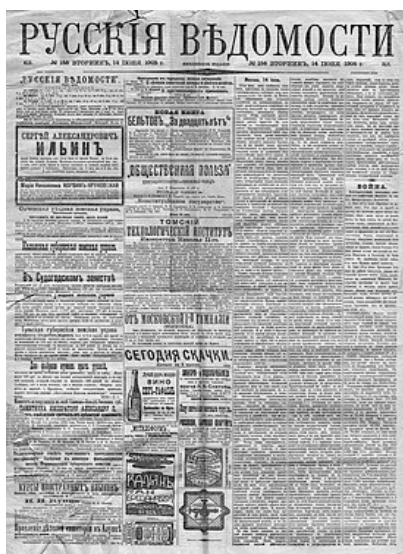
В 1875–1878 гг. Посников опубликовал труд об общинном землевладении [20] – первое научное исследование русской общины в том виде, в котором она сохранилась во 2-й пол. XIX в. Книга представляла собой «одно из самых крупных явлений в литературе, посвященной изучению

Посников А.С.

экономических условий русского крестьянства после отмены крепостного права», причем «доводы противников общины были впервые рассмотрены и опровергнуты при помощи строго научных приемов, на основании данных, собранных автором при тщательном изучении земельных отношений как в России, так и в Западной Европе» [27]. Мнение Посникова о судьбе общины оставалось авторитетным вплоть до 1917 г. Его труд явился стимулом для земских статистических исследований экономического положения русской деревни, а также активизации работы Русского географического и Вольного экономического обществ.

Основной вывод Посникова о жизнеспособности общинного землевладения был подтвержден в 1890-х гг. в ходе земской работы по оказанию агрономической помощи населению. Земская агрономия считала его «своим духовным отцом, своим идейным руководителем» [27].

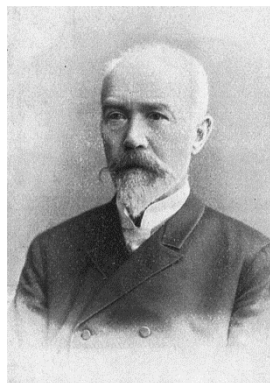

«Русские ведомости»

Посников-публицист сыграл во многом решающую роль в формировании умеренно-либерального направления «Русских ведомостей» и ее стиля – способности газеты, «высказываясь по вопросам весьма щекотливым», не впадать «в резкости и под спокойным по внешности академическим слогом проявлять искреннее и горячее отношение к делу» [7, с.XXX]. В начале 1870-х гг. он способствовал началу сотрудничества в «Русских ведомостях» В.М.Соболевского и А.И.Чупрова, впоследствии занявших ключевые позиции в редакции. «Добиваться конституции», – именно так еще в 1873 г. ими была определена цель газеты

[33]. Занимая в 1886–1896 гг. пост второго редактора газеты, Посников

привлек к работе в «Русских ведомостях» своих молодых соратников и учеников, будущих членов кадетской партии – М.Я.Герценштейна, Г.Б.Иоллоса, А.А.Мануилова, В.Е.Якушкина и др. В результате была обеспечена преемственность между основателями (в 1893 г.) Товарищества «Русских ведомостей» (среди которых, наряду с Посниковым, Соболевским и Чупровым, видное место занимал будущий организатор ПДР – В.Ю.Скалон) и новой редакцией.

Иванюков И.И.

Что касается Иванюкова, то он вошел в историю еще и как автор книги «Падение крепостного права в России» (1882), которая во многом определила основы отечественной историографии Крестьянской реформы 1861 г. В ней подчеркивалось, что крепостное право в России было отменено мирным путем, по доброй воле правительства и дворянства, побуждаемых к реформаторской деятельности передовой литературой и журналистикой. По мнению ученого, этот опыт подтверждал общую историческую закономерность – рост влияния «гуманно-прогрессивных, социально-реформаторских идей» на развитие общества. Иванюков отводил этому фактору решающую роль в будущем, полагая, что «элемент просвещенного наукою сознания» будет неуклонно и последовательно вытеснять «элемент борьбы в деле изменения социальных условий жизни» и способствовать установлению «солидарности и гармонии интересов людей». Иванюков, убежденный в том, что «люди гораздо лучше своих учреждений», обосновывал вывод о «благотворном влиянии привлечения общества к участию в общественных делах»: «Устраненное же от них, оно засыпает в бездействии, впадает в апатию, силы его не только пропадают даром, но и мельчают, что отражается на всех сторонах жизни: семейной, умственной, нравственной, экономической; словом, бюрократизм и ограничение деятельности общества узкою сферой домашних интересов неизбежно ведут за собою измельчение и опошление его. И кто говорит, что *самодетельность* общества и народа является полезною лишь по достижении нацией значительного развития цивилизации, тот или умышленно обманывает или совсем не знает истории» [6, с.50,111,113].

Оценивая экономические последствия Крестьянской реформы 1861 г., Иванюков признавал, что она во многом не удовлетворила воз-

лагавшихся на нее надежд и далеко не во всем соответствовала интересам крестьян. Однако огромное значение реформы исследователь видел в изменении ею «базиса государственного здания»: «Общественный быт, покоившийся на рабстве, заменился бытом, в основание которого положен принцип гражданской равноправности» [6, с.3]. Для Иванюкова было очевидным, что этот шаг приведет в будущем к «полному преобразованию государственного и социального быта России» [6, с.39]. В 1890 г. особый отдел Ученого комитета Министерства народного просвещения предписал изъять книгу из государственных библиотек.

**«За народное счастье,
за народные интересы...»**

Однако административный зажим проявлений свободомыслия был уже не способен воспрепятствовать усилению демократической направленности русского либерализма. В этом

сыграла роль, наряду с глубокими социокультурными сдвигами¹, смена общественных задач в пореформенный период: на место идеи борьбы за освобождение от крепостничества пришла идея борьбы «за народное счастье, за народные интересы, за экономическую свободу» [26, с.229]. Выразителем данной тенденции стала вышедшая на историческую сцену в пореформенный период новая когорта либералов в лице земских деятелей – гласных и представителей т.н. «третьего элемента», т.е. разночинной интеллигенции, служившей по найму в земских учреждениях (агрономы, статистики, техники, врачи, ветеринары, учителя, страховые агенты и др.). В результате сложилась ситуация, характеризовавшаяся отсутствием внутри оппозиции резкой границы между либерализмом и демократией, а консолидирующим началом становился протест против

¹ К концу XIX в. существенно увеличилось городское население (в Европейской России за 1863–1897 гг. оно почти удвоилось – с 6.1 млн. до 12 млн.), происходило усиление контактов крестьян с городом. Создание широкой сети земских школ привело к распространению грамотности в деревне. Впервые в России массовым стало такое явление, как «читатели из народа». Реформы 1860-х гг. резко активизировали и чтение образованной публики. О значительном увеличении читательской аудитории (к началу 1860-х гг. это не более 1 млн. чел., к концу XIX в. – 8–9 млн. чел., т.е. 6–7% населения), возникновении стабильного спроса на периодику и книги свидетельствовали такие показатели, как рост объемов издательской продукции, развитие коммерческого книгоиздания, сети книжной торговли, увеличение числа библиотек [23, с.17,23–25]. Данная ситуация позволила либеральному «активу» российской общественности значительно нарастить масштабы просветительской деятельности, активизировать популяризацию идей либерализма с целью привлечения сторонников в свои ряды.

гнета самодержавия, убеждение в том, что человек не может быть свободным в нищете и несправии.

В 1890-е гг. укрепление позиций земского либерализма происходило в тесном контакте деятелей местного самоуправления с традиционными выразителями либеральных идей – представителями научно-преподавательской среды, публицистами. Характерно, что целый ряд будущих идеологов и «активистов» ПДР и ПМО соединяли в себе перечисленные «ипостаси». Среди них – Арсеньев и Стасюлевич. Они сыграли важную роль в ускорении центристских процессов в либеральной среде. С 1870-х до начала 1900-х гг. на их частных квартирах сохранялась традиция «журфиксов» – неформальных встреч с разнообразным и текучим составом участников (профессура, адвокаты, земцы, писатели и театральные деятели, студенты и т.д.), в ходе которых выкристаллизовывались взгляды либеральной оппозиции, «вырастали» новые лидеры. В 1882 г. на страницах «Вестника Европы» Арсеньевым впервые была сформулирована «программа русских либералов» [1, с.84–109]. Вскоре в полемике с аксаковской «Русью», назвавшей идеологов журнала «легитимистами буржуазного общеевропейского либерализма», он отстаивал характерную особенность русского либерализма – сочетание стремления к политической свободе с глубокой и настойчивой проповедью социальных реформ: «Пусть нам укажут, в нашем ли журнале, в тех ли сферах, которые признаются к нему близкими, признаки тех тенденций, которыми характеризуется общеевропейский буржуазный либерализм. Пусть нам укажут статьи или речи, направленные в защиту имущественного ценза, неограниченных прав капитала или поземельной собственности, безусловного невмешательства власти в экономические вопросы, покровительства меньшинству в сфере земледелия или фабричного производства, в сфере финансовой, в сфере местного самоуправления. Стоять за Крестьянский поземельный банк, за налог на наследство, за дополнительное обложение крупной промышленности и торговли, за скорейшее введение прогрессивного подоходного налога, за радикальную реформу фабричного законодательства в смысле возможно большей охраны рабочих, за такое устройство местного самоуправления, которое не делало бы его монополией одного класса и не отдавало бы его в распоряжение "властной" помещичьей руки, за право законодательной власти... устанавливать, в видах общественной пользы, ограничения частной собственности, – значит ли это быть "легитимистом общеевропейского буржуазного либерализма"?» [4, с.15] Очевидно, что

«историческая справедливость требует поставить "Вестник Европы" в самое начало истории социального либерализма в России» [9, с.549].

**«Старые» либералы и новые
«вызовы»: в единении – сила!**

Ускорению процесса идейной и организационной мобилизации либеральной общественности способствовало ее участие в помощи голодающим в 1891–1892 гг. Несмотря на

противодействие властей, особую роль в решении продовольственного вопроса тогда сыграли земства, поддержанные либерально-демократическими кругами. Неофициальным центром помощи голодающим стала Москва, где сложилось тесное сотрудничество редакции газеты «Русские ведомости», Московского комитета грамотности и благотворителей, группировавшихся вокруг Л.Н.Толстого. Либералы продолжали держать ситуацию под контролем и впоследствии. В 1898 г., в связи с очередным масштабным голодом, Вольное экономическое общество учредило специальный

Комитет для оказания помощи пострадавшим от неурожая 1897 г.

В 1895–1905 гг. президентом Общества был граф П.А.Гейден (1840–1907) [37], один из лидеров «умеренных» земцев (в конце 1905 – начале 1906 г. – член ЦК «Союза 17 октября», затем – инициатор образования ПМО). Крупный землевладелец, он принадлежал к титулованной знати, имел связи в верхах. Именно под его руководством эта общественная организация, не потеряв своего научного «лица», превратилась в один из наиболее значительных центров русского либерализма конца XIX – начала XX вв. [34, с.119–122; 36, с.48].

Гейден П.А.

События «голодного года» радикализировали тактику либералов, а установление более тесных связей столичных деятелей с регионами способствовало консолидации либерального лагеря. Эти процессы развивались «по нарастающей» с 17 января 1895 г., когда взойшедший на престол Николай II назвал «бессмысленными мечтаниями» надежды

деятелей местного самоуправления на привлечение их к законодательной работе.

Насколько адекватными российским реалиям были устремления земцев? Дискуссии на эту тему не прекращаются и поныне. Вместе с тем в современной историографии прочные позиции занимает мнение о том, что «конституционная слепота» верховной власти стала одной из причин углубления кризиса империи и активизации освободительного движения: «Хотя основная масса тогдашнего населения России оставалась страшно отсталой, сравнительно с передовыми западноевропейскими странами, все-таки на российском дворе стояло уже не позднее средневековье, а Новое время и страна вполне могла бы опробовать конституционные формы, хотя бы аналогичные первым позднесредневековым английским и французским парламентам» [21, с.129–130].

Вскоре после упомянутой речи царя Арсеньев и Стасюлевич совместно со столичной интеллигенцией, группировавшейся вокруг журналов «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», выступили с инициативой создания «Земской Лиги» (или «Либеральной Лиги»), издания за границей ее органа – журнала «Свободное слово», а также подготовки адреса на имя Николая II с целью добиться от него созыва собрания земских представителей как единственного средства избежать революции. Группа организовала несколько совместных собраний, вела переписку с земствами, однако эта деятельность в 1890-е гг. успеха не имела. Вместе с тем задуманная тогда организация, по сути дела, стала предтечей «Беседы» (1899–1905) – старейшего в России протопартийного формирования [31, с.31]. Либералы круга «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» имели тесные связи с «собеседниками» – лидерами земского движения. Членами «Беседы», наряду с будущими кадетскими «вожаками», были те, кто возглавил позднее ПМО (гр. П.А.Гейден, Н.Н.Львов, М.А.Стахович, кн. Е.Н.Трубецкой, Д.Н.Шипов). По воспоминаниям В.А.Маклакова, «Беседа» «не потеряла еще веры во власть и была полна веры в русское общество». Она «как бы зафиксировала один из этапов в развитии русской общественности, когда эта общественность еще не забыла традиций 60-х годов, помнила о сотрудничестве "власти" и "общества" и готовилась именно к этому» [31, с.231].

Рубеж XIX–XX вв.:
либералы правые, левые,
«центр»

В 1902–1904 гг. «масла в огонь» настроений либеральной оппозиции подлила антиземская политика министра внутренних дел В.К.Плеве

(ограничение деятельности земских статистиков, репрессии в отношении ряда земств и т.д.). Ответной реакцией стали общероссийские съезды деятелей местного самоуправления, проходившие в 1902–1905 гг. и превратившиеся, по сути, в школу публичной политики. Земские съезды выявили сложившуюся уже к концу XIX в. трехчленную конфигурацию либерального лагеря (правые – центр – левые) [18, с.108].

Шипов Д.Н.

Правое крыло земского либерализма группировалось вокруг Московской губернской земской управы и ее председателя (в 1893–1904 гг.) Д.Н.Шипова. Его взгляды сформировались на почве православно-миропонимания и были близки славянофильству. «Русскому народу чуждо стремление к народовластию, и в нем очень сильна привязанность к идее самодержавия» [13, с.102–103], – заявлял он. Лидер правых земцев связывал осуществление «идеалов добра и правды» с совместной деятельностью наследственного монарха и Земского собора (законосовещательное народное представительство, формируемое из представителей земского и городского самоуправления). Сторонник

исключительно легальных методов разрешения политических и социальных конфликтов, Шипов призывал к поиску компромисса между властью и обществом. Он стал одним из идеологов «меньшинства земских съездов», стоявшего на позиции: «народу – мнение, правительству – власть». «Консерватизм, но с существенной "прививкой" идей либерализма» [22, с.13], – подобная оценка взглядов Шипова отражает его особое положение в либеральном движении. В конце 1905 г. он стал одним из основателей «Союза 17 октября», а вскоре – лидером ПМО.

Сохраняя позиции в общественном движении, «шиповцы» (сторонники «идеального самодержавия») на рубеже XIX–XX вв. уже представляли собой «уходящую натуру». Ускорение развития капитализма в России в 1890-е гг. требовало условий для формирования гражданского общества, усиления роли государства как гаранта обеспечения личных прав и свобод. Объективные потребности жизни выдвинули новых лидеров либерального движения. Они придали ему дополнительный импульс и сформировали его левый фланг.

Уже к концу XIX в. «костяк» левых либералов составили тверские земцы-конституционалисты. Отчаявшись уговорить царя пойти на проведение реформ и опасаясь, что «активно настроенные элементы общества уйдут в революцию», наиболее решительные вожди русского либерализма все больше убеждались в необходимости нелегальных действий. Они начали политическую борьбу за утверждение в России конституционной демократии в тесном союзе с представителями гуманитарной интеллигенции. По инициативе тверских либералов (Петрункевич, Родичев и др.) на частные пожертвования был создан журнал «Освобождение», издававшийся за границей в 1902–1905 гг. под руководством П.Б.Струве и нелегально распространявшийся в России. Издание настойчиво проводило мысль о необходимости реформ в интересах широких демократических слоев, которые рассматривались как «ударная сила» общественного движения. Журнал считал своей миссией сплочение всех прогрессивных сил на единой платформе. Однако уже к началу 1903 г. внутренние разногласия в кругах оппозиции убедили Струве в обреченности попыток «примирить всех». Члены редакторского круга «Освобождения» и их соратники летом 1904 г. создали нелегальный «Союз освобождения» (председатель Совета – И.И.Петрункевич, зам. председателя – Н.Ф.Анненский). Они взяли курс на образование либеральной организации с четко выраженными конституционными требованиями. В программе будущей партии предполагалось также сделать особый акцент на социально ориентированной программе (предложениях по решению рабочего и крестьянского вопросов).

В тесном контакте с «освобожденцами» действовали члены еще одного протопартийного объединения – полулегального «Союза земцев-конституционалистов» (Д.И.Шаховской, Ю.А.Новосильцев, князя Петр и Павел Д.Долгоруковы и др.), вышедшего на политическую сцену в ноябре 1903 г. Его целью было объединение сторонников конституции в земской среде. Несмотря на общие политические и организационные задачи обоих «Союзов», решительный настрой («надо бить в одно и то же место, пока не пробьем») и отсутствие жестких организационных «перегородок» между ними, «освобожденцы» гораздо быстрее утратили надежду на мирную трансформацию самодержавия. Они настаивали на созыве Учредительного собрания, которое должно было выработать и принять конституцию. Снятие основных программных и тактических разногласий между земцами-конституционалистами и «ядром» «Союза освобождения» летом 1905 г. открыло путь к их совместному участию в создании Конституционно-демократической партии.

«Срединное» положение между правыми и левыми либералами с конца XIX в. занимали деятели круга «Вестника Европы». На общероссийских совещаниях и съездах земских деятелей незаурядные лидерские качества демонстрировали Арсеньев, Ковалевский и их будущий соратник по ПДР – известный юрист и публицист В.Д.Кузьмин-Караваев (1859–1927). Отклик находили и выступления тех, кто вскоре нашел свое место в ПМО (П.А.Гейден, Н.Н.Львов, М.А.Стахович, Е.Н.Трубецкой). В ходе бурных дебатов проявлялась «особость» центристской позиции деятелей из упомянутых когорт, которая позднее обусловила их дистанцирование от кадетов и октябристов.

**Земские съезды:
контуры либерального
центра**

«Центристы» предпочитали исключительно деловое обсуждение вопросов, одинаково не приемля как митинговые настроения, так и излишне осторожную, по их мнению, тактику

Шипова. Проповедуемый ими принцип постепенности и последовательности преобразований не помешал им безоговорочно встать на сторону конституционного большинства съездов, окончательно размежевавшегося со «славянофильским» меньшинством в ноябре 1904 г. Примечательно, что незадолго до этого, 14 октября 1904 г., вопрос о созыве народного представительства был впервые поднят в русской легальной печати в передовой статье «Русских ведомостей» (автор – В.Ю.Скалон). Считая взгляды «неославянофилов» на политическую реформу безнадежно устаревшими, «центристы» разделяли убежденность соратников Шипова в важности морально-этической составляющей освободительной борьбы. Категорически осуждая революционное насилие (впрочем, как и административный произвол), они стремились удержать в рамках конституционных требований «левое» большинство съездов, убедить соратников в недопустимости сотрудничества с левыми радикалами.

**«Государство есть институт
правовой...»**

Лейтмотивом выступлений на съезде было признание «необходимости правового строя». «Государство есть институт правовой, а потому, кроме правовой идеи, оно ни на чем другом

не может и основываться», – разъяснял Кузьмин-Караваев. Он призывал «дать вполне определенный ответ» на вопрос об основах взаимодействия правительства и народного представительства. Ему вторил Гейден.

У ИСТОКОВ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРИЗМА В РОССИИ НАЧАЛА XX в.

«Сама власть не считается у нас с законами», – исходя из этого псковский земец считал «безусловно необходимым» участие в законодательной работе «народного представительства как особого выборного учреждения». Он подчеркивал, что, «пока не будет средств защищать права, все права будут на песке», а «Россия пойдет с неизбежностью к революции» [13, с.99]. Особый акцент был сделан Гейденем на критике утверждения Шипова «о возможности общения власти с народом на одних только нравственных основаниях». Сравнивая такое взаимодействие с отношениями «между господином и прислугой», будущий лидер ПМО заявлял: «Такого общения с властью нам совсем не нужно. Это единение всегда возможно лишь до определенного уровня; дальше этого следует неизбежно окрик». В конечном итоге он признавал абсолютную невозможность «основывать государственный идеал» на таком «печальном недоразумении», как славянофильство: «Если когда-нибудь единение народа с властью, как о том мечтают в сказках, и было возможно, то теперь, при сложности современных отношений, подобной возможности не существует. Перестановка понятий произошла коренная. Мы хотим прав и отношений к нам, как к обладателям таковых, а не случайной милости в зависимости от случайных настроений» [13, с.106–107].

Земский съезд. 1905 г.

Многоопытные общественные деятели, «центристы» предвидели немалые трудности на пути становления народного представительства в России. Очевидным для них было отсутствие в обществе (причем не только в народной массе) должного уровня правосознания. Признавая, что распространение грамотности, печать, участие в местном самоуправлении – все это способствовало умственному развитию русской деревни, Гейден призывал земцев не преувеличивать «сознательное отношение» крестьян к общественным вопросам. «Пока крестьяне будут говорить о мужицких интересах, надо признать их еще не доросшими до понимания политических прав», – подчеркивал он. Кроме того, Гейден обращал внимание на стремительный рост влияния в стране «партии» сторонников социального переворота. По его мнению, это неизбежно должно было определить радикальный уклон будущего народного представительства, а потому Гейден считал неприемлемым предложение Шипова оставить за самим народом «последнее слово» в решении проблемы «быть или нет правовому строю в России» [13, с.115].

Разделяя опасения своего давнего соратника, Арсеньев констатировал отсутствие основ политической культуры и государственного мышления и среди участников форума. Одно из препятствий на пути совершенствования государственного строя он видел в проявлениях на съезде излишне радикального, по его мнению, настроения. Предложение левых земцев о «безусловной необходимости передачи законодательной власти и бюджетного права, а также и контроля над управлением народному представительству» Арсеньев характеризовал как идущее «дальше конституционных требований» и чуть ли ни призыв к Учредительному собранию. «Конституция вовсе не предполагает передачи власти народу, а лишь привлечение его к участию во власти», – подчеркивал он [13, с.101–102,113].

**«Соблюсти меру и не потерять
настойчивость...»**

Общество должно считаться с верховной властью и взаимодействовать с ней, – эта мысль звучала рефреном в выступлениях «центристов». Смягчить неизбежное на подъеме освободительного движения столкновение двух начал – свободы и авторитета власти (как «двуединой основы общественной жизни») – такую задачу ставил Н.Н.Львов перед здравомыслящими общественными силами. Ее успешное решение он связывал с тем, насколько смогут соратники преодолеть высокую «планку» требований, предъявляемых к ним «всем

смыслом совершающегося вокруг», а именно – проявить умение «соблюсти меру и не потерять настойчивость, хранить мужество перед властью и мужество своих убеждений среди раздраженного и оскорбленного общества... побороть в самих себе чувство раздражения и негодования, вызванное несправедливостью... сломить укоренившееся недоверие и отношение к власти, как к неумолимой стихийной силе, не подлежащей воздействию разума».

Призывая деятелей «умеренного» направления проникнуться чувством исторической ответственности за судьбу страны, Львов заявлял: «Никто, кроме нас, не может взять на себя предстоящую задачу. Сегодня должны мы встать на работу, иначе завтра совершат ее другие иными орудиями и для иной цели. За нами нет грозных народных сил, нет могущественной поддержки влиятельных общественных классов, но за нами – неумолимая логика событий. ... Этого требует благо России» [13, с.112].

«Революция должна быть сверху, а не снизу»

«Взаимное трение должно разрешиться не путем насилия, а путем разумного отношения к делу», – Львов предложил участникам съезда, руководствуясь таким подходом,

«прямо и определенно высказать свое мнение верховной власти», при этом, однако, «ограничиться лишь просьбой, а не предъявлением требований, на осуществление которых помимо самой власти, ввиду все еще сильного авторитета этой власти, нет никаких надежд» [13, с.107–108]. В поддержку этого мнения выступил Гейден. Он выразил надежду единомышленников на то, что верховная власть, по примеру Александра II, сама придет к заключению о том, что «революция должна быть сверху, а не снизу» и «сама может даровать стране права, требуемые обществом» [13, с.115].

Деятели «середины» были настроены оптимистично, надеясь быть услышанными верховной властью и обществом. Стремясь приободрить участников съезда, сомневавшихся в возможности сплоченных действий оппозиции, Гейден обращал внимание на позитивную сторону дискуссий: «Где нет надежды на перемену взглядов, там полный застой» [13, с.106]².

² П.А.Гейден выражал уверенность в том, что и Шипов рано или поздно вынужден будет признать свои заблуждения по поводу оценок самодержавия, общинного строя: «Само-

Под напором массового движения власть вынуждена была пойти на уступки. 6 августа 1905 г. был опубликован Манифест об учреждении Государственной думы, наделенной законосовещательными функциями (т.н. «бульгинской»). Однако в этом случае нельзя сбрасывать со счетов и определенного влияния на «верхи» акций умеренных прогрессистов (хотя и среди современников, и в советской историографии было принято делать акцент на крахе предпринятых ими попыток «мирного обновления»). Особое место в ряду подобных событий занимает непосредственное обращение к Николаю II «депутации» майского съезда (1905 г.) с петицией, в которой содержался призыв к немедленному созыву собрания народных представителей. Среди авторитетных земцев, встретившихся с царем в Петергофе 6 июня 1905 г., были П.А.Гейден, Н.Н.Львов, Д.Н.Шипов. Переполох в «верхах» вызвали попытки, предпринятые в том же направлении московским городским головой кн. В.М.Голицыным³. В конце 1904 г. и летом 1905 г. (соответственно, по поручению Московской думы, а затем – участников общероссийского съезда городских деятелей в июне 1905 г., где он был избран председателем) Голицын представил пожелания общественности в правительство и на «высочайшее Государя императора благовоззрение».

Путем «открытого обсуждения вопросов на почве законных актов»

Наряду с упомянутой тактикой «центристы», близкие к левому большинству съездов, предлагали использовать и более радикальные способы, находившиеся, по сути, на грани законности. Так, с «благословения» Кузьмина-Караваева как юриста, уверившего земцев в легальности меры, общероссийский съезд земских и городских деятелей (6–8 июля 1905 г.) принял решение обратиться к народу с воззванием о необходимости созыва «истинного народного представительства, путем всеобщей подачи голосов» [13, с.302], и рас-

державие как форма правления было прежде не в одной России, и везде, пока оно существовало, высказывались приблизительно те же взгляды на отношение к нему народа. Однако почти везде оно уступило место другим правовым формам и народ расстался с нею без особых сожалений. Община никаких моментов любви в себе не заключает; напротив, особенно за последнее время, в ней сказываются очень сильно индивидуалистические течения. К тому же Россия состоит не из одних великороссов, у которых преобладает общинный строй», – приводит Гейден неопровержимые, на его взгляд, аргументы против «славянофильской теории» [13, с.106].

³ Голицын В.М. (1847–1932) – московский вице-губернатор (1883–1887), губернатор (1887–1891), городской голова (1897–1905). В начале 1906 г. был избран президентом московского Клуба независимых, близкого к ПМО.

пространять этот документ через «местных людей», т.е. земства и городские Думы. Кузьмин-Караваев считал воззвание («profession de foi нашего съезда») не «вступлением на новый путь», а продолжением традиции земцев – «открытого обсуждения вопросов на почве законных актов»: «Мы не можем делать различия между обществом и народом, а к обществу мы обращались и раньше» [13, с.285]. Вместе с тем Кузьмин-Караваев выразил сомнение по поводу решения съезда о необходимости (с целью «организации общественного мнения») проведения в течение июля по всей стране многолюдных митингов с критикой проекта «булыгинской» Думы. «Мы не агитаторы», – подчеркнул он. Тогда же Кузьмин-Караваев и Арсеньев выступили против бойкота выборов в эту Думу. В деле государственного строительства нельзя стоять только «на почве отвлеченного идеализма», так как «есть еще соображения политики» [13, с.269], – разъяснял Кузьмин-Караваев. «Как ни плоха и в особенности как ни запоздала булыгинская "конституция", все же это шаг вперед... – делился Арсеньев своими мыслями в письме к Д.В.Стасову. – Ожидания мои вовсе не розовые, но я не теряю надежду, что, по выражению Л.Толстого, все образуется» [35, с.541].

Что касается будущих лидеров ПМО, то они составили меньшинство съезда, считая неуместным воззвание к народу. По словам М.А.Стаховича, заслуга съезда состояла в работе «чисто моральным путем», которую следовало продолжать, заботясь, прежде всего, о сохранении связи между съездом (а в перспективе – проектируемой им политической партией) и «земскими учреждениями на местах» [13, с.284].

Присвоить будущей партии название «земской»

С ним был солидарен и Гейден. На съезде «Союза земцев-конституционалистов» (9–10 июля 1905 г.) он предложил в знак признания заслуг земства «присвоить будущей конституционно-демократической партии название "земской"». «Нашим первым принципом должно быть сознание, что все имеют право жить и дышать, а потому богатый должен помнить об униженном и оскорбленном. Пусть это делается основной целью нашей партии» [13, с.344], – провозглашал Гейден. Признавая своевременность образования партии, он полагал, что не следует искусственно ускорять этот процесс.

Соратником Гейдена выступил тогда Е.Н.Трубецкой. Наперекор мнению большинства съезда он призывал сохранить либерально-

земское движение как «союз конституционалистов самых различных оттенков», объединенный «широким лозунгом» всеобщего избирательного права и требованием законодательного характера будущего народного представительства, до тех пор, «пока мы не добьемся конституционного строя, пока у нас есть общий враг». Исходя из этого, Трубецкой считал целесообразным отложить на время детализацию либеральной программы, сосредоточившись на текущей повестке дня [13, с.357, 362]⁴.

Позиция «меньшинства», озвученная Гейденом и Трубецким, была критически воспринята участниками собрания, уверенными в том, что основной партийный документ должен быть «детально и реалистически» разработан и включать в себя не только политический раздел, но и широкий блок социально-экономических требований. Что касается «робких партий», подобных «партии Гейдена», чьи программы состоят из «общих мест», то они обречены на бездеятельность, так как никого не могут удовлетворить, – считал, в частности, А.А.Мануилов [13, с.344]. В результате съезд принял постановление об образовании Конституционно-демократической партии, имеющей «полную и цельную программу со включением в нее положений по экономическим, финансовым, областным и национальным вопросам» (конституирование этой партии завершилось на ее учредительном съезде в октябре 1905 г.).

«Высшее проявление свободы есть уравниленность» На съезде был озвучен еще один «символ веры» идеологов либералов-центристов, продекларированный ими вместе с другими «старо-земцами» на страницах журнала

«Освобождение» в 1902 г. Это приверженность тактике исключительно легальной деятельности, категорическое неприятие «всякого насилия, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу» [17, с.30]. Свою позицию они проявляли не только на словах. Так, 8 января 1905 г. Арсеньев участвовал в депутации петербургской общественности к министру внутренних дел князю П.Д.Святополк-Мирскому и председателю Комитета министров С.Ю.Витте с целью предотвратить столкновение народа с войсками. Он тяжело переживал неудачу этой акции и последовавший

⁴ *Такую же позицию заняли Арсеньев и Кузьмин-Караваев еще на земском съезде в ноябре 1904 г. Они полагают, что документы форума должны быть «общие, свободны от деталей», поскольку тогда, по их мнению, предстояло определить лишь «основы конституционного строя», т.е. «общие условия, необходимые для правильного развития нашей государственной и общественной жизни» [13, с.102].*

9 января 1905 г. расстрел мирной демонстрации («Кровавое воскресенье»). В ночь на 11 января 1905 г. вместе с другими членами депутации Арсеньев был арестован, но сразу же освобожден «по возрасту».

Не оставляя надежды на перемены к лучшему, Арсеньев и Стасюлевич, по приглашению С.Ю.Витте, в феврале 1905 г. вошли в состав Особого совещания для подготовки нового Устава о печати. Они выступили против призыва группы петербургских литераторов ограничить работу совещания «категорическим заявлением о несовместимости существующего строя с истинною свободою печатного слова». Радикальный настрой коллег расценивался ими как «нарушение долга перед русской литературой». Оба идеолога «Вестника Европы» вошли также в состав подготовительной комиссии Петербургской городской думы, образованной 9 марта 1905 г. для разработки «предположений по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [25, с.31].

По мере углубления политического кризиса либералы-центристы последовательно выступали с осуждением революционного насилия. На съезде «Союза земцев-конституционалистов» в июле 1905 г. они разошлись по этому вопросу с мнением большинства, выраженным П.Н.Милюковым и его соратниками. «Если члены вашей группы настолько щекотливо относятся к физическим средствам борьбы, то я боюсь, что ваши планы об организации партии в партийно-политической работе окажутся бесплодными. Ведь трудно рассчитывать на мирное разрешение назревших вопросов государственного переустройства, в то время как кругом происходит революция, – откровенно (и не без иронии) заявлял Милюков. – Или, может быть, вы при этом рассчитываете на чужую физическую силу, надеясь в душе на известный исход, но не желая лично участвовать в актах физического воздействия?» Будущий лидер кадетов называл позицию «меньшинства» «лицемерной» и «граждански недобросовестной». Однако его оппоненты не приняли обвинений в свой адрес, а Союз Союзов, к сотрудничеству с которым призывал Милюков, характеризовали как безусловно «революционную организацию» [13, с.366–368].

Отвечая на «выпад» Милюкова, обращенный к противникам тактической «всеядности», Гейден выражал мнение последних – своих единомышленников. Он подчеркивал, что признает акты террора, направленные против представителей власти, «отплатой за народное горе». «Я это понимаю и потому не назову террориста убийцей», – разъяснял он. В то же время известный земец не сомневался в том, что террористом

«руководит ложное чувство, так как на народное горе должны отвечать массовые народные восстания, а не личные насилия». В завершение своей речи Гейден заявил: «Я понимаю террориста, но не сочувствую ему... Я считаю, что высшее проявление свободы есть уравновешенность, а потому никогда и ни при каких обстоятельствах не следует переходить известные границы». Возвращаясь не раз к этой теме, Гейден озвучил свое кредо: «Я убежденный конституционалист, но никогда не прибегну к агрессивным насильственным действиям». Подчеркивая «обязательность нравственных начал», он утверждал, что «в политике нравственно, обязательно или преступно то же, что и в частной жизни», и фактически предсказал свою политическую судьбу – эволюцию от «Союза 17 октября» к ПМО: «Если известный кружок пойдет в своей деятельности далее пределов, допустимых моей совестью, то я не останусь в нем» [13, с.369].

Несмотря на разногласия среди либералов, приближение выборов в Государственную думу стимулировало процесс их консолидации. Обсуждение тезисов общей предвыборной платформы, в основу которой были положены главные пункты программы «Союза освобождения», принятой в марте 1905 г., стало центральным событием общероссийского съезда земских и городских деятелей (12–15 сентября 1905 г., Москва). Председательствовал на его заседаниях Гейден. В списке центрального избирательного комитета оказались имена не только будущих кадетских лидеров (П.Н.Миллюков, В.Д.Набоков, Ф.И.Родичев, С.А.Муромцев и др.), но и организаторов либерального «центра» (Гейден, Арсеньев, Кузьмин-Караваев, Ковалевский) [13, с.394].

«Манифест 17 октября 1905 г.», с ликованием встреченный в либеральном лагере как фактически дарованная России конституция, дал старт «разбеганию» либералов по партийным «квартирам». Однако либералы-центристы не собирались сдавать свои позиции и на этот раз. В их авангарде оказались организаторы ПДР – «патриархи» русского либерализма из числа деятелей «Вестника Европы». «Шестидесятники» по своим убеждениям, они продолжали выступать последовательными хранителями заветов преобразований 1860-х – начала 1870-х гг. Они верили в то, что опыт Великих реформ Александра II, воплотивший, по их убеждению, лучшие российские традиции государственной политики мог и спустя несколько десятилетий послужить основой для нового компромисса власти и общества в деле «мирного обновления» России с учетом ее исторического своеобразия. Идеологи «Вестника Европы» и их соратники, разработавшие основы программы и тактики русских

либералов, занимавшие лидерские позиции на всех этапах становления либерального движения в пореформенный период, стремились и впредь направлять это движение, не допуская забвения его участниками морально-нравственных ориентиров, начал «прогресса и гуманности», ценностей культуры. Земский опыт убеждал их в эффективности сплоченных действий «широким фронтом». Сыграв роль связующего звена между разными поколениями русских либералов, идеологи «Вестника Европы» рассчитывали на то, что на новом этапе их политическая организация сможет стать платформой для объединения всех сторонников прогресса (как партийных, так и беспартийных).

Библиографический список

1. Арсеньев К.К. За четверть века (1871–94): Сборник статей. Пг.: Тип. М.Стасюлевича, 1915. 615 с.
2. Вестник Европы. 1812. №3.
3. Вестник Европы. 1867. №12.
4. Гессен Вл. К.К. Арсеньев как публицист // Русская мысль. 1917. №2. С.14–17.
5. Горький Максим. Собрание сочинений: [в 30 т.]. Т.29. Письма, телеграммы, надписи. 1907–1926. М.: Гослитиздат, 1954. 672 с.
6. Иванюков И.И. Падение крепостного права в России. СПб.: Типография А.А.Краевского, 1882. 404 с.
7. Каблуков Н.А. Александр Иванович Чупров: биографический очерк // Чупров А.И. Речи и статьи: [в 3 т.]. Т.1: Политическая экономия. – Статистика. – Народное образование. – Рецензии и некрологи. М.: М. и С.Сабашниковы, 1909. С.ХIII–XLIII.
8. Кельнер В.Е. Человек своего времени (М.М.Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1993. 316 с.
9. Китаев В.А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е гг.) // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.531–549.
10. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 784 с.
11. Корсаков Д.А. К.Д.Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887. №2. С.608–645.
12. Легкий Д.М. Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 422 с.
13. Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 648 с.
14. М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К.Лемке: [в 5 т.]. Т.1. СПб.: Тип. М.Стасюлевича, 1911. 571 с.
15. М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К.Лемке: [в 5 т.]. Т.5. СПб.: Тип. М.Стасюлевича, 1913. 525 с.

16. Мурашева Е.В. Центризм как общественно-политическое явление. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 311 с.
17. Освобождение. 1902. №2.
18. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. 288 с.
19. Поплавская И.А. Эволюция литературной критики в журнале «Вестник Европы» // Проблемы литературных жанров. Материалы VII научной межвузовской конференции 4–7 мая 1992 г. / Под ред. Ф.З.Кануновой и др. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. С.10–12.
20. Посников А.С. Общинное землевладение: [вып. 1-2]. Вып.1. Б.м. Б.г. 166 с.; вып.2. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1878. 224 с.
21. Пустарнаков В.Ф. Либерализм в России. Казань: Печатный двор, 2002. 195 с.
22. Пустарнаков В.Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX в.: различия и сходства // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С.11–29.
23. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 447 с.
24. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.40. Оп.1.
25. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв.ред. В.В.Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 1087 с.
26. Рубакин Н.А. Среди книг: Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Справочное пособие для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов [в 3 т.]. Т.1. М.: Наука, 1911. 424 с.
27. Русские ведомости. 1915. 15 декабря. №287.
28. Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М.: Высшая школа, 1993. 254 с.
29. Семенов Д.Д. Очерк общественно-просветительной деятельности Михаила Матвеевича Стасюлевича (По поводу пятидесятилетия его общественной, литературной и научной деятельности) // Вестник воспитания. 1897. №7. С.132–139.
30. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 648 с.
31. Соловьев К.А. Круг «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 287 с.
32. Стасова Е.Д. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат / [Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ред. Ю.Ю.Фигатнер]. [Репринт.изд.]. М.: Советская энциклопедия, 1989. С.700–704.
33. Таймасова Я.В. Либералы «Русских ведомостей» в конце 1860–начале 1880-х гг.: формирование общественно-политической программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2016. №4. С.145–154.
34. Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг.: монография. М.: Проспект, 2019. 480 с.

У ИСТОКОВ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРИЗМА В РОССИИ НАЧАЛА XX в.

35. Хайлова Н.Б. Константин Константинович Арсеньев: «Свобода печати, свобода совести и личная неприкосновенность: вот три блага, потребность в которых чувствуется все больше...» // Российский либерализм: идеи и люди / 3-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А.Кара-Мурзы [в 2 т.]. Т.1: XVIII–XIX века. М.: Новое издательство, 2018. С.528–569.

36. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М.: Наука, 1985. 347 с.

37. Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма: граф Петр Александрович Гейден. М.: Изд-во ООО «Премьер Пресс», 2007. 255 с.

38. Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 503 с.

Кирилл Шапошников

**«ПЛАМЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»
АЛЕКСАНДР ЦЫТОВИЧ
И АННА ТАРЕЛКИНА.**

**ПУТЬ ОТ ИРКУТСКА
ДО МАРСЕЛЯ¹**

ЛЮДИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

323(092)+329(571.53)

На основании широкого круга архивных документов реконструированы биографии сибирских «пламенных революционеров» – Александра Васильевича Цытовича (1873–1942) и его жены – Анны Павловны, урожд. Тарелкиной (1879 – после 1957), активных участников иркутского социал-демократического подполья 1904–1912 гг., затем – политических эмигрантов. Представлены сведения о деятельности А.В.Цытовича после возвращения в Советскую Россию в 1919 г., о его работе на посту директора Библиотеки Государственного исторического музея (1929–1933 гг.).

Based on a wide range of archival documents, the biographies of Siberian “fiery revolutionaries” – Alexander Vasilievich Tsytovich (1873–1942) and his wife – Anna Pavlovna, nee Tarelkina (1879 – after 1957), active participants in the Irkutsk Social Democratic underground of 1904–1912, then – of political emigrants. Information is presented on the activities of A.V.Tsytovich after returning to Soviet Russia in 1919, on his work as director of the Library of the State Historical Museum (1929–1933).

Ключевые слова: Иркутская организация РСДРП; нелегальная большевистская печать; Иркутское охранное отделение; русская политическая эмиграция во Франции; Библиотека Государственного исторического музея; архивные документы; Цытович Александр Васильевич; Цытович (Тарелкина) Анна Павловна.

Key words: Irkutsk organization of the RSDLP; illegal Bolshevik press; Irkutsk security department; Russian political emigration in France; Library of the State Historical Museum; archival documents; Tsytovich Alexander Vasilievich; Tsytovich (Tarelkina) Anna Pavlovna.

E-mail: shap@shpl.ru

¹ Автор благодарит хранителя Научно-ведомственного архива ОПИ ГИМ И.В.Клюшкину за оказанную помощь при выявлении материалов для настоящей публикации.

Партийная кличка – «Дядя» Александр Васильевич Цытович² родился 4 апреля 1873 г. в селе Любашково Витебской губ. в семье сельского священника, белорус. Его отец, иерей Василий Иоаннович Цытович (ок. 1839–1929) был настоятелем деревянного храма Николая Чудотворца, построенного в 1869 г. В.И.Цытович служил в храме до 84-летнего возраста, с 1923 г. жил на иждивении детей.

Александр Цытович окончил Витебскую духовную семинарию, но от духовной карьеры отказался. Сведения о его жизни с момента окончания семинарии и до 1900 г., когда он поступил на службу бухгалтером в Иркутское отделение Государственного банка, пока не обнаружены. С 1904 г. Цытович примкнул к Иркутской социал-демократической организации. По данным Иркутского жандармского управления, «был застигнут на сходке, переписанной³ 18 октября 1905 года в клубе Общества приказчиков, где были обнаружены, в изорванном виде, прокламации и оружие. Затем он присутствовал на сходке местной организации РСДРП, застигнутой в ночь на 1-е января 1906 года на Детской площадке⁴, почему подвергся тюремному заключению в административном порядке на один месяц» [2, л.3 об.]. Александр Цытович, имевший партийную кличку «Дядя», играл не последнюю роль в Иркутской организации РСДРП: имея опыт бухгалтерской работы, он выполнял функции партийного кассира [17]. О его активной революционной деятельности свидетельствуют материалы обнаруженного в ГА РФ «Дела об А.Тарелкиной и др., привлекавшихся к дознанию за обнаруженную типографию и прокламации Иркутского комитета РСДРП в г. Иркутске в октябре 1907 г.» [1].

Основной фигурант дела – Анна Павловна Тарелкина (1879 – после 1957), в то время невеста А.В.Цытовича, давно была под наблюдением Иркутского охранного отделения. Начальник Иркутского охранного отделения 23 января 1907 г. сообщал: «По данным агентуры, Тарелкина принимает живое участие в делах местной организации социал-демократов и в прежней квартире ее (по Русиновской улице) происходи-

² В ряде архивных документов А.В.Цытович называется Цитовичем. В настоящей статье использован вариант написания фамилии, применявшийся самим А.В.Цытовичем, за исключением заголовков архивных дел из описей.

³ Так в документе.

⁴ Об аресте участников собрания в школе на Детской площадке в Иркутске см. [19].

ли в ноябре минувшего года районные собрания членов сказанной организации» [6, л.82].

**«Лицо продолговатое,
цвет кожи белый...»**

Анна Тарелкина родилась 4 июня 1879 г. в с. Тельма Иркутской губернии, дочь священника. Имела брата Василия (в 1903 г. ему было 26 лет), священника с. Хайхты Иркутской губернии, и 3 сестер – Ольгу (36 лет), жену священника Гагарина, Евдокию (28 лет) и Марию (26 лет), вышедших замуж за священников и вскоре овдовевших. Анна после окончания в 1896 г. курса Иркутского училища для девиц духовного звания работала сельской учительницей в Иркутской губ. В 1902 г. поступила на курсы проф. Лесгафта в Санкт-Петербурге. Оказавшись в столице, Анна окунулась в атмосферу революционной пропаганды. Вскоре она была привлечена в качестве обвиняемой по делу о «Рабочей организации Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Во время обыска 4 февраля 1903 г. у нее были обнаружены «преступный журнал "Жизнь" №№1 и 5 и "Письмо к товарищам-пропагандистам" издания Заграничной лиги русских революционных социал-демократов» [3, л.3 об]. При допросах «не указала личность, от которой она получила означенные преступные издания» [3, л.7]. Сохранилось описание особых примет Тарелкиной, составленное в Санкт-Петербурге: «Волосы русые, курчавые. Глаза серые, средней величины. Зрение плохое, страдает близорукостью, носит очки. Лицо продолговатое, цвет кожи белый. Лоб большой обыкновенный. Нос небольшой прямой. Характер голоса спокойный. Походка обыкновенная» [3, л.5–5 об.].

Анна Тарелкина.
Иркутск, 1907 г.

После двухмесячного содержания в Доме предварительного заключения в апреле 1903 г. А.П.Тарелкина была выслана в Иркутск под особый надзор полиции.

Вот как вспоминала о ней Мария Константиновна Одинцова (урожд. Турицына, 1884–1972), участница иркутского социал-демократического подполья, впоследствии – иркутский историк:

«Анна Павловна была девушка высокого роста, стройная, с голубыми глазами, правильными чертами лица, светлая шатенка. Волосы у нее были слегка вьющиеся и образовывали на голове красивую шапку. Характер у нее был спокойный, была правдива, неболтлива. Голос у нее был невысокий <...> Иркутский комитет РСДРП <...> назначил собрание под предлогом встречи Нового года в доме на Детской площадке. На Детской площадке собралось много народа, были доклады и прочее. В 11 часов вечера дом был окружен жандармами и полицейскими. Все были арестованы и отведены в Иркутскую тюрьму (сначала в каторжный пересыльный корпус, деревянный барак, а потом в центральную каменную тюрьму). Было арестовано свыше 230 человек. Женщин было меньше. Я и Анна Павловна попали в одну камеру. Нас там было человек 15–16. Большая часть была арестована на 1 месяц, меньше – на 2 месяца, еще меньше на 3 месяца... По выходе из тюрьмы Анна Павловна стала жить вместе с нами в доме купца Фоминского <...> Иногда Анна Павловна приносила новые номера подпольных газет "Искра", "Вперед". Мы читали обычно вслух, втроем: я, Анна Павловна и еще одна девушка (фамилии я не помню). Надо сказать, что мы не очень хорошо разбирались в тонкостях спора между большевиками и меньшевиками... Однажды Анна Павловна принесла что-то плоское, завернутое в бумагу – не то блюдо, не то небольшой поднос. Когда развернули, то оказался небольшой металлический подносик, в который налито что-то вроде желе, только более твердое. Это оказался гектограф. Надо было отпечатать прокламации. Анна Павловна приложила отпечатанную на машинке химическими чернилами (может написанную от руки, не помню) листовку на гектограф. Получился отпечаток. Провела по нему валиком, сняла лист, подала мне, я положила для просушки на стол. Так она отпечатала штук 100, потом мы их свернули, положили в сумочку, и я их отнесла по указанному адресу, с определенными словами. А Анна Павловна унесла гектограф, откуда взяла. Подробностей, фамилии, адресов не было принято сообщать» [18].

Иркутское охранное отделение полагало, что допущение на железнодорожную службу А.П.Тарелкиной, как подвергнутой административному взысканию за участие в сходке, устроенной в ночь на 1-е января 1906 г. на Детской площадке, нежелательно [3, л.20 об].

**«... Обратила свою квартиру
в явочный пункт...»**

В январе 1907 г. Иркутским охран-
ным отделением «были собраны
сведения, что <...> Анна Павловна
Тарелкина приняла деятельное уча-
стие в РСДРП. Состоя членом мест-

ного комитета партии, она обратила свою квартиру в явочный пункт для местных и иногородных членов партии; близко состоя к тайной типографии сообщества и члену его Алекс. В.Цытовичу, она снабжала членов организации партийной литературой и прокламациями» [6, л.24]. На «деятельность и сношения» Тарелкиной было обращено особое внимание, но «наружное наблюдение за нею не дало почти никаких результатов, установив лишь связь ее с известными Отделению лицами, примыкающими к местной организации социал-демократов. Агентурным же путем была выяснена связь Анны Тарелкиной с известным отделению, служащим в Иркутском отделении Государственного банка Александром Васильевым Цытовичем...» [1, л.2 –2об.].

При расследовании дела об экспроприации, «имевшей место 28 августа 1907 г. ... на железной дороге близ г. Томска, начальник Томского губернского жандармского управления путем секретных агентурных сведений получил указания, что во дворе дома Юртиной, около амбара, зарыт типографский шрифт и оболочка бомбы...» [6, л.24].

Днем 14 октября 1907 г. в доме Юртиных был проведен обыск, давший следующие результаты: «...во дворе, в погребке, в коем были запасы овощей, принадлежащие квартиранту дома Юртиных, иркутскому мещанину Владимиру Васильеву Батурину, найдена корзина с 7 кассами с типографским шрифтом и другие типографские принадлежности; под половицами возле амбаров найден типографский вал и значительное количество изданий Иркутского комитета РСДРП, как, например: свыше 1500 экземпляров "Летучего листка" №№4 и 5, некоторое количество воззваний под заглавием "К избирателям" с датой 24 июля 1907 г., печатные денежные отчеты означенного Комитета за июнь, июль месяцы 1907 г. и проч.; во дворе дома Юртиных вырыта также из земли чугунная оболочка метательной бомбы» [1, л.2 об.].

Укушенный жандарм

Как сообщали полицейские чины,
«наибольшие результаты дал обыск у
Цытовича, который в момент личного
осмотра оказывал сопротивление
чинам полиции, пытался изорвать

какие-то заметки, когда же один из жандармских унтер-офицеров хотел помешать ему, то Цытович укусил его за палец. Изорванная записка, при переноске вещественных доказательств была утеряна. Из сохранившихся вещей у Цытовича оказались отобранными: подписной лист Иркутского комитета РСДРП, рукописный денежный отчет той же организации за август 1907 г. и записка о передаче через Войтовецкого или Доброхотова какого-то агитационного письма уголовным арестантам» [6, л.25]. Из протокола осмотра известно, что у Цытовича была обнаружена «узкая полоска почтовой бумаги, на которой печатными буквами от руки написано: Отчет И.К. РСДРП за август. Из этого отчета видно, что к 1 августу оставалось 136 р. 75 к., поступило в течение августа 32 р. 90 к., а израсходовано 237 р. 43 к., так что образовался перерасход в 32 р. 90 к. На обороте сделана надпись карандашом, сделана почерком, весьма сходным с почерком Цытовича» [6, л.27].

По результатам обыска 15 октября 1907 г. из Иркутска была направлена шифрованная телеграмма министру юстиции И.Г.Щегловитову:

«14 октября Иркутске во дворе дома Юртиных взята типография социал-демократов, нелегальные издания, переписка, оболочка метательной бомбы. Задержано четырнадцать человек. Следствие назначается. Прокурор Палаты Нимандер» [1, л.1].

17 октября 1907 г., «ввиду новых агентурных сведений о том, что при обыске <...> были отобраны не все вещественные доказательства <...> обыск был повторен, причем под домом и за карнизами окон были обнаружены два свертка прокламаций, представлявшие из себя архив Иркутской организации РСДРП» [1, л.10 об.].

Дело было взято под контроль министром юстиции И.Г.Щегловитовым. Анна Тарелкина и Александр Цытович наряду с другими арестованными были заключены под стражу в Иркутский тюремный замок.

На допросах Анна Тарелкина «показала, что политикой она не занималась и целый день была занята хождением по урокам <...> Александр Цытович показал, что найденный у него подписной лист для сбора пожертвований РСДРП он получил по почте от неизвестного ему лица. По этому листу пожертвования он и не думал собирать. Положил его в карман, не считая его документом, могущим дать основания заподозрить его в принадлежности к партии. У Тарелкиной он бывал часто потому, что она невеста. При обыске его летучего листка у него найдено не было» [6, л.29]. В дальнейшем все обвиняемые по этому делу были освобождены под залог и поручительство, «так как обыски, проведенные неопытными

лицами, без предварительных агентурных наблюдений, не дали достаточных данных для установления того, в чем именно выражалась революционная деятельность каждого из обвиняемых» [1, л.10 об.]. Известно, что Александр Цытович внес залог за свое освобождение в сумме 500 рублей.

Вот как вспоминала об этом М.К.Одинцова: «Летом 1907 г. отец⁵ мне сказал, что он разрешил Цытовичу пользоваться лошадей для нужд подпольной типографии <...> Как обычно, Цытович взял у отца коня для нужд типографии. Конь долго не возвращался. Уже стало темно, когда кто-то постучался в парадную дверь, вошли двое и сказали, что они взяли типографию, но по дороге им сообщили, что на той квартире, куда они везли ее, идет обыск. Тогда они возили типографию по городу и его окрестностям, а когда стемнело, привезли ее отцу, чтобы он ее спрятал. Они помогут разгрузить экипаж, так как одни шрифты весят 2,5 пуда. Отец ответил, что он сделает все сам, а они пусть уходят в разные стороны. Они ушли, а он ввел лошадь во двор, все куда-то выгрузил и спрятал. Дальнейшая судьба типографии мне неизвестна. То, что типография оказалась у него, спасло Цытовичей от каторги <...> У Цытовичей был обыск, но нашли у них только валик от гектографа. Их арестовали, судили, но материалов для серьезного обвинения было мало, так как свою причастность к типографии они отрицали...» [18].

Александр Цытович. Иркутск, 1907 г.

⁵ Отец М.К.Одинцовой – Турицын Константин Павлович (1860–1939), в описываемое время – член Иркутской городской управы, общественный деятель, затем гласный Иркутской городской думы.

**«Нарядом полиции было
усмотрено сборище толпы...»**

Вскоре Александр Цытович становится фигурантом нового уголовного дела, возбужденного после ареста участников нелегальной сходки в роще «Звездочка» на левом берегу

Ангары накануне открытия в городе памятника императору Александру III. В фонде Первого департамента Министерства юстиции в ГА РФ среди документов Третьего уголовного отделения 2-го делопроизводства хранится дело №41 за 1910 г., озаглавленное в описи следующим образом: «Дело о А.Цытовиче, И.Константинове и др., осужденных за участие в собрании членов Иркутской организации РСДРП в связи с открытием памятника Александру III в Иркутске, в 1908 г.» [2].

В секретном донесении прокурор Иркутского окружного суда А.Фаас сообщал министру юстиции И.Г.Щегловитову: «С первых чисел августа месяца 1908 года в Иркутское охранное отделение стали поступать агентурные сведения об усиливающейся деятельности местных социал-демократов, на почве сформирования распавшегося, ввиду бывших ранее обысков и арестов, "Иркутского комитета Российской социал-демократической рабочей партии" <...> В 20 числах того же августа месяца агентурой было указано, что упоминаемый комитет сформировался и начал свою деятельность, предполагая проявить какое-то активное выступление в день открытия памятника ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III. Ввиду изложенного, с 24 августа было установлено наружное наблюдение за некоторыми известными Охранному отделению лицами, вошедшими в состав сформировавшегося комитета, а именно: за отставным губернским секретарем Александром Васильевым Цытовичем, тамбовским мещанином Иваном Федоровым Тумановым, проживающими по Почтамтской улице в доме №1/12, крестьянином Матвеем Леонтьевым Лободиныным и сыном потомственного почетного гражданина Андреем Александровым Знаменским. Из данных наблюдения, коим установлена связь между собой Цытовича, Туманова и Лободина, усмотрено, что Александром Цытовичем 27 августа были посещены, с неизвестной целью, одна за другой типографии, находящиеся в городе Иркутске, – Лейбовича, Макушина, Окунева и Казанцева. 29 августа, т.е. накануне открытия памятника, в 9-м часу утра Матвей Лободин отправился на велосипеде в дом №1/12 по Почтамтской улице, где квартировали упомянутые выше

Цытович и Туманов. Пробыв в этом доме минут десять, отправился на пароходную пристань, что на набережной реки Ангары, переехав на пароходе реку Ангару, отправился в лес, расположенный близ дачи "Звездочка", где в это время уже были Александр Цытович, Андрей Знаменский, Туманов и несколько неизвестных молодых людей. По получении в Охранном отделении сведений о скоплении в упомянутой местности "Звездочка" неизвестных лиц, начальником названного отделения было предложено помощнику пристава 1-й полицейской части отправиться в эту местность для задержания собравшихся там лиц. Из составленного по сему делу протокола видно, что прибывшим в указанное место нарядом полиции было усмотрено сорище толпы, часть коей сидела на земле, а часть стояла. Лесная площадь на расстоянии ста сажений была оцеплена нарядом казаков и городских. Когда толпа заметила приближение полиции, то бросились бежать в разные стороны, но нарядом полиции все были задержаны и арестованы. Далее из этого же протокола усматривается, что на месте, где происходило сорище, и в разных местах леса на оцепленном расстоянии было найдено: револьверный шнур тюремного ведомства, несколько экземпляров журнала "Профессиональный справочник" №6; литографированная брошюра, заключающая в себе отчет о деятельности социал-демократической фракции в 3-й Государственной думе; памятная книжка; отрывок письма и около 600 экземпляров прокламации, озаглавленной "Черный праздник", издания Иркутского комитета РСДРП⁶ с датой 30 августа 1908 года, причем 482 экземпляра этой прокламации найдены завернутыми в цветной платок и задержано 25 человек, из коих 23 мужчины и 2 женщины» [2, л.1–2].

«...высказывалась надежда на близкое осуществление стремлений пролетариата...»

Арестованные содержались в Александровской Центральной пересыльной тюрьме в 70 верстах от Иркутска. В июле 1909 г. «Дело о преступной деятельности иркутских социал-демократов» было закончено производством и рассмотрено в закрытом заседании в Иркутском военно-окружном суде 11 и 12 ноября 1909 г. Приговор был объявлен 13 ноября 1909 г. Алек-

⁶ О сходке на «Звездочке» и прокламации «Черный праздник» см. [20, с.110–111]. Приведена часть текста прокламации.

сандр Цытович, наряду с 12 другими подсудимыми, был признан виновным в том, что «29-го августа 1908 г. в гор. Иркутске, зная о предстоящем на следующий день торжестве открытия Памятника ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III, заведомо собрались в дачной местности "Звездочка" близ полотна железной дороги с целью высказать свое отрицательное отношение к предстоящему торжеству и выразить сочувствие учению РСДРП, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в империи общественного строя и замене его строем социалистическим, для чего читали принесенную не обнаруженным дознанием лицом прокламацию издания местной организации упомянутой партии, где осуждалась постройка памятника и высказывалась надежда на близкое осуществление стремлений пролетариата к созданию социалистического строя и обменивались взглядами по поводу прочитанного...» [2, л.15]. За участие «в публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить неуважение верховной власти и порицание установленному основными законами образу правления», А.Цытович и 12 других подсудимых были приговорены к тюремному заключению сроком на один год с зачетом предварительного заключения по этому делу в течение одного года. Вина 9 других подсудимых в «участии в публичном скопище» была признана недоказанной, и они были оправданы [2, л.15 об.].

После освобождения из тюрьмы А.Цытович работал судебным корреспондентом газеты «Сибирь». Вероятно, в это время он вступает в брак с Анной Тарелкиной (точную дату его женитьбы выяснить не удалось. В документах 1912 г. Анна Тарелкина фигурирует уже под фамилией Цытович).

Подсудимый на суд не явился... Между тем «Дело об А.Тарелкиной...», начатое в 1907 г., буксовало. 25 апреля 1909 г. прокурор А.Фаас сообщил, что следственные действия по делу не производились, «так как у судебного следователя по особо важным делам накопилось большое количество дел, требовавших усиленной и спешной работы. Меры к скорейшему окончанию дела приняты» [1, л.13]. Дело застопорилось в связи с отсутствием свидетеля Шемякина, который «выехал из Иркутска неизвестно куда» [1, л.15]. Меры по его розыску в Томске

не увенчались успехом. Наконец Павел Шемякин был обнаружен в Омске и допрошен. В 1910–1911 гг. дело не было завершено.

«Обвинительный акт по делу о мещанах В.В.Батурине, Агриппине Григорьевне Батуриной, Василии Васильевиче Батурине, Владимире Васильевиче Батурине, дочери священника Анне Павловне Тарелкиной, ныне жене губернского секретаря Цытовича, губернском секретаре Александре Васильевиче Цытовиче [и др.]» был составлен 7 февраля 1912 г. Судебный процесс состоялся в августе 1912 г., А.Цытович на суд не явился.

Подсудимые были обвинены в том, что «вступили в преступное сообщество, именуемое себя РосДРП, которое, заведомо для них, целью своей поставило насильственное ниспровержение в России установленного основными законами образа правления и учреждение демократической республики, причем участие их, обвиняемых, в названном сообществе выразилось в том, что они для осуществления указанной выше цели сообщества, имея в виду распространение учения этого сообщества и привлечения к оному новых членов, устраивали тайные собрания в квартире <...>, где имели вполне оборудованную тайную типографию, в которой печатали, а затем распространяли "Летучий листок", являющийся органом РСДРП, и другие произведения нелегальной литературы РСДРП, в коих произведениях возбуждали и приглашали население готовиться к открытому вооруженному восстанию с законно существующим в России Правительством, для низвержения самодержавия, захвата государственной власти и передачи ее всенародному Учредительному собранию, избранному на началах всеобщего, прямого, тайного и равного голосования; имели в своем распоряжении склад печатных нелегальных сочинений РСДРП для снабжения ими членов сообщества, производили денежные сборы для нужд сообщества, оплачивали тайные союзы, кружки и группы служащих в разных предприятиях, пропагандируя среди них оппозиционное движение, направленное против существующего монархического строя, и вели учет революционных сил и средств, в целях определения как общей готовности народных масс к восстанию, так и его момента...» [б. л.29 об–30].

Все присутствовавшие на суде обвиняемые были оправданы, за исключением Анны Павловны Цытович (Тарелкиной), которая военно-окружным судом была приговорена к ссылке на поселение, при

этом суд постановил ходатайствовать перед командующим войсками Иркутского военного округа о смягчении приговора [6. л.36].

Париж – Тулуза – Марсель

Согласно «Опросному листу», заполненному в 1917 г. [10, л.29], А.В.Цытович находился в Париже с мая 1912 г., по данным регистрационного бланка члена ВКП(б) [12] –

с февраля 1912 г. В Париже Цытович вступает в «Ленинскую» секцию РСДРП, вскоре становится студентом электротехнического института в Тулузе. В 1913 г. во Францию приезжает Анна Павловна (обстоятельства ее отъезда из России в доступных документах ее личного дела не отражены). До 1915 г. чета Цытовичей живет в Тулузе, Александр Цытович состоит членом Тулузской секции Заграничной организации РСДРП. В 1915 г. Цытовичи поселяются в Марселе, глава семейства поступает на службу кондуктором (дежурным пульта управления) электроподстанции местного трамвайного и электроосветительного товарищества, продолжает активно участвовать в политической жизни местной колонии политэмигрантов. 14 января 1916 г. у супругов Цытовичей родилась дочь Татьяна.

Вскоре после Февральской революции Александр Васильевич Цытович заполняет «Опросный лист» Исполнительного комитета Парижского совета представителей политических организаций для организации отправки политических эмигрантов в Россию [10, л.29], в котором заявляет о немедленном желании вернуться в Россию и сообщает об отсутствии средств для самостоятельной поездки. Аналогичный опросный лист заполнила и А.П.Цытович. Сохранились два письма А.Цытовича, отправленные из Марселя в Париж осенью 1917 г. В это время А.Цытович занимает пост председателя Комитета политических эмигрантов Марселя и ведет переписку по поводу «водворения на родину русских политических эмигрантов» [10, л.33]. Привожу текст одного из писем:

В Комитет по отправке политических эмигрантов в Россию.
14, R. Stanislav, 14 Paris
Уважаемые товарищи!

В ответ на Ваше письмо от 18 текущего месяца сообщаем Вам, что мы (Александр, Анна и их дочь – Татьяна, родившаяся 14 января 1916 г. в Марселе, Цытовичи) желаем ехать в Россию теперь и просим, если это будет нужно, протелеграфировать наши имена в Петроград.

Александр Цытович
Анна Цытович
Татьяна Цытович (род. 14/1–16 г.).
Marseille
30, rue Neuve, 30 [10, л.35].

Возвращение в Петроград

Однако возвращение семьи Цытовичей в Советскую Россию произошло только в начале 1919 г., когда глава семейства был выслан французскими властями за активную политическую деятельность в эмигрантском комитете в Марселе в обмен на французов, находившихся в России. 1 января 1919 г. семья Цытовичей была посажена на поезд и вскоре оказалась в Петрограде. С 13 февраля 1919 г. А.В.Цытович работал в редакции «Красной газеты» – редактором отдела и организатором ячейки типографии. С августа 1919 г. заведует технической статистикой на 1-й государственной электростанции Петрограда. В январе 1920 г. Цытовичи переезжают на родину главы семейства, в Витебскую губернию. Здесь А.В.Цытович вначале работал инструктором по профобразованию Уездного отдела народного образования в г. Городок, а затем заведует учебной частью Витебского электромеханического техникума. В 1925 г. Цытовичи переезжают в Москву, здесь Александр Васильевич с 1 февраля 1925 г. занимает должность заведующего гуманитарно-педагогическими учреждениями Республики Научного отдела Главнауки Народного комиссариата просвещения РСФСР.

В Библиотеке Исторического музея

С 6 сентября 1929 г. А.В.Цытович был назначен на должность директора Библиотеки Государственного исторического музея. Назначение на должность было оформлено

приказом №234 от 29.08.1929 г. по распоряжению ГНК №150 от 16.08.1929 г. А.В.Цытович сменил на посту директора библиотеки, известного фольклориста и литературоведа Юрия Матвеевича Соколова (1889–1941), возглавлявшего Библиотеку Исторического музея с 1922 г. Цытович стал первым руководителем из плеяды «пламенных революционеров» и активных строителей нового социалистического общества, руководивших Библиотекой ГИМ, а затем Государственной публичной исторической библиотекой вплоть до середины 1950-х гг.

В результате деятельности нового директора обстановка в библиотеке радикально изменилась. Вот как вспоминала об этом Екатерина Васильевна Благовещенская (1895–1977), многолетняя сотрудница отдела редких книг Библиотеки ГИМ, затем ГПИБ (в 1920–1963 гг.)⁷:

«В 1929 г. в библиотеке Исторического музея произошли большие перемены, отразившиеся и на судьбе отдела истории книги. Между дирекцией музея и заведующим б-кой, проф. Ю.М.Соколовым возникли трения, приведшие в конце концов к его уходу. В последние месяцы его пребывания в б-ке в помощники ему был назначен М.Л.Мильштейн. Последний по-своему взялся за ликвидацию необработанных фондов библиотеки, "залежей", как их называли. Не довольствуясь чрезвычайно энергичным сотрудничеством с представителем Внешторга, очень быстро освободившим библиотеку от роскошных малотиражных иностранных изданий XIX–XX вв. (главным образом из собрания П.И.Щукина), с чем приходилось мириться, так как это делалось в силу государственной необходимости), новый зам. зав. пригласил представителей других московских библиотек выбирать из наших запасов, что им понравится. Они, конечно, не заставили себя просить и охотно отобрали самое ценное. Хорошо, что этот процесс был не очень длителен, а залежи слишком велики, чтобы их целиком выставить на обозрение гостям. Деятельность М.Л.Мильштейна в б-ке была недолговечна и прекратилась немедленно после партийной чистки. К этому времени, с осени 1929 г., библиотека была уже в твердых руках нового заведующего, А.В.Цытовича. Т[ов.] Цытовичу, инженеру-электрику по специальности, понадобилось некоторое время, чтобы освоиться со спецификой исторической б-ки, и первоначально сотрудникам не без труда приходилось доказывать, что нельзя освобождать место на

⁷ Подробнее о Е.В.Благовещенской см.: [15, с.169].

книжных полках, выкидывая историю дворянства или исследования о плащаницах, иконостасах и т.п. предметах, связанных с культом («Кому это нужно!?!»). Главное внимание было обращено на борьбу с залежами, на ускорение обработки книги, на организацию обменного фонда из дублетных, а иногда, к сожалению, и не из дублетных, экземпляров. Совершенно прекратились в б-ке заседания с научными докладами, но зато начались регулярные частые производственные совещания библиотечного коллектива в полном составе, с обсуждением всех вопросов текущей работы...» [13, л.60–61].

А.В.Цытович покинул пост директора Библиотеки ГИМ с 17 декабря 1933 г. по собственному желанию. Так как в Научно-ведомственном архиве ОПИ ГИМ его личное дело отсутствует, обстоятельства ухода Цытовича с руководящей должности можно только предполагать. Одной из причин мог стать арест в июле 1933 г. его младшего брата, Петра Васильевича Цитовича (1884 – после 1934), специалиста-коноплевода, преподавателя Карачевского коноплеводческого техникума. В августе 1933 г. П.В.Цитович был выслан в село Емецкое Северного края, откуда в феврале 1934 г. обратился в Коллегию ОГПУ с заявлением о пересмотре дела. Дальнейшая судьба его неизвестна [21].

После ухода А.В.Цытовича пост директора Библиотеки ГИМ заняла Фаина Ефремовна Ставская (1890–1937), активная участница революционного движения, бывшая террористка-анархистка, затем эсерка. Ф.Е.Ставская возглавляла библиотеку вплоть до мая 1937 г., когда она была арестована и вскоре расстреляна⁸.

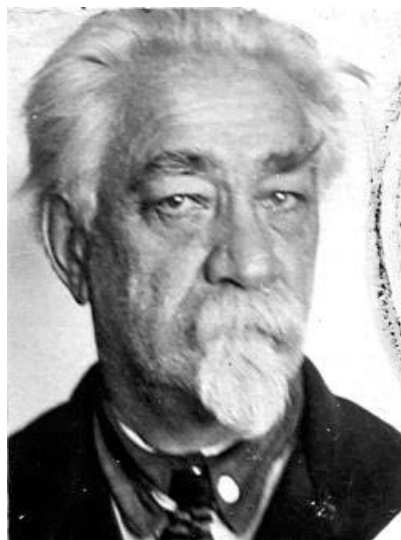
«Коммунисты неизвестно где...»

После ухода из Библиотеки ГИМ А.В.Цытович работал заведующим библиотекой ВНИИ электрификации сельского хозяйства (с января 1934 г. по август 1937 г.), располагавшегося на окраине Москвы, в Петровско-Разумовском. С августа 1937 г. он работал заведующим техническим архивом Всесоюзного института механизации на ст. Плющево Ухтомского района Московской области (ныне в черте Москвы). Эти места работы наводят на

⁸ О Ф.Е.Ставской см. подробнее [15, с.5–7; 22].

размышления о попытках Цытовича затеряться на периферии, скрыться от всевидящего ока карательных органов. Все это время семья Цытовичей проживала в Москве на ул. Кропоткина (ныне Пречистенка), в доме №21/12.

А.В.Цытович состоял членом Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, принимал участие в работе бригады по изучению стачечного и профессионального движения в 1905 г. Сохранился текст его доклада «Забастовка почтово-телеграфных чиновников в Иркутске и Чите в 1905 г.», сделанного 7 мая 1932 г. [11]. По ходатайству Центрального совета Общества с 1 мая 1931 г. ему была установлена персональная пенсия, выплата которой была прекращена с 1 октября 1941 г. в связи с неясной [7, л.2 об.]. Как удалось выяснить, А.В.Цытович умер в эвакуации в Новосибирске в июле 1942 г. Партийные документы Александра Васильевича были погашены в 1949 г. Московским обкомом ВКП(б) с пометкой «коммунисты неизвестно где».

А.В.Цытович. 1939 г.

Библиографический список

1. Дело об А.Тарелкиной и др., привлекавшихся к дознанию за обнаруженную типографию и прокламации Иркутского комитета РСДРП в г.Иркутске в октябре 1907 г. // ГА РФ. Ф.124. Оп.48. Д.58. 26 л.
2. Дело о А.Цитовиче, И.Константинове и др., осужденных за участие в собрании членов Иркутской организации РСДРП в связи с открытием памятника Александру III в Иркутске, в 1908 г. 15–28 янв. 1910 г. // ГА РФ. Ф.124. Оп.48. Д.60. 17 л.
3. Дело о дочери священника Анне Павловне Тарелкиной // ГА РФ. Ф.102. Оп.101. Д.3373. Ч.16. 26 л.
4. Фотографии Цитовича А.В. в профиль, анфас, рост. Регистрационная карточка составлена в Иркутском охранном отделении 14 марта 1907 г. // ГА РФ. Ф.1742. Оп.8. Д.1466.
5. Фотография А.П.Тарелкиной. Иркутск, 1907 г. // ГА РФ. Ф.533. Оп.1. Д.556. Л.9. Прислана П.А.Нестеренко из Ялты в редакцию журнала «Маслобойно-жировое дело» для Томского краеведческого музея.
6. Дело персонального пенсионера республиканского значения. Цитович Анна Павловна // ГА РФ. Ф.А-539. Оп.1. Д.1567. 118 л.
7. Дело персонального пенсионера республиканского значения. Цытович Александр Васильевич // ГА РФ. Ф.А-539. Оп.3. Д.9553. 18 л.
8. Личные дела работников ЦК РАБПРОС. Кор. Цаба – Цытович // ГА РФ. Ф.5462. Оп.17. Д.725. Л.229–232.
9. Личное дело. Цитович Александр Васильевич, 1 февр. 1925 г. // ГА РФ. Ф.А-2306. Оп.61. Д.51.
10. Личные дела политэмигрантов (опросные листы). Царевская – Цытович. 1917 г. // ГА РФ. Ф.479. Оп.1. Д.71.
11. Стенограмма заседания бригады по изучению стачечного и профессионального движения в 1905 г. Доклад Цитовича «Забастовка почтово-телеграфных чиновников в Иркутске и Чите в 1905 г.», 7 мая 1932 г. // ГА РФ. Ф.533. Оп.1. Д.299. 48 л.
12. РГАСПИ. Ф.17. Оп.99. Учетно-партийные документы образца 1936 г. Регистрационный бланк к партбилету №2729809.
13. Благовещенская Е.В. Отдел редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки (1922–1948). М., 1948. 141 л. Машинопись. Рукопись хранится в отделе редких книг ГПИБ.
14. Иванов А.А. Оппозиционное движение в Иркутске в 1906–1914 гг.: некоторые проблемы развития // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2017. Т.21. С.101–110.
15. Историческая библиотека в 1920-е – 1930-е гг.: сборник документов и материалов / Гос. публ. ист. б-ка России; сост., подгот. текстов к публ., вступ. ст. и коммент. К.А.Шапошников; науч. ред. М.Д.Афанасьев. М., 2019. 212 с.
16. Макачук С.В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг): состояние социал-демокр. и внепарт. орг. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 297 с.

17. Мучник Г. Воспоминания подпольщика // Сибирские огни. 1925. №3. С.138–142.
18. Одинцова М.К. Из воспоминаний М.К.Одинцовой // URL: <http://akturitsyn.narod.ru/mko.html?oprd=1> (Дата обращения 30.10.2019).
19. Одинцова М. Первое января 1906 г. в Иркутске: (из воспоминаний о первой русской революции) // Ангара. Вып.4 (73). Иркутск, 1966. С.100–102.
20. Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Ч.1: 1901–1920 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 382 с.
21. Цитович П.В. – в коллегия ОГПУ // URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002592.pdf (Дата обращения 30.10.2019).
22. Шапошников К.А. Страницы биографии Фаины Ставской (1890–1937): террористка-анархистка, политкаторжанка, директор Государственной исторической библиотеки // Библиотечное дело – 2013: Библиотечно-информационная деятельность в современной системе информации, документных коммуникаций и культуры: Скворцовские чтения: материалы восемнадцатой междунар. науч. конф. (24–25 апр. 2013 г.). Ч.1. М., 2013. С.110–113.

Наши авторы

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАН,
лауреат Государственной премии СССР,
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры региональных исследований факультета
иностранных языков и регионоведения,
МГУ имени М.В.Ломоносова

Лупанова Евгения Михайловна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры
и российской науки XVIII в. МАЭ РАН

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, профессор,
заведующий кафедрой истории России Средневековья
и Нового времени РГГУ

Каравашкин Андрей Витальевич

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры истории России Средневековья
и Нового времени РГГУ; ведущий научный сотрудник
ИМЛИ РАН (отдел древнеславянских литератур)

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный
сотрудник Центра «История России XIX – начала XX в.», Институт
русской истории Российской академии наук

Шапошников Кирилл Александрович

заведующий справочно-библиографическим отделом
Государственной публичной исторической библиотеки России
(Москва)

Our authors

Mal'kov Victor Leonidovich

D.Sci., historian, Professor, Merited Scholar of the Russian Federation, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, USSR State Prize Winner, Chief Scholar of the Institute of the World History, Russian Academy of Sciences

Zhbankova Elena Vasiljevna

D.Sci., historian, Associate Professor, Professor, Dpt. of Area Studies, Foreign Languages and Regional Studies of The Moscow State University

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. in history, senior researcher at Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early and Early Modern Russian History, Russian State University for Humanities

Karavashkin Andrey Vital'evich

D.Sci., philologist, Professor, Professor, Chair of Early and Modern Russian History, Russian State University for Humanities; leading researcher, Institute of World Literature (Department of Old Slavic Literature), RAS

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, assistant Professor, a senior fellow researcher at the Center "History of Russia in XIX–early twentieth century", FGBUN Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Shaposhnikov Kirill Aleksandrovich

Head of the Reference and Bibliographic Department of the State Public Historical Library of Russia (Moscow)

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2019 г.

Теория и практика политических игр

Бызов Л.Г. Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет.
Три этапа трансформации общественного сознания. №1. С.6; №2. С.6; №3. С.6

Геоглобалистика

Голдин В.И. Северный морской путь в арктической политике России:
исторический опыт, современность и перспективы. №1. С.32
Мальков В.Л. «Кислотный тест» для дипломатии США.
Президент В.Вильсон и его консулы ищут решение «русской дилеммы». №6. С.6

Ресурсы нации

Лупанова Е.М. «Солнечные часы суть вещь преполезная...»
Портативные солнечные часы российского производства. №4. С.60
Морозова А.Ю. Пролетарский университет: идеи и практика. №3. С.106; №4. С.40

Ярлыки и мифы

Заиченко О.В. Между «большим страхом» и «великими надеждами». Россия в восприятии германской элиты накануне и во время Отечественной войны 1812 года: национально-патриотический дискурс. №1. С.50
Заиченко О.В. Александр I как спаситель Европы.
Консервативный манифест Георга Фридриха Паррота (1812–1814). №4. С.90
Солдатенко В.Ф. Христиан Раковский в революционных событиях в Украине (1918–1923 гг.): поиск современных научных акцентов. №2. С.86; №3. С.86
Федосов Е.А. «...Нарисовать карикатуры по их замыслам...»
Роль советских граждан в формировании сюжетов политических карикатур начального периода холодной войны. №4. С.86
Филиппова Т.А. Культура, революция, война. «Культурное измерение» кризиса 1917–1922 годов в современной российской историографии. №1. С.144
Юдин К.А. Борьба с «формализмом» в советской музыке (вторая половина 1940 – начало 1950-х гг.). №5. С.122
Юрганов А.Л. Юбилейная статья (1929 г.) как скрытая автобиография Сталина. №6. С.94

Россия в мире

Готовцева А.Г. «Неюбилейные» юбилеи: идеологические модели наполеоновской эпохи в царствование Александра II. №5. С.34
Дегоев В.В., Стамова И.И. Русско-европейские отношения как предтеча Северной войны. №5. С.6
Соловьев К.А. Государство и власть: прошлое и перспективы в общественной мысли Русского Зарубежья. №3. С.90; №4. С.6

Европейские параллели

Лупанова Е.М. Переносные солнечные часы европейского производства в коллекциях МАЭ РАН (Кунсткамеры). №6. С.64

Пути духовных исканий

Каравашкин А.В. Непосредственный опыт в текстах Древней Руси: игумен Даниил, инок Фома, протопоп Аввакум. №5. С.142

Каравашкин А.В. Три покаяния: культурно-исторические типы допетровской Руси. №6. С.108

Ранчин А.М. Образы Игоря и Кончака в «Слове о полку Игореве»: структура текста и исторические факты. №2. С.110

Юрганов А.Л. Религиозно-философская концепция добра и зла в русском модернизме. №1. С.90

Страницы истории

Волвенко А.В. Власть и казачество в эпоху «Великих реформ» Александра II (1860–1870-е гг.): историографические заметки (окончание). №1. С.60

Гильминтинов Р.Р. Радикальный индуктивизм Истрифов в контексте раннесоветской историографии. №2. С.64

Жбанкова Е.В. Русский балет в поиске славянской идентичности. №6. С.42

Киянская О.И., Фельдман Д.М. Типология единства: литературные сообщества конца XIX– начала XX веков. №3. С.54

Костырченко Г.В. Дело Щаранского: КГБ в поисках американского следа. №4. С.108

Невежин В.А. Праздник посреди войны: годовщина Октябрьской Революции в восприятии союзников (1943 г.). №5. С.102

Новосельский С.С. Власть против революции: проекты силового преодоления революционного кризиса 1905 г. в России. №3. С.28

Плех О.А. «...чтобы иметь постоянное сведение о положении всех подведомственных министерству мест в губерниях...»

Ведомственные ревизии местного управления при Николае I. №5. С.64

Татаринов И.Е. Особенности формирования украинско-российской границы в 1917–1919 гг. №2. С.20

Черникова Н.В. Парадоксы модернизации. Идея законности в политической культуре пореформенной России. №2. С.24

Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Политические партии России начала XX в. Особенности явления и перспективы изучения. №5. С.84

Актуальный архив

Быкова А. Революционеры, не ювелиры: к вопросу о начале русско-ирландских дипломатических отношений. №1. С.168

Захаров О.И. «Я вполне уверен, что русские люди желают мира и безопасности ничуть не меньше, чем мы, а может, даже и более горячо». №3. С.190

Исхаков С.М. «...Призрачно независимый Азербайджан...»: информация М.-Э.Расулзаде для ЦК РКП(б). №2. С.130

Лазарева Л.Н. СССР в 1946 г.: общественные настроения и механизмы управления ими. №4. С.134

Татаринов И.Е. Украина и Россия: год 1920. Споры о границе. №5. С.156

Хайлова Н.Б. У истоков либерального центризма в России начала XX в. №6. С.138

Чемоданов П.А. От дочери портного до «врага народа»: пять жизней Мизы Боровой. №5. С.176

Шапошников К.А. «Пламенные революционеры» Александр Цытович и Анна Тарелкина. Путь от Иркутска до Марселя. №6. С.166

Редакционная почта

Барабанова К.С. Петербургские врачи глазами пациентов во время эпидемии холеры в 1831 году: №2. С.154

Медведев Р.А. Возможен ли прорыв? №3. С.176

THE LIST OF ALL PUBLISHED MATERIALS IN 2019

Theory and Practice of the Political Games

Byzov L. *The Dynamics of Ideological and Political Preferences for 25 Years. Three Stages of Transformation of Social Consciousness.* №1. P.6; №2. P.6; №3. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

Goldin V. *The Northern Sea Route in Russia's Arctic Policy: Historical Experience, Modernity and Prospects.* №1. P.32

Mal'kov V. *Acid Test for American Diplomacy. President Wilson and his Consuls in Search for "Russian Dilemma".* №6. P.6

Resources of Nation

Lupanova E. «Sundials are the most useful things...» *Portable Russian sundials.* №4. P.60

Morozova Alla. *Proletar university: ideas and practice.* №3. P.106; №4; P.40

Labels and Myths

Fedosov E. «...Draw Cartoons According to Their Designs...»

The Role of Soviet Citizens in the Formation of Political Cartoons of the Initial Period of the Cold War. №4. P.86

Filippova T. *Culture, Revolution, War.* №1. P.144

Soldatenko V. *Christians Rakovsky in the Revolutionary Events in Ukraine (1918–1923): the Search for Modern Scientific Accents.* №2. P.160; №3. P.74

Yudin K. *Struggle with "Formalism" in Soviet Music (Second Half 1940 – Beginning of the 1950's).* №5. P.122

Yurganov A. *Anniversary article (1929) as a hidden autobiography of Stalin.* №6. P.94

Zaichenko O. *Between "Great Fear" and "Great Hope". Russia in the Perception of the German Elite Before and During the Patriotic War of 1812:*

National-Patriotic Discourse. №1. P.50

Zaichenko O. *Alexander I as the savior of Europe. The Conservative Manifesto of Georg Friedrich Parrot (1812 – 814).* №4. P.90

Russia in the World

Degoev V., Stamova I. *Russian-European Relations as the Forerunner of the Great Northern War.* №5. P.6

Gotovtseva A. "Non-military" Anniversaries:

Ideological Models of the Napoleonic Era in the Reign of Alexander II. №5. P.34

Solov'ev Kirill. *State and Power: Past and Perspectives in the Public Thought of Russian Emigré.* №3. P.132; №4. P.6

European Parallels

Lupanova E. *Portable European-made sundial in the collections of MAE RAS (Kunstkamera).* №6. P.64

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Karavashkin A. *Direct Experience in the Texts of Ancient Russia:*

Hegumen Daniel, Monk Thomas, Protopop Avvakum. №5. P.142

Karavashkin A. *Three Penances: Cultural-Historical Types of Pre-Petrine Rus.* №6. P.108

Ranchin A. *Characters of Igor and Konchak in "The Lay of Igor's Campaign".*

Text Structure and Facts of History. №2. P.110

Yurganov A. *Religious and Philosophical Conception of Good and Evil in the Russian Modernism.* №1. P.90

Pages of History

- Chernikova N. *Paradoxes of modernization. The Idea of Legality in the Political Culture of Post-Reform Russia.* №2. P.14
- Gil'mintinov R. *Radical Inductivism of Istprofs in the Context of the Early Soviet Historiography.* №2. P.36
- Kiyanskaya O., Fel'dman D. *Typology of Unity: the Literary Community of the Late XIX – Early XX centuries.* №3. P.70
- Kostyrchenko G. *The Sharansky Case: the KGB in Search of an American Trace.* №4. P.120
- Nevezhin V. *Holiday in the Middle of the War: Anniversary of the October Revolution in the Perception of the Allies (1943).* №5. P.102
- Novoselsky S. *Power Against Revolution: Projects Power Overcoming the 1905 Revolutionary Crisis in Russia.* №3. P.28
- Plekh O. *"...in order to be constantly aware of all places under the ministry's jurisdiction in the provinces..." Revisions of Local Institutions Under Nicholas I.* №5. P.64
- Shelohaev V., Solov'ev K. *Political Parties at the Beginning of the XXth century. The Peculiarities of the Phenomenon and the Research Perspectives.* №5. P.84
- Tatarinov I. *Features of the Formation of the Ukrainian-Russian Border in 1917–1919.* №2. P.20
- Volvenko A. *Power and Cossacking in the Epoch "Great Reform" Alexandra II (1860–1870).* *Historiographic Notes.* №1. P.60
- Zhbankova Elena. *Russian Ballet in Search of Slavic Identity.* №6. P.42

Topical Archive

- Bykova A. *Much Better Revolutionists than Jewellers: to the Question About the Beginning of Irish-Soviet Diplomatic Relations.* №1. P.168
- Chemodanov P. *From Portny's Daughter to "Enemy of the People": Five Lives of Miza Boreva.* №5. P.176
- Iskhakov S. *"... Illusory Independent Azerbaijan...": Information M.-E.Rasulzade for the Central Committee of the RCP(b).* №2. P.240
- Khailova N. *At the Origins of Liberal Centrism in Russia in the Early Twentieth Century.* №6. P.138
- Lazareva L. *USSR in 1946: Public Moods and Mechanisms for Managing them.* №4. P.200
- Shaposhnikov K. *"Fiery Revolutionaries" Alexander Tsyтовich and Anna Tarelkina. The Path from Irkutsk to Marseille.* №6. P.166
- Tatarinov I. *Ukraine and Russia: Year 1920. Disputes about the Border.* №5. P.156
- Zacharov Oleg. *"I'm pretty sure that the Russian people want peace and security no less than we, and maybe even more passionately».* №3. P.190

Readers' Letters

- Barabanova K. *Petersburg Doctors Through the Eyes of Patients During a Cholera Epidemic in 1831.* №2. P.250
- Medvedev Roy. *Is a Breakthrough Possible?* №3. P.176

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.**

**© «Россия XXI», 2019.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 24.12.2019. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

6.2019 november-desember

Geopolitics and International Policy Issues

Victor Mal'kov

“Acid Test” for American Diplomacy.
President Wilson and his Consuls in Search for “Russian
Dilemma” _____ **6**

Pages of History

Elena Zhabkova

Russian Ballet in Search of Slavic Identity _____ **42**

European Parallels

Evgeniya Lupanova

Portable European-made Sundial in the Collections
of Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences (Kunstkamera) _____ **64**

Labels and Myths

Andrey Yurganov

Anniversary Article (1929) as a Hidden
Autobiography of Stalin _____ **94**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Karavashkin

Three Penances: Cultural-Historical Types
of Pre-Petrine Russia _____ **108**

Topical Archive

Nina Khailova

At the Origins of Liberal Centrism
in Russia in the Early
Twentieth Century _____ **138**

Kirill Shaposhnikov

“Ardent Revolutionaries” Alexander
Tsytovich and Anna Tarelkina.
The Path from Irkutsk to Marseille _____ **166**

РОССИЯ XXI